НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ — ПО-ФРОНТОВОМУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — воспоминания ветеранов войны и труда о годах великой битвы с фашизмом на фронте и в глубоком тылу, на Урале. О беспримерном мужестве, о верности долгу, о любви к Родине советских людей.

- На войне и в тылу — по-фронтовому
  - ○
  - ○ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
  - ○ Е. П. Агарков,
  - ○ В. С. Архипов,
  - ○ Из документов военной поры, 1941 год
  - ○ А. А. Пальна
  - ○ В. Г. Карташев
  - ○ Л. В. Чаринцев
  - ○ Из документов военной поры, 1942 год
  - ○ Н. И. Горшенев
  - ○ А. М. Нигматуллина
    - ■
    - ■ За линией фронта
    - ■ Дороги фронтовые
    - ■ Сын полка
  - ○ Н. Г. Токунов
  - ○ С. С. Зубарев
  - ○ Из документов военной поры, 1943 год
  - ○ А. Ф. Крыгин
  - ○ Р. Ф. Шнейвайс
    - ■
    - ■ Первые дни войны
    - ■ Линкор на колесах
    - ■ И снова атака
    - ■ Долг живых
  - ○ В. В. Ясиновский
  - ○ Из документов военной поры, 1944 год
  - ○ Н. И. Карпенко
  - ○ М. С. Гроссман
  - ○ Б. В. Пинегин
  - ○ Ф. И. Коржаков
  - ○ С. А. Злодеев
  - ○ А. И. Ляпустин
  - ○ Из документов военной поры, 1945 год
  - ○ ФОТОГРАФИИ

На войне и в тылу — по-фронтовому

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Время идет. Ежегодно 9 мая вот уже 40 лет небо нашей Родины расцвечивается салютом Победы. А люди все не могут забыть войну. 1418 дней. И каждый из них — это кровь и смерть, боль и горечь утрат, радость больших и малых побед. Каждый день — чудеса бесстрашия, мужества, идейной стойкости, доблести. Каждый день — страница в книге бессмертного подвига советских людей. Подвига ратного. Подвига трудового.

Год 1941-й. 22 июня. Как гром грянуло короткое, страшное: «Война!» На рассвете гитлеровские орды вероломно напали на нашу Родину. В Киеве, Одессе, Каунасе, Севастополе уже рвались немецкие бомбы.

По призыву партии «Все для фронта! Все для победы над врагом!» южноуральцы вместе со всем народом поднялись на борьбу против фашистских захватчиков. На заводах Челябинска и Магнитогорска, шахтах Копейска и Коркино, в учреждениях, на железной дороге, в колхозах и совхозах, школах и вузах — повсюду прошли многолюдные митинги в самые первые часы войны.

Рабочие, ученые и колхозники, мужчины и женщины, люди зрелые и вчерашние школьники в едином порыве заявили о своей решимости и готовности отстоять родную Отчизну, не щадя крови и жизни, драться с врагом до полного его уничтожения.

22 июня, Челябинский тракторный. Тракторостроители, затаив дыхание, ловят идущие от сердца пламенные слова секретаря райкома партии, бывшего рабочего-инструментальщика Ф. И. Савина:

— Если потребуется, каждый из нас возьмет в руки оружие и до последней капли крови будет защищать любимую Родину!

— Как никогда, поднять производительность труда, чтобы с сегодняшнего дня давать нашей доблестной Красной Армии столько мощных гусеничных тракторов, сколько ей потребуется! — несется с трибуны голос начальника цеха И. А. Воронцова.

— Шахтеры ценой каких угодно усилий обеспечат победу над фашистскими варварами. Мы давали много угля и сейчас дадим его столько, сколько потребуется стране, — заявили на своем собрании десять тысяч горняков-копейчан.

Сотни и тысячи писем, заявлений ежедневно поступали в партийные комитеты, военкоматы, в редакции газет.

«Просим зачислить в ряды доблестной Красной Армии», — писали доменщики Магнитки кандидат в члены партии газовщик

Чудаков, группарторг электриков Губайдуллин.

«Идем добровольцами», — сообщали студенты Магнитогорского педагогического института Борисова, Руденко и другие.

«Добровольно — на фронт!» — призывали южноуральцы. На Челябинском тракторном работала строгая медицинская комиссия, а через 10 дней партком завода утвердил состав группы добровольцев в танковую бригаду. Подбирали стреляных, бывалых, служивших в танковых частях. Из характеристик:

Юсупов Закир Хисанович, коммунист, мастер механосборочного цеха № 1. Военная специальность — командир танка. Воевал на Хасане. Участвовал в войне с белофиннами.

Кухарев Василий Алексеевич, кандидат в члены партии, слесарь цеха сборки танков, механик-водитель танка.

Ермолин Виктор Иванович, комсомолец, инспектор отдела кадров, командир танка.

Бойко Александр Васильевич, коммунист, слесарь цеха сборки танков, командир танка…

42 добровольца отобраны. Они изъявили «безусловное желание» вступить в первый танковый отряд завода. Возвращались в общежитие после дня напряженной учебы и работы, осваивали боевые машины. Война застала их среди мирных дел. У каждого была своя жизнь, своя мечта. Они, как и многие, осаждали райком партии, военкомат. Так боялись не успеть. Они успели.

Приняли свой первый бой под Москвой. Постигли жестокую науку войны: все свои душевные, физические силы подчинить единственному приказу «Ни шагу назад!». Они умом, сердцем понимали всю важность этого приказа и потому стояли насмерть.

Жестокие дни страшного, но и великого сорок первого года, потому что именно тогда произошла та удивительная внутренняя мобилизация духа нашего народа, которая потом начала приносить свои победные плоды.

Фронт практически был повсюду. Горечь и боль, ненависть к врагу и тревога за судьбу Родины как в огненной печи переплавлялись в сплав особой прочности — все сделать, все дать армии, стране, остановить, разгромить врага. В сердцах рождалась непреклонная воля к победе.

Фашизм надеялся одним ударом свалить с ног советскую экономику. К ноябрю сорок первого захватчики оккупировали районы, дававшие перед войной 75 процентов чугуна, 60 — стали, 55 процентов проката черных металлов, более 60 процентов угля, почти все качественные стали.

Свершить необходимое и неизбежное, сделать возможное и

невозможное во имя Победы. Так думали и жили миллионы южноуральцев.

В Государственном архиве Челябинской области хранятся документы военной поры: протоколы, заявления, письма, дневники, рапорты. Тогда их строчки были информацией о моменте. Сегодня — они свидетельства героической истории нашего народа, стального единства фронта и тыла, сцементированного волей партии. Вот отчет о работе Магнитогорского комбината за 1941 год:

«…Комбинат освоил выплавку всех заданных ему марок сталей. Перед комбинатом была поставлена задача освоения прокатки бронелиста на эвакуированном стане «1250». Комбинат выполнил это задание, разработав и осуществив приспособление блюминга № 3 для прокатки бронелиста, что в практике металлургии являлось совершенно новым и не имело прецедентов в прошлом. Директор ММК Г. И. Носов».

А за словами отчета — титаническая борьба, тяжелая работа десятков тысяч людей.

В мороз работая до пота,
с озноба мучась, как в огне,
мы здесь узнали,
что работа
равна отвагою войне.

Эти строчки Б. Ручьева — нерукотворный памятник колоссальному труду магнитогорцев.

Высоко оценили вклад комбината в дело Победы партия, правительство, народ. Его коллектив награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени. Орденом Ленина отмечены заслуги прославленного строительного треста «Магнитострой».

С сентября 1941 года на Челябинский тракторный стало прибывать оборудование Ленинградского Кировского и Харьковского завода дизельных моторов. Методом скоростной стройки были возведены 17 новых цехов общей площадью более 100 тысяч квадратных метров. В сжатые сроки выросло гигантское предприятие по производству танков и дизельных моторов. Оно получило имя Кировского завода, Танкоград — так с гордостью стали называть его.

Из обязательств танкостроителей:

«Дать фронту нужное количество оборонной продукции, обеспечив ее высокие военно-технические качества».

Из резолюции собрания партийного актива Кировского завода:

«Обеспечить точное и неуклонное выполнение постановления Государственного Комитета Обороны о производстве танков Т-34 на Кировском заводе».

Именно тогда со всей суровостью и непреклонностью было записано в резолюции: «…невыполнение коммунистами в установленные сроки задания по выпуску Т-34 является несовместимым с пребыванием в партии…»

Челябинцы полным ходом пустили производство танков Т-34, в два раза увеличили выпуск танков «КВ».

Фронт и тыл представляли единый боевой лагерь. Их связывали тысячи нерасторжимых уз.

Наши воины-земляки писали:

«В грозный для Родины час нас призвали в ряды Красной Армии для того, чтобы разгромить бешеных псов… Мы гордимся беспримерной работой всех уральских рабочих, вашу помощь мы ощущаем повседневно и в сознании того, что мы имеем такой крепкий тыл, удесятеряем наши силы…»

25 октября 1942 года. «Товарищи рабочие! Больше танков «КВ»! Дайте нам уральские машины, и мы прогоним врага с нашей священной земли. Клянемся!

Техник-лейтенант П. А. Норин, бывший техник завода; бойцы Погудин, Тимялов, Челноков, Богданов, бывшие рабочие завода».

1 января 1943 года. «На ваших машинах громим врага без пощады. За период боев мы уничтожили свыше 800 гитлеровцев. Гусеницами танка подавлены десятки орудий, минометов, пулеметов…

Дорогие, заверяем вас, что, не жалея жизни, мы еще сильнее будем громить врагов. Просим вас выпускать боевые машины еще в большем количестве и лучшего качества. А мы, танкисты, на ваших машинах будем беспощадно уничтожать гитлеровскую сволочь!

Командир машины гвардии лейтенант Миносян, механик-водитель старший сержант Марчук, командир башни гвардии сержант Акулов, радист-пулеметчик гвардии сержант Молошный».

Высшим успехом танкостроителей в годы Великой Отечественной были тяжелые танки «ИС». Всего за годы войны выпустили 18 тысяч тяжелых танков и самоходных артиллерийских установок. 13 типов танков и самоходных установок были созданы и производились на заводе. Завод освоил и производил шесть новых типов танковых моторов.

Здесь в тесном содружестве ковали победу над фашизмом люди 55 национальностей. Половина из них пришли в военное время. К концу 1942 года на заводе было 32 процента женщин,

43 — молодежь до 25 лет. За выдающиеся заслуги в деле разгрома врага завод был награжден орденами Красной Звезды и Кутузова 1-й степени. Награждение орденом Кутузова означало, что успехи танкостроителей приравнены Советским правительством к выдающимся сражениям, выигранным на фронте.

Домны и мартены, электропечи, блюминги, прокатные станы области снабжали оборонную промышленность всеми марками и профилями металла. В Миассе, Златоусте, Кыштыме, Копейске, Чебаркуле были созданы новые отрасли производства. Строились электростанции, шахты. Область производила танки, пушки, пулеметы, минометы, автоматы, автомобили, танковые и автомобильные моторы, авиабомбы, мины, снаряды, патроны, морские кортики. Все это непрерывным потоком шло на фронт.

А на фронте слово «уралец» звучало как синоним мужества, выносливости и храбрости. Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский говорил: «…Лучших воинов, чем Сибиряк и Уралец, мало в мире. Поэтому рука невольно пишет эти два слова с большой буквы».

Уральцы, солдаты Родины, Советской России, выполняя ее приказ, шли на тяжелый ратный труд, на подвиг. Уже в первые дни войны 31 июля 1941 года Военный совет 22-й армии дает высокую оценку боевым действиям сформированной в Челябинской области 174-й стрелковой дивизии:

«Личный состав дивизии проявлял и продолжает проявлять исключительное упорство. Особенно жестокие бои дивизия вела у Борковичей и Боровухи, где в день отбивали четыре-пять атак превосходящих сил противника, переходя в контратаки, нанося противнику тяжелые поражения (под Боровухой было уничтожено до 2000 фашистов)».

В июле 1942 года газета «Красный черноморец» сообщила о бессмертном подвиге уроженца деревни Великопетровки Варненского района И. С. Пьянзина. Гвардейцы старшего лейтенанта Пьянзина мужественно отражали превосходящие силы фашистов, их танков, отбивались от самолетов, не сдавали позиции. Выбыл из строя весь личный состав. Израсходованы последние патроны. Вражеские танки остановились в десяти метрах от котлованов. По радио прозвучали последние слова командира-героя своим: «Отбиваться нечем. Открывайте огонь по нашей позиции и КП». «Слава тебе, богатырь земли русской!» — писала газета «Красный черноморец».

Письма южноуральцев с фронта, пришедшие в Челябинск с полей тяжелых кровопролитных битв с фашизмом, великих сражений в Белоруссии, под Киевом, под стенами Смоленска,

Ленинграда, Москвы, Северного Кавказа, с берегов Дона, Воронежа, с полей легендарной Прохоровки, огненной Курской дуги, с Правобережной Украины, позволяют глубже увидеть масштаб огромного события — имя которому Великая Отечественная, ощутить кровное единство партии и народа, воочию убедиться в огромности вклада Южного Урала в Победу.

«Дорогие земляки! — писали челябинцам комиссар роты Тятер и командир, гвардии лейтенант Жайворонко. — Сейчас враг бросил все силы, чтобы захватить родной наш Сталинград. Мы, защитники Сталинграда, клянемся вам, что будем отстаивать родной город, пока в наших руках и жилах будет двигаться кровь и пока наше сердце будет биться, города не сдадим. Враг найдет себе могилу на подступах к Сталинграду…»

«За Волгой для нас земли нет. Велением Родины и народа дороги на Волгу закрыты!» — так выразил готовность защитников твердыни на Волге стоять насмерть наш земляк, родом из совхоза «Магнитный», первостроитель Магнитки, знаменитый снайпер Василий Зайцев. Его знала вся армия. Бойцы в шутку и с любовью называли его «Соколиный глаз».

В декабрьские дни 1942-го пришло в Челябинск письмо, в нем статья «Советский богатырь Василий Зайцев».

«По всему фронту гремит слава о бесстрашном защитнике Сталинграда Василии Григорьевиче Зайцеве. Бывший бухгалтер, страстный уральский охотник Василий Зайцев стал мужественным воином, грозным истребителем немецких оккупантов. Он в совершенстве владеет оружием и беспощадно мстит врагу за разрушенный Сталинград, за страдания и кровь советских людей… Он прибыл в Сталинград, когда прорвавшийся в город враг жег и уничтожал его. Под разрывами мин, под пулеметным огнем переправился он сюда, чтобы отстоять его от врага, заслонить своей грудью…»

Всего в боях за Сталинград снайпер-герой уничтожил 350 гитлеровцев, а с группой обученных им снайперов — 1142. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

3 марта 1943 года. Северо-Западный фронт. Красноармейская газета «Знамя Советов» после победоносных боев нашей армии в районе Демянска писала, обращаясь к челябинцам:

«Дорогие товарищи! Бойцы нашего соединения, среди которых много сынов Урала — жителей Челябинской области, с беззаветной отвагой выполняют свой воинский долг. Уральский рабочий — красноармеец Антон Дюбкачев в двух боях пулей, штыком и прикладом истребил 35 гитлеровцев. Он крошил немцев, как подлинный советский богатырь. Будучи смертельно

ранен, с оторванными ногами, Антон Дюбкачев, умирая, задушил своими руками немецкого офицера…»

О таких сказал поэт: «Даже мертвый солдат защищает солдата, чтоб живому хоть шаг еще сделать вперед…»

Уральский добровольческий танковый корпус… Формирование и боевые действия его — героическая страница, вписанная патриотами Урала в летопись Великой Отечественной войны.

«Прошу зачислить меня в Уральский танковый корпус. Я комсомолец. С малых лет находился в детском доме, так как отца и матери у меня нет. Родина моя — это весь Советский Союз. Отцом и матерью является партия. Я должен встать на защиту своего Отечества и крепко мстить гитлеровским варварам за все злодеяния, причиненные нашей земле. Клянусь, что буду бить врага беспощадно, по-уральски».

«Прошу зачислить меня в Уральский танковый корпус…» Таких заявлений было много.

Все вооружение, обмундирование — от танков до пуговицы на гимнастерке воина — труженики городов и сел Южного Урала изготовили дополнительно сверх плановых заданий.

Торжественно звучали слова Наказа земляков защитникам-добровольцам: «В боях с ненавистным врагом умножайте славу Урала, будьте смелы и храбры, отважны и умелы…»

Гордость уральцев — добровольческий танковый в ходе боев получил имя 10-го гвардейского Уральско-Львовского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова добровольческого танкового корпуса.

Настоящим гимном бессмертию, непобедимости и силе идей интернационализма, единения, дружбы народов звучат слова победного рапорта гвардейского Уральского танкового корпуса трудящимся Челябинской области.

«Уральцы, родные! наши! От всего сердца, от всей души поздравляем вас с великой Победой советского народа над фашистской Германией!

Большой и славный путь прошел созданный уральцами добровольческий танковый корпус. От Урала до Берлина, а отсюда до Праги прошли наши танки… Мы сражались под Орлом и Брянском, вышли на берега Десны, вступили на белорусскую землю и освободили город Унечу.

Мы били немцев на Правобережной Украине, прорвали оборону на участке Проскуров — Тернополь, стремительным рейдом в глубокий вражеский тыл и дерзким штурмом освободили старинный украинский город Каменец-Подольский. Мы били немцев в Западной Украине и водрузили Красное знамя

свободы над славным городом Львовом. Мы громили немецких захватчиков в освободительных сражениях на полях дружественной Польши, с боями пересекли границу гитлеровской Германии и в числе первых форсировали реки Одер, Нейсе, Шпрее. Вместе с другими частями Красной Армии в последнем штурме гитлеровского логова мы доконали фашистского зверя. Наши гвардейские знамена гордо развевались на улицах побежденного Берлина и на площадях освобожденной нами чудесной столицы братской Чехословакии — Праги…

Нас подпирал своим плечом могучий советский тыл. Мы черпали силы для борьбы и побед в вашем богатырском труде, в вашей заботе о нас и наших семьях. Высокое искусство вождения войск нашего командования, все возрастающее гвардейское мастерство, массовый героизм и самоотверженность личного состава обеспечили нам достижение победы…»

Неизмерим подвиг многонационального советского народа на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. «Для Советского Союза эта война, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — была освободительной, справедливой. Нанеся сокрушительное поражение врагу, советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии отстояли свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Октября. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством».

Е. П. Агарков, лауреат Государственной премии СССР
ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

В сентябре 1982 года совместным решением Центрального Комитета отраслевого профсоюза и Коллегии Министерства учреждена премия имени Егора Прокопьевича Агаркова — ветерана Челябинского производственного объединения «Завод имени Орджоникидзе».

Е. П. Агарков — инициатор массового патриотического движения в годы Великой Отечественной войны, которое проходило под девизом: «С меньшим количеством работников дать больше боевой техники фронту!» Был он в то время бригадиром комсомольско-молодежной бригады электросварщиков.

ЦК ВЛКСМ обязал комсомольские организации всемерно поддерживать и распространять движение агарковцев. Патриотический почин Е. П. Агаркова подхватили по всей стране. Герой тыла награжден орденом Ленина. Он лауреат Государственной премии СССР.

Е. П. Агарков много лет возглавлял профсоюзный комитет. Ныне — заместитель начальника управления жилищно-коммунального хозяйства объединения.

Третий дом по улице имени Харлова в Ленинском районе Челябинска. Здесь находится наш заводской музей.

На самом видном месте шитый золотом тяжелый бархат знамени Государственного Комитета Обороны, оставленного заводу на вечное хранение. 16 сентября 1945 года за боевые заслуги по обеспечению фронта боевой техникой он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Позднее, за успехи в восьмой пятилетке, на заводском знамени будет прикреплен и орден Ленина. Но об этом времени — особый разговор. Сейчас вспоминаю годы войны, когда Челябинский станкостроительный начал делать боевую технику для фронта.

…Тяжкие сентябрьские дни сорок первого. Эвакуация Харьковского тракторного (я работал там электросварщиком) в Челябинск. И одновременно начали прибывать эшелоны с оборудованием и людьми с Московского завода имени Владимира Ильича, из Донбасса, Брянска, Николаева, с Ижорского завода…

Челябинский станкостроительный завод впитывает всю эту технику, людей, в короткий срок сплачивается боевой коллектив, работающий на оборону. Девиз один: «Все для фронта, все для победы!»

Мне доверена молодежная бригада сварщиков. Многие из парней и девушек раньше не держали в руках сварочный аппарат, и я стал для них не только бригадиром, но и учителем, наставником.

И какие же это были отважные, преданные и умелые ученики! За считанные месяцы Леля Бурина получила пятый разряд, Маша Рукавишникова — четвертый. Сколько же надо было девчатам потрудиться, чтобы такого добиться. Ручная сварка — дело нелегкое. Считали так: «Что у бойца автомат, то у нас агрегат!»

Мы трудились на завершающем потоке, на конечной операции. От нас башня танка шла на сборку. И чтобы добиться бесперебойной, высокопроизводительной работы по всей технологической цепочке, мы — молодежь, комсомольцы — решили организовать соревнование фронтовых бригад по замкнутому циклу.

Фронтовые! Не для красного словца это было сказано, а от всего сердца, и мы понимали, какую огромную ответственность сами на себя возлагаем. Ответственность перед коллективом завода, перед бойцами на фронтах. И перед собственной совестью тоже…

В феврале бригада получила боевое задание — освоить сварку башен самоходных артиллерийских установок. Заказ сложный и трудоемкий, а сварщиков мало. В это время на участок пришел старшим мастером коммунист Ю. З. Шинкаренко. Вместе с ним мы стали изыскивать необходимые для выполнения задания резервы.

Февраль на фронте был ознаменован успехами Советской Армии. Шло наступление. Наши войска освобождали от фашистов города и поселки. Наконец ночью было сообщено об освобождении Харькова.

— Я харьковчанин. Что же сделать в честь родного города? — спросил я бригаду.

Все в один голос ответили:

— Встанем на стахановскую вахту и задание по сварке башен закончим к 23 февраля — к 25-й годовщине родной армии.

С исключительным энтузиазмом приступил коллектив к выполнению этого обязательства. Старший мастер составил специальный график, по которому задание можно было закончить не к 1 марта, а к 23 февраля. Стали мы считать каждую минуту, старались все неполадки устранять на ходу. Между ребятами

развернулось соревнование: кто раньше закончит шов, у кого дольше будет гореть дуга.

Рассудили мы так: ходить домой ночевать — терять лишних два часа в сутки, поэтому больше смысла временно прописаться на жительство в цехе. Так и было сделано.

И вот 22 февраля в конце смены с нашего участка отправлена на монтаж последняя в счет заказа башня. А через несколько минут мы, гордые и счастливые, шли на общецеховой митинг, посвященный 25-й годовщине Советской Армии. Бригада поручила мне рапортовать всему коллективу о выполнении заказа, сообщить о том, что Яков Синицын достоин быть принятым кандидатом в члены партии, а Михаил Комиссаров — в члены Ленинского комсомола.

Так наша бригада завершила первый этап своего организационного укрепления, выполнив план на 200 процентов. Подводя итоги соревнования молодежных бригад предприятий Челябинска, горком ВЛКСМ присудил ей звание фронтовой.

В первой половине марта на участке состоялся митинг. Комсорг ЦК ВЛКСМ на заводе Н. К. Пирожок вручил бригаде вымпел завкома ВЛКСМ и огласил приказ директора о премировании. Принимая вымпел, член бригады И. С. Бухаров шутя сказал:

— Маленькое знамя завоевали, завоюем и большое.

Так началась борьба за переходящее знамя горкома ВЛКСМ. Задание марта выполнили на 250 процентов. Бригада окрепла и стала заметно выделяться в цехе. В итоге соревнования за месяц она заняла второе место по городу.

В апреле 1943 года перед коллективом цеха была поставлена задача: во что бы то ни стало добиться выполнения установленной программы. Были выявлены «узкие места» на участках. Заместитель начальника цеха Л. А. Винокуров обратился к нам:

— Нужны хорошие сварщики на расшивку монтажа. Они есть у вас в бригаде. Думаю забрать Бухарова и Павлова, сварщиков шестого разряда.

— А как же бригада, рассыпаться должна, что ли? — сказал я. — Ведь мы только на днях проводили в Уральский добровольческий танковый корпус Михаила Комиссарова. С кем же работать дальше?

Винокуров спокойно ответил:

— Опыт у вас достаточный, нужно приложить усилия, и бригада останется передовой. Я пришлю пополнение, а вы обучите.

В этот же день перешли на другой участок Бухаров и Павлов,

а к нам поступили новички. У нас стала работать комсомолка Наташа Борисова, командированная в Челябинск на практику по сварке спецброни. Через некоторое время Наташа мне говорит:

— У меня есть подруга Тося Мещерикова. Она комсомолка, окончила девять классов, а потом прошла трехмесячное производственное обучение. Тося хочет к нам в бригаду.

Вскоре в бригаду влилась также Феня Курносова, окончившая трехмесячные курсы по сварке, и Нина Дворяшина, воспитанница Сталинградского детского дома, работавшая до этого истопницей. Так сформировалась в новом составе наша молодежная бригада, состоявшая в основном из девушек. Мужчин осталось только двое: Яша Синицын и я. Начался новый период упорного труда, учебы, воспитания.

В ходе работы, анализируя ее, мы убеждались, что много сил затрачиваем напрасно. Задумались над тем, как лучше организовать труд.

Когда началось соревнование за сокращение цикла, заметили, что при правильной расстановке сил по операциям можно намного сократить время прохождения башни или корпуса на сварке. На своем производственном совещании сделали расчеты затраты времени на каждую операцию, а их распределили наиболее рационально. Вскоре это нам позволило варить корпус в три-четыре раза быстрее. Рекорд был установлен при изготовлении корпуса танка «Генерал Рокоссовский»: он сварен за 2 часа 40 минут.

Подготовить шов для предъявления его отделу технического контроля долгое время являлось сложным делом в работе сварщиков, а особенно девушек. Очистка металла от аустенитовых брызг отнимала много сил. С молотком и зубилом приходилось долгими часами возиться над готовым корпусом. Стали мы искать выход. И нашли. Но произошло это случайно.

Цех наш был не достроен, стены не оштукатурены, черные. И когда мы на участке навели чистоту, то как-то резала глаза закопченная стена против рабочих мест. Девчата решили побелить ее. В качестве белил использовали отходы карбида.

Почин этот имел далеко идущие последствия. В конце концов было приведено в порядок все помещение. А кроме того, сделали мы немаловажное открытие. На участке оставалось ведро с разведенным карбидом и щеткой. Ученица Тамара Тарновская из озорства написала этим раствором свое имя на башне танка. Увидев, как «увековечила» себя Тамара, мастер сделал ей выговор. Позднее, когда я стал варить эту башню, заметил, что брызги, падая на окрашенную поверхность, как резиновые мячики, отскакивают от брони. Я немедленно притащил ведро с

карбидом, окрасил поверхность металла вокруг швов. Каково же было мое удивление, когда после заварки башни не потребовалось никаких усилий, чтобы удалить оставшиеся брызги. Они легко отделились от брони при помощи стальной щетки. Это дало возможность сберечь силы сварщиков и экономить дорогое время. Вскоре наша находка стала достоянием всех машиностроительных заводов, применявших в широких масштабах электросварку.

Первые рационализаторские предложения, внедренные в бригаде, окрылили нас. Мы стали полностью укладываться в свой рабочий день, появилось время для отдыха, культурных развлечений. Эффект был налицо, и ребята продолжали думать над каждой мелочью, стараясь ускорить производственный процесс, перевыполнить нормы.

Апрель 1943 года был ознаменован в цехе и в нашей бригаде новыми успехами в труде. Месячное задание мы выполнили на 313 процентов.

В это время переходящее Красное знамя горкома ВЛКСМ оспаривали свыше шестисот комсомольско-молодежных бригад. Помню, с каким нетерпением ожидали мы подведения итогов соревнования на заседании бюро горкома ВЛКСМ. Горком был поставлен в затруднительное положение. Кому присудить первое место? Мнения разошлись. Одни считали, что его заслужила наша бригада, другие отстаивали бригаду станочников В. М. Цаплинского с Кировского завода. Заседало бюро два раза, но решения не приняло. И только в третий раз принято компромиссное постановление. Бригада Цаплинского должна держать знамя только первые пятнадцать дней, а потом передаст нам. Однако по истечении срока Цаплинский не захотел отдать знамя. Это раззадорило нас. С небывалой энергией штурмовали один объект за другим, и в июне знамя горкома комсомола уже в наших руках.

В процессе внедрения простейших рационализаторских предложений, при усовершенствовании рабочих мест, в борьбе за культуру труда мы столкнулись с трудностями. У большинства не хватало технических знаний. Ребята становились в тупик, когда слышали, например, такие термины, как «цикличность», «поток», «автоматизация сварки». Вскоре члены бригады пришли к выводу: нужно учиться.

И раньше существовала у нас индивидуальная учеба, но мы решили от нее отказаться и перейти к более организованным занятиям в стахановской школе. Здесь стало возможным опыт работы отдельных сварщиков сделать достоянием всех, а в качестве преподавателей выступали технологи, мастера, в

отдельных случаях — ведущие инженеры.

Несколько позднее решено организовать специальную повышенную школу. Ею стал руководить инженер по сварке М. А. Севастьянов. Приказом директора завода была утверждена квалификационная комиссия. Пройдя трехмесячный курс обучения, мы сдали испытания с оценками «хорошо» и «отлично».

Основным рычагом, помогавшим каждому достигнуть поставленной цели, было социалистическое соревнование. Чем оно конкретнее, тем большие результаты. Наша бригада постоянно состязалась со сменной бригадой. Условия работы у нас были одинаковыми. Составлялись хорошо продуманные пункты обязательства, ход их выполнения показывался ежедневно.

Часто в обеденный перерыв мы вслух читали «Комсомольскую правду». И вот в одном из номеров газеты увидели рисунок, посвященный знаменитому летчику А. И. Покрышкину: на крыльях самолета в несколько рядов выведены пятиконечные звездочки — свидетельство сбитых советским асом вражеских машин.

И мы решили несколько видоизменить показ хода нашего социалистического соревнования. Вскоре на щите стали появляться серебряные звездочки. Каждая обозначала сделанный нами боевой объект для фронта. Сверхплановые объекты отмечались позолоченными звездочками. Добиться большего их числа стало для нас делом чести. И родилась еще одна новая форма соревнования бригад, занятых на всем технологическом процессе изготовления башен — от литья до сдачи. Начало свое башня брала во фронтовой бригаде литейщиков-формовщиков И. Ф. Маркова, затем переходила к огнерезам и обрубщикам Н. Ф. Чекарева, оттуда к расточникам и карусельщикам М. К. Должикова, наконец — к нам, окончательным поставщикам башен танковому заводу.

Как практически выглядело это соревнование? Приведу такой пример. Одно время плохое литье усложняло нам труд на монтаже и сварке, тратилось времени вдвое больше положенного. Заключив договор на соревнование с бригадой Маркова, мы потребовали от нее улучшить качество всей работы.

Прошло некоторое время, раковин в литье стало меньше, но дефекты полностью не были устранены. Тогда мы встретились с Марковым в домашней обстановке. Завязалась дружеская беседа с бригадиром литейщиков: как это получается, что его коллектив не может ликвидировать брак? Ведь советский танк должен иметь достаточный запас прочности, чтобы быть в бою надежным, крепким.

Видно было, что Марков расстроился. На другой день он пошел к начальнику цеха. Вскоре на литейном участке собралась солидная группа инженеров, разработавшая ряд мер, которые помогли в корне ликвидировать брак.

Боевое соревнование, гласность его во многом помогли нам добиться успеха. Не случайно в эти наполненные горячим трудом месяцы возле входа в завод можно было постоянно наблюдать такую картину. На щитах наклеивались свежие сводки Совинформбюро. И тут же итоги соревнования. С радостью глядя на сообщения о продвижении Советской Армии, люди с неменьшим интересом наблюдали, как увеличивалось число звездочек на заводских сводках.

Путь, который прошла бригада в борьбе за выполнение заказов фронта, стал широко известен на предприятии. Правительство высоко оценило мой труд, наградив орденом Ленина. Как отблагодарить Родину за эту честь? Бригада поставила перед собой новые задачи: максимально уплотнить рабочий день, оснастить трудоемкие операции новыми приспособлениями, упрощающими сварку и облегчающими труд, внедрить автоматическую сварку и построить внутриучастковый поток. Эти задачи оказались нелегкими, они потребовали длительного времени и большой помощи со стороны инженерно-технических работников.

Примененные нами ранее приспособления, внедренные рационализаторские предложения дали возможность в несколько раз повысить производительность труда. Однако останавливаться на этом было, нельзя. С каждым месяцем повышались задания по выпуску бронекорпусов. А людей не хватало.

Страна переживала решающий период борьбы с гитлеровскими захватчиками. Начала восстанавливаться промышленность в освобожденных районах. Туда требовались квалифицированные рабочие, опытные мастера. Мы не могли в этих условиях ожидать для себя дополнительные кадры.

Танковые башни обрабатывались у нас на двух участках. Было внесено предложение объединить наши две бригады. Укрупнение позволило создать единый поток с полным завершением всех операций на одном месте. Бригада стала комплексной. В нее вошли огнерезы, слесари, сварщики, крановщики. Теперь мы своими силами могли смонтировать, заварить и сдать готовую башню. Обслуживая нас, машинист 20-тонного мостового крана Маша Говоркова добилась безаварийной и четкой работы.

В результате лучшей организации работы производительность труда выросла в два-три раза, выпуск

продукции увеличился на 166 процентов. Высвободились на другие участки квалифицированные специалисты.

Нашим почином заинтересовались на других челябинских предприятиях. Меня пригласили поделиться опытом.

Выступая на Всесоюзном совещании танкостроителей, нарком В. А. Малышев сказал о нашем начинании: «Да вы знаете, что это значит? Агарков нам почти целый танковый завод подарил…»

Нас, конечно, радовало то, что наши дела замечены и одобрены.

«Недавно на одном из заводов… — писала «Правда», — произошли события, привлекшие внимание всего коллектива предприятия. По предложению руководителя фронтовой бригады сварщиков Егора Агаркова была коренным образом пересмотрена работа по изготовлению танковых башен…»

А 8 декабря 1944 года в «Правде» была опубликована беседа с наркомом В. А. Малышевым. Вот о чем в ней говорилось:

«Корреспондент «Правды» попросил тов. Малышева высказать свое мнение о новом начинании фронтовой бригады тов. Агаркова.

Тов. Малышев в беседе заявил:

«На танковых заводах тысячи стахановских и фронтовых бригад ищут и находят все новые и новые способы и возможности для усиления своей помощи фронту.

Патриотический почин бригадира тов. Агаркова имеет важное значение для производства. Произведенное укрупнение бригад и производственных участков позволило высвободить трех мастеров, двух бригадиров и двух рабочих для использования на других заводах и участках. Это дело имеет государственное значение и выходит за рамки одного завода, где работает тов. Агарков. На других предприятиях Наркомтанкопрома имеются все возможности для укрупнения бригад и участков, а также цехов.

Нет сомнения, что работа по укрупнению бригад, участков и цехов позволит нам не только укомплектовать квалифицированными рабочими «узкие» места на действующих заводах, но и направить значительное число квалифицированных работников на восстанавливаемые заводы.

Наркомат танковой промышленности поддерживает инициативу, проявленную бригадиром тов. Агарковым. Всем заводам дано указание о распространении его опыта».

У нас появилось много друзей, начавших работать по нашему методу в различных областях промышленности. Ежедневно просматривая центральные газеты, мы с радостью находили сообщения о том, какое широкое распространение получает этот

опыт на заводах страны. «Правда» печатала беседы с директорами крупнейших промышленных предприятий, которые рассказывали о том, что делается у них по укрупнению бригад, участков, цехов.

За первые четыре месяца только в танковой промышленности было ликвидировано более 600 бригад, 513 участков и 115 цехов, высвобождено более двух тысяч инженерно-технических работников и служащих, около четырех тысяч рабочих было направлено на другие предприятия.

Я получал огромное количество писем. Вот что сообщили, например, из Криворожья:

«Здравствуй, тов. Агарков, — писала мне незнакомая девушка Надя Егорова, — пишу тебе из-под земли на глубине 170 метров. Эта весточка из Криворожского бассейна, с шахты имени Кирова. С гордостью сообщаю, что я работаю по твоему методу. У нас говорили, что агарковский метод в шахте неприменим, а я на деле доказала, что у нас неисчерпаемые перспективы для дальнейшего внедрения этого метода».

Советское государство высоко оценило труд членов бригады. Все мои товарищи были отмечены правительственными наградами. Решением Совета Министров СССР за предложенный метод усовершенствования организации производства мне было присвоено звание лауреата Государственной премии СССР.

Я вот о чем сейчас размышляю: установили премию имени рабочего — что это значит? Как я понимаю, это признание заслуг не одного лишь Егора Агаркова, который в лихую годину варил танковые башни. Это признание того огромного вклада в Победу, который внесли тысячи и тысячи рабочих в тылу — будь то на Урале или в Сибири, на Дальнем Востоке или в Средней Азии.

Велик подвиг советского народа в годы Великой Отечественной. Выступая на встрече с рабочими московского металлургического завода «Серп и молот», Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко сказал: «В каждой советской семье никогда не утихнет боль утрат, которые принесла минувшая война. 20 миллионов человеческих жизней отдала наша страна за свою независимость, за спасение мировой цивилизации от угрозы порабощения фашистскими варварами.

Центральный Комитет партии и Советское правительство понимают свою высочайшую ответственность перед народом. Июнь 1941 года не повторится. Любого агрессора настигнет незамедлительное возмездие. Пусть это знают все — и наши друзья, и наши недруги».

В. С. Архипов,
дважды Герой Советского Союза
ТОЛЬКО РАЗ ПРИСЯГАЮТ СОЛДАТЫ

Василий Сергеевич Архипов родом из Тютняр Аргаяшского района Челябинской области. Когда исполнилось 19 лет, приехал в Челябинск, работал землекопом на строительстве ГРЭС. В 1928 году его призвали в Красную Армию. С той поры В. С. Архипов кадровый военный. Командир танковой роты, он принял участие в боях с белофиннами на Карельском перешейке. За храбрость и воинскую доблесть был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

На фронтах Великой Отечественной В. С. Архипов с первого до последнего дня. Начал войну комбатом, а закончил комбригом. 53-я гвардейская танковая бригада, которой он командовал, вместе с другими подразделениями 3-й гвардейской танковой армии П. С. Рыбалко прошла славный боевой путь от Сталинграда до Праги, удостоена почетных званий и многих правительственных наград. Сам комбриг за мужество и отвагу, за умелое руководство танковыми подразделениями был второй раз удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В. С. Архипов награжден тремя орденами Ленина, пятью — Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Красной Звезды и Октябрьской Революции, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги». Ушел в отставку в звании генерал-полковника танковых войск.

В селе Губернском Аргаяшского района, где учился комбриг, ему поставлен бронзовый бюст. Пионерская организация местной школы носит его имя.

В 1928 году я, двадцатидвухлетний рабочий парень, принял военную присягу, поклялся защищать Отчизну, не щадя крови и самой жизни. Помнится, один из поэтов-фронтовиков писал: «Только раз присягают солдаты!» Как это емко и волнующе сказано! Мне довелось на деле доказать свою верность солдатской присяге. Начав свою воинскую службу рядовым, в отставку ушел генерал-полковником танковых войск.

В конце ноября 1939 года началась советско-финляндская

война, спровоцированная реакционными кругами Финляндии. Большим испытанием для наших войск явились бои с белофиннами. В этих сражениях участвовали и танковые подразделения, в которых я служил командиром роты.

На самой границе с Советским Союзом белофинны соорудили с помощью фашистской Германии мощную, сильно укрепленную линию Маннергейма. Когда мы вышли к первой линии, перед нами открылась такая картина. Полосы полевых укреплений тянулись в глубь Карельского перешейка вплоть до основных, долговременных укреплений: они состояли из пушечно-пулеметных дотов, убежищ и других инженерных сооружений и заграждений. Это была, можно сказать, железобетонная стена, насыщенная огневыми средствами, прикрытая колючей проволокой, противотанковыми рвами и минными полями. Она пересекала Карельский перешеек от Финского залива до Ладожского озера.

Мы наткнулись на противотанковый ров, глубина и ширина которого более двух метров. Как преодолеть его? Кто-то предложил срубить бревенчатый мост. Но как это сделать под прицельным огнем противника? Ведь снег буквально кипел от разрывов снарядов и мин. И пока я колебался, мимо нашей машины, взвихривая плотную снежную пыль, промчался танк номер восемнадцать. Он остановился на лесной опушке, из башни выскочил с топором в руках политрук Анаскин, следом за ним заряжающий Мартынович. Мы поняли политрука без всяких слов: взялись за пилы и топоры, принялись валить лес, бревна буксировали танками ко рву и укладывали их поперек препятствия.

Наш политрук Василий Федорович Анаскин, сам командир танка, был все время впереди, под самым жестоким огнем противника. Он увлекал бойцов своим личным примером. Когда наши машины проскочили этот мост и, уничтожая противотанковые орудия и дзоты, с ходу ворвались в деревню Монтельки, я не удержался и крикнул: «Нашему политруку — танковое ура!» Меня дружно поддержал весь экипаж.

Только мы очистили Монтельки и вышли на северную окраину деревни, как политрук доложил по рации: «Вижу бой южнее деревни Мяткеля. Артиллерия финнов бьет по танкам роты Кулабухова». Мы решили пойти на выручку. Связались с комбатом В. И. Калядиным, он одобрил наше решение.

…Смолкли последние выстрелы, утих рев двигателей. Я доложил комбату, что боевая задача выполнена, он от души поблагодарил нас. Запрашиваю по рации Анаскина. Политрук молчит. Ищу с помощью прибора наблюдения. Сердце мое

содрогнулось от боли, когда вдали увидел его машину: прямо под номером две рваных дыры — пробоины от снарядов. Экипаж танка номер восемнадцать во главе с политруком первым в нашей роте открыл боевой счет, уничтожив в этот день дзот с противотанковой пушкой. И вот на исходе тяжелого горячего дня героев уже не было среди нас. Анаскин, наш политрук и боевой товарищ, погиб. И заряжающий П. В. Мартынович погиб. Механик-водитель И. Г. Гриценко получил тяжелое ранение. Это были наши первые потери, и мы переживали их особенно остро.

Потом начались основные, долговременные укрепления — высокие бетонные надолбы в несколько рядов, через которые не пройти ни танкам, ни пехоте. Мы снарядами в упор срезали один столб за другим и таким образом проделывали проходы. Когда подошли к дотам на близкое расстояние и ударили по ним прямой наводкой, поразились: снаряды отскакивали от дотов как орехи, не причинив им никакого ущерба. Вызвали дальнобойную артиллерию — тот же результат: увесистые снаряды, словно чиркнув спичкой о валуны, лишь вздымали кверху земную подушку, нисколько не повредив само сооружение.

Нашу роту послали на разведку. Подойдя под огнем противника как можно ближе, мы пришли к выводу: доты ничем не возьмешь — их нужно взрывать.

И вот вместе с группой саперов, взяв мешки взрывчатки и песка, мы снова подошли к укреплениям. Из дотов хлестал кинжальный огонь. Саперам не поднять головы. Тогда танки почти вплотную приблизились к крайнему доту и в упор ударили по амбразуре — внутри автоматически закрылись бронированные створки.

Мы воспользовались этим: мешки с песком забили в амбразуру. Дот ослеп. Тут принялись за работу взрывники. Они заложили в шурфы огромное количество взрывчатки. Когда все было готово, мы отошли на исходные позиции. Вскоре воздух потряс необыкновенной силы взрыв. Даже наши танки, поставленные на тормоза, заходили ходуном. В небо взлетели темно-серые тучи земли и снега, мощная сила разворотила глыбы бетона. С этим дотом было покончено.

Точно так же взорвали второй, третий. Осажденные стали сдаваться в плен.

Однажды вечером, вернувшись с выполнения боевого задания, мы попали, как говорится, с корабля на бал. Наш комсорг Анатолий Калинов, еле сдерживая улыбку, крикнул: «Качать именинников!» Сильные руки танкистов тотчас подхватили меня. Вижу: рядом взлетает Илья Сачков, за ним еще кто-то. «Вы что, одурели?» — ворчу я безобидно. «Поздравляем с

орденом, товарищ командир!» — слышу в ответ восторженные голоса друзей. Оказалось, сам Михаил Иванович Калинин, Всесоюзный староста, днем на командном пункте корпуса вручал правительственные награды. Некоторые из награжденных в то время вели бой на высоте 65,5. Узнав об этом, Михаил Иванович сказал, что непременно вызовет нас в Москву, как только позволит обстановка.

В этот вечер в нашей землянке меня поджидал военный корреспондент. Он был плотен, круглолиц, чем-то сразу располагал к себе. Он назвал себя и протянул мне широкую ладонь. Это был Александр Твардовский. Мы, бойцы и командиры, получив свежий номер нашей армейской газеты «На страже Родины», сразу искали его статьи, очерки или фельетоны, героем которых уже в ту пору был легендарный Василий Теркин.

Наш разговор с Александром Трифоновичем начался сразу:

— Весь день добираюсь до вас, никак не доберусь, — признался он. — Ничего себе высотка вам досталась. Вот подарок, а?

— Три танка за сегодняшний день потеряли, — ответил я удрученно.

— Я видел, — сказал он с горечью. — Одному даже башню оторвало.

— Так вы были на высоте? — удивился я.

— Ходил с подносчиками патронов, — заметил он как бы между прочим. — Часа два пролежали между надолбами, головы поднять не могли.

И он стал рассказывать, как сегодня впервые лежал под минометным огнем, как страшно было и как он подавлял в себе этот страх. И я принялся рассказывать ему о сегодняшнем бое, о самом наболевшем.

После той встречи мы подружились с Александром Трифоновичем, он буквально дневал и ночевал в роте. Ходил вместе с нами в разведку, помогал спасать подбитые танки, коротал время на перекурах, с удовольствием выслушивая от бойцов различные прибаутки, забавные истории. Некоторые из них он записывал потом.

В ту пору был я довольно-таки крепок, как говорится, в плечах косая сажень. В полушубке не влезал в танковый люк, поэтому нередко ходил в одной гимнастерке. Твардовский набрасывался на меня:

— Ты что делаешь, Сергеич? Ведь сейчас сорок градусов мороза. Закоченеешь.

— Финны не дадут. Скоро они снова устроят нам такую пропарку, что опять жарко станет.

Так и жил у нас наш дорогой Трифонович. В первой роте 112-го танкового батальона 123-й стрелковой дивизии. И во время подготовки к штурму, и в ходе штурма линии Маннергейма. Не раз писал о наших танкистах. Конечно, не все, что ему доводилось видеть и слышать на передовой, вбирали в себя скупые газетные строки. Уже тогда мы догадывались, что собирает он материал для более основательной работы. И вот спустя тридцать лет, в феврале 1969 года, мы, участники тех далеких событий, с большим интересом и волнением прочли его фронтовые записи «С Карельского перешейка». Многие страницы посвящены бойцам и командирам нашей роты, находившейся в самых первых рядах наступавших частей.

Как-то вдруг сразу пришла на Карельский перешеек весна сорокового года. Закончились бои на советско-финской границе. Перед праздником Первое Мая большая группа бойцов 35-й танковой бригады была удостоена правительственных наград, в том числе товарищи из моей роты. Двенадцать танкистов бригады стали Героями Советского Союза. Среди них — комбриг генерал-майор В. Н. Кашуба, старшие лейтенанты В. Ф. Кулабухов и Г. В. Старков, лейтенант П. Ф. Юрченко. Этой высокой награды был удостоен и я.

Нас вызвали в Москву. Михаил Иванович Калинин, когда вручил мне орден Ленина и Золотую Звезду, взял со стола еще одну коробочку — с орденом Красного Знамени. Улыбнулся тепло и сказал:

— Тоже ваш, тогда не врученный. Как именовать-то ее, ту высоту?

— Шестьдесят пять и пять, товарищ Калинин.

— Вот-вот! — вспомнил он. — Показывали мне ее издали. Крута и вся ощетинилась. Но ведь одолели. Одолеем и все другие, не так ли, товарищ Архипов?

Этот день — один из самых памятных в моей жизни. Помню, восторженными и окрыленными вышли мы из Кремля. Поспешили на Красную площадь. Очень жаль было, что до этих радостных минут не дожили мои боевые товарищи В. Ф. Анаскин, И. И. Сачков и другие. Они тоже были награждены правительственными наградами, политрук Василий Анаскин — орденом Ленина. Посмертно.

К началу Великой Отечественной войны я уже был командиром отдельного разведывательного батальона 43-й танковой дивизии. Наше подразделение находилось в 350 километрах от границы. От пограничников мы знали, что по ту сторону неспокойно — вот уже несколько недель подряд там сосредоточивались немецкие войска, танки, самолеты,

артиллерийские орудия. Об этом сообщали и перебежчики, и наша агентура. Время было тревожное. В дивизии отменили отпуска и увольнительные. Был отдан приказ привести всю технику в боевую готовность.

На воскресенье 22 июня у нас в дивизии наметили провести спортивный праздник. Мне поручили возглавить мотокросс. Накануне, в субботу, мы весь день возились с мотоциклами: ремонтировали, смазывали, проверяли работу двигателей. Уснули как убитые. А в четвертом часу утра меня вызвали в штаб дивизии. Дежурный сообщил, что звонили из Киева, потребовали срочно к аппарату комдива, а за мной он послал как за командиром разведбата — так, на всякий случай.

Вошел командир дивизии полковник И. Г. Цибин, он сразу же направился в свой кабинет — у него была прямая связь со штабом округа. Вскоре он вышел суровый, взволнованный, даже видно было, как легкая жилка на шее сильно вздрагивала. Но, сохраняя присутствие духа, ровным и твердым голосом приказал дежурному:

— Объявите боевую тревогу! Командиров и политработников — ко мне! Срочно! — и после непродолжительной паузы добавил глухо: — Война, товарищи. Фашисты перешли нашу границу.

Так в мирную созидательную жизнь ворвалась эта страшная война. О ней написаны тысячи книг — художественных и документальных, сняты сотни кинофильмов, опубликованы воспоминания видных военачальников. И все-таки о подвиге нашего народа в этой войне сказано далеко не все. Память о ней острым осколком живет в сердцах и душах фронтовиков. И каждый раз, когда я возвращаюсь к этой теме, снова и снова испытываю огромное волнение и боль. Память будит во мне живые картины горького отступления наших войск в первые месяцы войны, жестоких танковых схваток, беспримерных подвигов и героической гибели моих фронтовых друзей. Вот взялся за перо — и память опять уносит меня в огненную даль сороковых годов.

Да, у нас было намного меньше машин, чем у врага, но бились наши танкисты смелее, отчаяннее, лучше, ведь мы защищали свою родную землю, своих матерей, жен, ребятишек. Вспоминается одна из первых танковых схваток под городом Дубно. Обстановка в те июньские дни сорок первого изменялась не по дням, а по часам. То, что полсуток назад считалось нашим надежным тылом, становилось фронтом, а иногда и тылом вражеских, войск.

В ночь на 26 июня, обходя город Дубно с севера, мы вышли

на дорогу Млинов — Демидовка. Под покровом мрака спешили на восток беженцы. К нам подошел красноармеец, отставший от своих, и сказал, что мы находимся в тылу немецких танковых частей. Несколько позднее его сообщение подтвердили и наши разведчики.

— В Демидовке фашисты, — доложили они. — Дорога километра на два забита автомашинами и легкими танками.

— Какая охрана? — интересуюсь я.

— Какая там охрана? Все дрыхнут мертвецким сном. Прямо в машинах и даже на обочинах дорог.

Мы пустили вперед «тридцатьчетверки» и устремились к Демидовке. Увидев недалеко от деревни немецкую колонну, дали по ней залп из пушек тут и там прогрохотали взрывы, взметнулись к небу огромные языки пламени. Так началась эта огненная ночь. Наши «тридцатьчетверки» ворвались в колонну вражеской техники и давай утюжить ее. Обработали дорогу до самой Демидовки, потом южнее. Думали, конец бою, но разведчики обнаружили еще одну колонну фашистов. Трудно сказать, сколько и каких машин уничтожили мы в ту ночь. Когда рассвело, увидели, что броня на наших танках стала черна от сажи и копоти. А кругом — разбитые немецкие танки. Ну, прямо танковое кладбище.

На рассвете ко мне подошел боец мотоциклетной роты и доложил, что пленный офицер просит «руссиш командир». Он был тяжело ранен. Сказал, что в сороковом году воевал во Франции. Но разве там была война? Он видел на днях, как русская пехота шла в атаку. А сегодня ночью какой-то русский танкист таранил его машину. Вот это — война! Потом мне еще не раз доводилось видеть и слышать признание противника, что он не ожидал встретить такого мужественного сопротивления.

После боев за Полтаву к нам в часть (я в то время уже командовал полком) приехал новый командующий 38-й армией генерал-майор В. В. Цыганов с членом Военного совета бригадным комиссаром Н. К. Попелем, с ними были гости — Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР М. С. Гречуха и корреспонденты фронтовой газеты «Красная Армия» Александр Твардовский и Сергей Вашенцев. Михаил Сергеевич Гречуха поинтересовался, как зарекомендовал себя в боях батальон харьковских коммунистов и комсомольцев, который передали нашему полку. Комиссар бригады рассказал, как героически дрались харьковчане и что они оправдали звание коммунистического батальона.

А вечером ко мне в землянку пришли Твардовский с Вашенцевым. Говорили о разном, конечно же, вспомнили и бои на

Карельском перешейке. Попросили Александра Трифоновича прочесть стихи о нашем давнем приятеле Василии Теркине.

Военкоры побывали в батальоне Василия Гавриловича Богачева, одного из лучших наших комбатов, вскоре В. Г. Богачев погиб в одном из боев, он был посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

На обратном пути Твардовский и Вашенцев опять заехали к нам в штаб полка. За чашкой чая, который Александр Трифонович очень любил, он вдруг спросил меня:

— Сергеич, вот ты — уралец. Скажи, что такое сабантуй. Мы с Сергеем Ивановичем слышали от богачевцев, что «юнкерсы» устроили им сабантуй в Полтаве. А другой боец с восторгом поделился: вот мы под Мачихами устроили фашистам такой сабантуй! Так что же это такое?

Я улыбнулся — это слово мне было хорошо знакомо еще с детства. У нас, на Южном Урале, в башкирских и татарских селах после окончания весенних полевых работ всегда устраивали веселый и лихой праздник — сабантуй. И я с удовольствием рассказал об этом нашим гостям.

А вскоре мы в своем полку читали и передавали друг другу газету «Красная Армия» с очерком Сергея Вашенцева «Сабантуй» — о боевых делах богачевцев. Позднее газета напечатала материалы Александра Твардовского о боях наших танкистов под Полтавой. И тут же — стихи о мальчишке, указавшем советским танкистам расположение артдивизиона фашистов, который мы с ходу раздавили. Твардовский нередко бывал в нашей 53-й гвардейской танковой бригаде, которой я командовал. Как-то наш комиссар, радушно встречая его, пошутил:

— Скоро, Александр Трифонович, нашей бригаде присвоят ваше имя.

— Не может быть, — удивился тот.

— А вот увидите! Где вы еще так часто бываете?

— Да, вы правы. К вам я как-то особенно прикипел душой. Еще с Карельского перешейка.

В ноябре сорок третьего, накануне освобождения Киева, мы снова встретились с любимым поэтом.

— Насколько мне известно, со дня на день должны начать освобождение Киева. Так у меня просьба, — вполушутку-вполусерьез обратился Александр Трифонович. — Я знаю, вы танкисты — народ горячий, вам бы побольше накрошить кирпича, наломать дров. А Киев — первый стольный город нашей Руси. И какой красавец! Попробуйте сохранить все, что можно.

— Хорошо, Александр Трифонович, постараемся.

Наши войска взяли Киев без больших разрушений. Очень дорог был нам этот город.

53-я гвардейская танковая бригада (до Курской битвы — 106-я) была сформирована на Урале, в Свердловске. Вчерашние горновые и сталевары, машиностроители и хлеборобы садились за рычаги танков и смело шли в бой.

У нашего уральского поэта-фронтовика Михаила Львова есть такие пронзительные строки:

Полковник, помните Скалат,
Где «тигр» с обугленною кожей
И танк уральский, в пепле тоже,
Лоб в лоб уткнулись и стоят?
Полковник, помните, по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же танковый характер —
Или прорваться, иль сгореть.

Эти стихи о верных сынах нашего края. Так дрались они в Уральском добровольческом танковом корпусе, который входил в состав 4-й гвардейской танковой армии Д. Д. Лелюшенко. Так же отважно и умеючи дрались уральцы и в нашей 53-й танковой бригаде 3-й гвардейской танковой армии П. С. Рыбалко. Нередко наши армии воевали в полном взаимодействии, выполняя одни и те же боевые задачи.

А с командиром Челябинской добровольческой танковой бригады полковником М. Г. Фомичевым (впоследствии он стал дважды Героем Советского Союза) меня связывала крепкая фронтовая дружба. Когда нам было трудновато в бою, фомичевцы спешили на помощь, а когда они оказывались в переделке, мы по-братски помогали им. В редкие минуты передышек между боями мы также встречались с Михаилом Георгиевичем. Как-то мы получили посылки от уральцев. У меня появились две бутылки доброго вина. Звоню Фомичеву: «Слушай, Георгич, тут наши земляки гостинец прислали, приезжай!» И вскоре он оказался у меня в гостях. Вспомнили наш седой Урал-батюшку, старых и верных друзей.

Прошли мы с ним от Курска и Орла до Польши, здесь вместе брали Сандомирский плацдарм. Нашу бригаду фашисты основательно потрепали, так фомичевцы выручили нас. А потом вместе штурмовали Берлин, освобождали Прагу. После мы спорили: кто первым вошел в Прагу? Я утверждал, что наша бригада, а Фомичев — что его. В конце концов выяснилось, что вошли мы одновременно — с северо-востока, только фомичевцы

севернее нас, а мы чуть-чуть южнее.

Никогда не забыть мне уральцев из нашей танковой бригады — артиллериста М. А. Никольского из Кыштыма, Д. Д. Бахметьева, Ю. Н. Соловьева, П. Л. Романенко и многих-многих других. Все они воевали так, как и подобает настоящим уральским мастерам.

Это произошло под Житомиром. Мы приближались к реке Тетерев — естественному оборонительному рубежу восточнее города. Предполагали: если фашистское командование решило удержать Житомир, оно постарается использовать этот рубеж — лучше его не найти. Значит, надо готовиться форсировать реку с ходу, захватить плацдарм и продолжать наступление не мешкая.

Тетерев, если судить по карте и нашим данным, — речка небольшая. Но наступившая оттепель могла превратить ее в труднопреодолимое для танков препятствие. Каждый фронтовик знает, каковы в дождливую погоду эти речки, про которые принято говорить: «А, воробью по колено!» Так оказалось и с Тетеревом. Автоматчики во главе с уральцем замполитом И. А. Варлаковым перебрались на противоположный берег сразу с помощью нехитрых подручных средств — бревен, бочек, старых лодок. А для танков пришлось поискать броды с твердым дном и надежными берегами.

Тем временем фашисты перешли в контратаку. С десяток бронетранспортеров, ведя огонь из крупнокалиберных пулеметов, двинулись к роще, где держали оборону наши автоматчики. Иван Алексеевич Варлаков, как всегда очень спокойный, прошел вдоль цепи, ободряя гвардейцев. И они встретили противника дружным и метким огнем. Расчеты противотанковых ружей подбили три вражеские машины, еще одну связкой гранат подорвал старший сержант Г. А. Плехов. Но скоро последовала новая атака. Бронетранспортеры подошли к реке совсем близко, высыпала вражеская пехота. Пустили в ход гранаты, а потом и холодное оружие — штыки, ножи, саперные лопатки. Противник опять был отброшен, но Варлакова в этом бою тяжело ранило. Очередь крупнокалиберного пулемета прошла по его ногам.

Три года боролись военные врачи за жизнь отважного политработника, но ноги ему пришлось ампутировать. Иван Алексеевич вернулся на Урал, в родной город Березовский. Он возглавляет местный совет ветеранов 53-й гвардейской танковой бригады, ведет немалую общественную работу.

И еще хочется рассказать о сержанте Василии Васильевиче Холкине — командире орудия батареи нашего батальона автоматчиков. Пришел он к нам с пополнением тоже с Урала. Не помню, почему он — инженер тракторного завода — попал не в

танковый батальон, а в артиллерию. Однако, став за прицел пушки сначала наводчиком, затем командиром расчета, Василий Васильевич отлично зарекомендовал себя в трудных боях. В каждой операции расчет его орудия уничтожал несколько вражеских танков. Он прекрасно владел всеми видами артиллерийского и стрелкового оружия, а в рукопашном бою шел на врага, как, наверное, ходили в старину русские богатыри.

Могучий, большой физической силы и отваги человек, он предпочитал бить фашистов ручным пулеметом. В его руках это достаточно тяжелое оружие казалось легким. Он никогда не ставил пулемет на сошки, стрелял из него прямо с руки. А при необходимости и прикладом крушил гитлеровцев. К началу боев на Сандомирском плацдарме В. В. Холкин уже был награжден орденами Славы 3-й и 2-й степени. Фронтовики знают, как нелегко заслужить этот почетнейший солдатский орден. В нашей бригаде к концу войны четыре человека имели награды всех трех степеней. В. В. Холкин за бои на Сандомирском плацдарме получил орден Славы 1-й степени. Он стал первым в бригаде полным кавалером ордена Славы. Василий Васильевич очень хотел воевать на танке. Мастер на все руки, он освоил боевую машину в считанные дни и прошел в ней до конца войны. Был и заряжающим, и механиком-водителем, а уж при стрельбе из танковой пушки по меткости ему не было равных.

В годы войны с уральских заводов мы получали грозные боевые машины — «КВ» и Т-34, которые в крупнейших танковых сражениях на огненной Курской дуге, на Сандомирском плацдарме и на других участках показали свое полное превосходство над вражеской броневой техникой.

Василий Васильевич Холкин написал мне однажды о таком случае. Близ проходной завода, на котором он работает сейчас, был установлен последний из выпущенных в годы войны танков Т-34. И простоял он без малого тридцать четыре года. Стали на этом месте строить подземный переход. Как же стянуть танк с пьедестала? Пожилой рабочий, бывший механик-водитель, говорит: «Сам он сойдет. Стройте новый пьедестал». Залили в бак танка горючее, заправили маслом, поставили аккумуляторы. Под громовое «ура» и аплодисменты работников завода боевая машина, покорно повинуясь бывалому солдату, сошла с пьедестала, пересекла двор и замерла на новом месте. Вот какие отличные машины делали для нас уральцы!

С Урала в годы войны я нередко получал письма — от родных и близких. В Тютнярах поселилась моя жена Анна Ефимовна вместе с нашей дочуркой и сыном. Мой отец очень трогательно заботился о них. Потом наш сын Иван, окончив военное училище,

ушел на фронт, был награжден боевой медалью. Сейчас он — полковник Советской Армии.

Уж так получилось, что в эту войну мне довелось повторить почти тот же путь, который прошел в годы первой мировой мой отец Сергей Михайлович Архипов с русской трехлинейкой. Когда мы брали город Перемышль, я вспоминал отцовские рассказы о том, как он вместе с тысячами других русских солдат штурмовал эту крепость. Удивительная судьба: сын солдата, я гнал врага по боевым отцовским дорогам…

А каким массовым был героизм наших бойцов и командиров в годы Великой Отечественной! На подступах к Львову из очередного рейда по тылам противника наши разведчики доставили фашистского офицера. Пленный оказался осведомленным, мы тут же отправили его в штаб корпуса. Но достался он нам дорогой ценой.

Разведгруппу возглавлял сержант Нурмы Шарипов. Взять «языка» без шума не удалось — разведчики приняли бой. Сержант приказал товарищам возвращаться, сам же прикрыл отход. Фашисты окружили его и пытались схватить живым. Когда патроны и гранаты кончились, он прижал к груди последнюю гранату и выдернул чеку. Так геройски погиб отважный разведчик Нурмы Шарипов. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но и погибший Нурмы Шарипов продолжал воевать. Уже в Германии старший лейтенант И. В. Васильев отправлял на боевое задание трех разведчиков. Задача была сложной, а усилить группу некем.

— Справитесь втроем? — испытующе глядя в глаза разведчикам, спросил командир.

— Вчетвером! — поправил его руководитель группы В. Сажинов. — С нами пойдет Нурмы.

Вероятно, в тот же день Виктор Сажинов написал письмо своему отцу, в котором сообщал: «Меня представляют к высокой награде — званию Героя Советского Союза и предлагают ехать на учебу в Москву. Но я отказался от учебы. Учиться буду после войны. Я дал клятву на могиле моего друга Нурмы Шарипова отомстить за его смерть. Прикрывая наш отход, он взорвал гранатой себя и врагов. Я еще не отомстил за него…»

В своей книге «Сорок пятый» бывший командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев рассказывает, как на Сандомирском плацдарме наши танкисты разгромили батальон «королевских тигров», захватили три совершенно исправные машины нового образца. Это событие стало значительным для всего фронта. Вот как все произошло.

Бои на Сандомирском плацдарме были в разгаре. 12 августа в полночь радист доложил: в эфире лейтенант И. В. Васильев. Еще накануне вечером мы выслали в тыл противника, к Оглендуву и станции Шидлув, две группы разведчиков. Все это время волновался за них. И вот Васильев объявился.

— Мы на станции Шидлув, — сообщил он. — Здесь немцы разгружают эшелон с какими-то танками. Тип танков неизвестный.

— Подробнее! — требую я.

— Танк похож контурами на «тигр», но выше и шире его. Пушка, по-моему, та же — 88 миллиметров. Пулеметов не три, а четыре, в том числе и зенитный.

— Продолжайте наблюдение, Иван Васильевич, но обязательно добудьте «языка», — прошу его.

— Сложно, — ответил Васильев. — Эшелон окружен сильной охраной. Эсэсовцы с овчарками снуют и около эшелона, и на дороге, где стоят выгруженные танки. Тут же какие-то штатские.

Мы доложили в штаб корпуса сведения разведки и, поджидая немцев, решили поставить близ лощины в засаду несколько танков во главе со старшим лейтенантом П. Т. Ивушкиным. Их задача — заставить вражеские машины развернуться так, чтобы они подставили нам свои борта — наиболее уязвимое место.

Всю вторую половину ночи отчетливо слышали усиливающийся рокот танковых двигателей на дальних позициях противника. Снова в эфире появился Васильев. Он доложил, что взял «языка».

— Всего на станции Шидлув выгружено сорок тяжелых танков неизвестного типа,- — сообщил он. — Пленный о них ничего не знает, твердит, что в их дивизии только средние танки «пантера». Новые танки из Шидлува направились по дороге в Оглендув. Встречайте!

Наши машины надежно укрылись за грядой невысоких песчаных дюн. Справа впереди простиралась лощина, через которую извилистой лентой убегала вдаль полевая дорога, а слева, на краю поля, возвышались темные силуэты стогов. Стога здесь выросли за прошедшую ночь. Это изобретение Ивушкина. «Молодчина! Ничего получилось, естественно», — отметил я довольный.

Все вокруг окуталось густым молочным туманом, из-за него не видно ни зги. В воздухе эскадрилья за эскадрильей пронеслись «юнкерсы», они полетели в наш тыл. Следом ударили батареи противника, но вражеские снаряды свистели высоко над нашими головами. Значит, нас не обнаружили.

Туман понемногу рассеивался, он тянулся над землей низко-

низко, тяжелыми рваными клочьями. В эфир вышел Ивушкин:

— Наши гости идут, пора готовить подарки. Не вижу, но слышу — идут лощиной, прямо на меня.

Я уже и сам услышал низкий надрывающийся гул. Приближался он медленно, как бы нехотя, словно откуда-то изнутри земли. Я почувствовал, как напряглись мои нервы, как капли едкого пота покатились по лицу. Каково же было тем, кто находился впереди? Но копны стояли неподвижно, будто там и нет никого.

— Из лощины выехала легковая машина, — доложил Ивушкин.

— Вижу, пропустить!

Спустя несколько секунд:

— Штабной автобус.

— Также пропустить!

И правильно сделали: вслед за ними из-за бугра показался чудовищных размеров танк. Он полз на подъем рывками, буксуя в сыром песке. Действительно, похож на «тигра», но куда там сравниться с ним.

С левого фланга радировал майор А. Г. Коробов:

— Появились — не запылились. Те самые, неопознанные.

Приказываю не спешить, бить только наверняка, с четырехсот метров. А из лощины уже выползло второе такое же чудовище, за ним — третье. Первый танк уже миновал Ивушкина.

— Бить? — запросил он.

— Бей!

Вижу, как зашевелился бок самой крайней копны — это танк младшего лейтенанта А. Оськина, стоявший первым в засаде. Из стога показался пушечный ствол, он дернулся, потом еще раз, еще, посылая в броневые чудовища смертоносный огонь. В правых бортах вражеских танков появились черные зияющие пробоины. Из них потянулся сизый дымок, затем вспыхнуло неистовое пламя.

А из лощины выползали все новые и новые танки, которые тоже разворачивались в сторону засады, подставляя под наши пушки уже левые борта. Передаю сигнал. Сразу три десятка стволов ударили прямой наводкой по незваным гостям. Кроме того, гаубичные дивизионы накрыли фашистов навесным огнем, и лощина покрылась тучами дыма и мелкой песчаной пыли.

Железные громадины горели уже и слева, и справа от нас. Над ними на бреющем полете прошли наши «илюши» и добавили огня. Несколько вражеских машин уползли обратно в лощину, другие тоже пытались уйти, но мы их подбили стыла, вдогон.

Всего в этом жарком бою мы уничтожили 24 немецких

танка — это то, что осталось перед позициями нашей бригады. Особенно отличился в этой схватке экипаж Александра Оськина, он сжег три вражеские машины и одну подбил. За этот подвиг командир танка был удостоен звания Героя Советского Союза, а его боевые друзья награждены орденами и медалями.

Разведчики Васильева опустились в лощину. Они доложили, что там, внизу, стоят две целых и невредимых машины, видимо, завязли в песке. Ближе к левому флангу обнаружили еще одну неповрежденную — она как залезла в болотину, так и застряла. Экипажи сбежали, в панике даже оставили кое-какие документы. Из них мы выяснили, что наш трофей называется «королевский тигр», вес его 68 тонн (на 14 тонн тяжелее обычного «тигра»), лобовая броня вдвое толще — 190 миллиметров, бортовая такая же — 80 миллиметров. Это, как мы и предполагали, оказалось самым уязвимым местом нового танка.

С Сандомирского плацдарма наши трофеи — тяжелые немецкие танки — доставили в Москву. Один из них даже демонстрировался в парке культуры и отдыха имени Горького, на выставке трофейного оружия. Офицеры и солдаты бригады, вернувшиеся в часть после лечения в московских госпиталях, с удовольствием рассказывали однополчанам: «В парке Горького видел наш трофей, он будто гора возвышается. Вокруг народ толпится, смотрит, спрашивает: почему ни пробоины нет, ни царапины, словно с заводского конвейера. На табличке-то не указали, кто его взял, когда и где. Ну я и объяснил, как мог. Так меня прямо замучили: товарищ танкист, расскажите еще, расскажите!»

Вот какая история вышла у нас с «королевскими тиграми». За успешный разгром их и захват нескольких образцов командование представило меня к второй Звезде Героя.

А потом был нелегкий, но стремительный штурм Берлина. И после взятия его наши 3-я, 4-я и другие армии 1-го Украинского фронта поспешили на помощь восставшим пражским патриотам. 8 мая мы преодолели отвесные скалистые Рудные горы и оказались на чехословацкой земле. Жители чешских городов и поселков высыпали на центральные улицы и автострады, громко и от души приветствовали нас: «Наздар», «Спасибо!», «Благодарим!» И прямо на горячую броню наших танков бросали первые весенние цветы.

А утром 9 мая — последняя схватка с врагом. Яростная, кровопролитная. У нас были и раненые, и убитые. Как это вопиюще несправедливо — погибнуть в первый день мира!

Освобожденные пражане не знали, как нас отблагодарить. Они закидали наши краснозвездные танки букетами ярких живых

цветов. Приглашали в свои семьи. У каждого дома нас встречали маленькие оркестры. И опять — цветы, цветы, цветы. Я их никогда не забуду! Нежные, трепетные, они были первыми вестниками мирной весны.

— Неужели мы скоро расстанемся? — спросил меня кто-то из товарищей в этот весенний, праздничный вечер.

— Нет! — ответил я тогда.

И сейчас, сорок лет спустя, я могу повторить: нет, мои дорогие боевые товарищи, мы никогда не расстанемся! Нет дружбы крепче, чем фронтовая. Нет силы, которая могла бы разъединить людей, плечом к плечу защищавших Родину-мать.

Из документов военной поры, 1941 год

Считаем себя мобилизованными

«С момента объявления войны нет больше мирных профессий. Вся страна отныне работает на оборону, на защиту Родины. Победа решается не только на фронте, но и в тылу. Пробил грозный и решительный час. Это надо ясно себе представить — представить и понять, что победа зависит от нас самих — от нашей самоотверженности, от нашей дисциплинированности, от продуктивного нашего труда, от нашей организованности, от нашей готовности жертвовать всем для достижения победы». («Правда», 24 июня).

Челябинск. Город переживает огромный патриотический подъем. На всех предприятиях состоялись митинги. На многотысячном митинге тракторного гиганта начальник чугунолитейного цеха Хлебников заявил: «Партия не раз предупреждала нас о необходимости быть в состоянии постоянной мобилизационной готовности. Мы всегда помнили эти указания. Врагу не удалось застать нас врасплох. Мы готовы ответить сокрушающим ударом».

Обязательства, принимаемые на митингах, коллективы предприятий подкрепляют делом. Рабочие завода сельскохозяйственного машиностроения имени Д. Колющенко отработали два часа в фонд обороны страны. Студенты института механизации сельского хозяйства отказались от каникул, решили использовать это время на работу в МТС и совхозах области. Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция давали священную клятву — выдержать все испытания в битве с врагом. На митинге трудящихся ЧТЗ присутствовало 10 тысяч человек. В Саткинском районе прошло 270 митингов рабочих, инженерно-технических работников, служащих, колхозников, на них было 35 тысяч, выступило 987 человек.

В Златоусте на митинге присутствовало свыше 70 тысяч человек.

Во всех первичных партийных организациях прошли собрания. Обсуждались задачи коммунистов в условиях войны. Вот строки из постановлений:

«Парторганизация считает себя мобилизованной на укрепление военной мощи страны».

«Каждый коммунист несет ответственность за то, чтобы Красная Армия получала от нас грозное оружие отличного качества».

«Мобилизовать все силы на укрепление тыла».

«Всю свою работу, свое поведение, всю свою жизнь подчинить одной цели — уничтожению фашизма».

«Все коммунисты, где бы они ни находились, должны чувствовать себя как бойцы на фронте».

«Считать себя мобилизованными. Выполнять государственные задания, задания партии и правительства каждым коммунистом не менее, как в двойном размере, …не уходить с производства до тех пор, пока не будет выполнено дневное задание в указанных размерах».

«Каждому коммунисту удесятерить свою деятельность на том участке, где он работает. Своим примером воодушевлять массы на выполнение и перевыполнение производственных заданий».

«Идем добровольцами!», «Просим зачислить в ряды доблестной Красной Армии», — заявляли сотни тружеников Челябинской области. В числе первых — коммунисты и комсомольцы. К концу дня 23 июля 1941 года только от молодых южноуральцев поступило около 13 тысяч заявлений. В Магнитогорске к 11 часам утра 25 июля написали заявления о зачислении в ряды Красной Армии свыше 600 добровольцев; в Чебаркульском районе — 214, в том числе 73 женщины; в Троицке — 458 добровольцев. За неделю войны в Златоусте подано 1091 заявление, в Саткинском районе — 717. На призывные пункты одновременно приходило по несколько человек из одной семьи с просьбой отправить их на фронт.

Рабочий Магнитогорского горно-металлургического института Д. К. Кучер и его сыновья Федор, Петр и Исаак писали: «Мы глубоко возмущены нападением фашистских пиратов на нашу социалистическую Родину. Надо раз и навсегда проучить врага. Обсудив положение, мы решили пойти на фронт добровольцами. Заверяем, что будем сражаться с врагом беспощадно, не жалея сил и жизни. Просим ускорить отправку нас на боевые позиции».

Только в 1941 году из Челябинской области ушло в армию более 40 тысяч работников сельского хозяйства.

За первые шесть месяцев войны в армию ушло 14 862 коммуниста. Только с 22 июня по декабрь — 1059 секретарей первичных парторганизаций, 387 работников обкома, горкомов, райкомов партии. В том числе секретари обкома партии С. И. Уразов, Н. И. Филатов, 51 секретарь горкома, райкома. В Кировском районе Челябинска к концу года из довоенного

состава остался лишь 151 коммунист, что составляло 6 процентов районной партийной организации.

Всего за годы войны из области на фронт ушло около 28 тысяч коммунистов и более 82 тысяч комсомольцев — соответственно 68 и 80 процентов довоенного состава.

С первых дней войны трудящиеся области начали передавать средства в фонд обороны. «Отчислим свой однодневный заработок в фонд обороны страны», — так решили инициаторы этого почина — доменщики Магнитогорского металлургического комбината.

На заводах, МТС и совхозах коллективы рабочих и служащих решили отчислять в фонд обороны однодневный заработок ежемесячно до окончания войны. Работники районного отдела связи, райздравотдела и больницы Чесменского района ежемесячно отчисляют двухдневный заработок. Точно так же поступают рабочие на ряде предприятий Саткинского и других районов. Рабочие Катавского весового завода постановили ежемесячно отрабатывать по 20 часов сверх установленного на заводе рабочего дня. Коллектив Песчанской МТС Галкинского района решил отчислить 50 процентов из компенсации за отпуск в фонд обороны страны.

На многих заводах, МТС и колхозах проходит досрочная выплата взносов за облигации Государственного займа. Вместе с этим идет массовая сдача облигаций в фонд обороны страны.

По инициативе трудящихся организуются массовые воскресники. Заработанные деньги сдаются в фонд обороны страны. В августе на воскреснике в Сатке участвовало 3200 рабочих и служащих, свыше 5 тысяч вторых членов семей и 1600 учащихся старших классов. В фонд обороны внесено 57 400 рублей. В Катавском районе от воскресника за 17 августа в фонд обороны поступило 36 623 рубля.

31 августа на Южно-Уральской дороге участвовало в воскреснике свыше 20 тысяч человек, которые заработали и отчислили в фонд обороны 22 900 рублей. Работники треста «Кочкарьзолото» в этот день сдали в фонд обороны страны 10 тысяч рублей, работники областного управления связи — 33 405 рублей. На ЧТЗ в этот день работало 30 тысяч человек. В фонд обороны страны сдано 280 тысяч рублей.

Трудящиеся области сдают в фонд обороны страны золотые и серебряные вещи, предметы широкого потребления.

В городах и селах устраиваются спектакли, концерты, вечера, и собранные средства сдают в фонд обороны страны. Всего трудящиеся области передали в фонд обороны 323,5 миллиона рублей.

«Мы с радостью отдаем свои трудовые рубли на еще большее укрепление могущества нашей Красной Армии, героически отражающей натиск коварного врага», — заявили на митинге горняки шахты имени К. Е. Ворошилова Северо-Карабашского рудоуправления.

«На смену мужьям, братьям встанем к станкам, машинам, агрегатам, обрушим на голову врага лавину стали, сваренную руками женщин», — с таким призывом обратилась к женщинам Магнитогорска Мария Закеева, сталевар третьего мартеновского цеха металлургического комбината.

Через несколько дней на комбинате состоялось собрание женщин-общественниц, призвавших женщин города овладеть производственными специальностями.

Валентина Крылова работала в промбанке Магнитогорска. Проводив мужа и сына на фронт, освоила профессию мужа — вырубщика металла. Впоследствии за самоотверженный труд награждена орденом Красной Звезды.

За первые полтора месяца войны на работу в разрезы Коркино и Еманжелинска поступило 500 женщин, на копейские шахты — более 800.

На шахтах № 12, 16 в течение первого месяца войны начали работать каталями, выборщиками породы, навальщицами более ста домохозяек.

«Мой муж ушел на фронт, он будет бить фашистских гадов до полного их уничтожения. В добрый час! Рабочее место на ЧелябГРЭС не будет пустовать. Я сумею заменить слесаря на трудовом фронте. Буду самоотверженно работать на производстве и воспитывать нашего сына — будущего воина Красной Армии…» (М. Пахомова).

«Мы, жены железнодорожников, полны ненависти и презрения к наглому врагу. Свою землю, свой дом, свой мирный созидательный труд будем защищать до последней капли крови. Мы считаем себя мобилизованными на производство… Некоторые из нас уже пошли работать на транспорт. Мы готовы к самоотверженному труду на любом участке». (Из письма жен железнодорожников Челябинского узла).

В Челябинской области к 1 сентября было привлечено на производство около девяти тысяч женщин.

Ширилось и росло патриотическое движение — создавать стахановские вахты «Все для фронта!». Инициаторами вахты стали металлурги Магнитки. Они обязались варить сталь скоростными методами и только высокого качества. Коллектив третьего мартеновского цеха комбината в первый же день вахты выполнил план на 124 процента и дал пять скоростных плавок.

На комбинате на стахановскую вахту «Все для фронта!» встало 9754 человека.

Контролеры, сменные и старшие мастера механического цеха Челябинского тракторного завода в коллективном письме, адресованном в газету «Челябинский рабочий», сообщали: «Считая себя мобилизованными для выполнения нужд и интересов фронта, мы встаем на стахановскую вахту «Все для фронта!». Сейчас на заводе 149 таких вахт, в них работает 8500 человек».

С первых дней войны на заводе) появились энтузиасты, выполняющие 5—10 норм. Зуборезчик Николай Тикунов дает 5—6 норм в смену. «Его героизм равен героизму бойцов на фронте. Он подлинный новатор в технике и в труде. У коммуниста Тикунова одна забота — забота о фронте», — писала о нем заводская газета.

С каждым днем ширится движение двухсотников, их на заводе стало 1233 человека. По три нормы и выше выполняют 470 человек.

Златоустовский металлургический завод. Кривая выпуска металла неизменно поднимается вверх. Люди трудятся самоотверженно, стремясь дать как можно больше металла. Здесь в каждом цехе, как и на линии огня. В цехе блюминга стахановцы Голосов и Петровичев 25 августа установили небывалый рекорд. Они выполнили дневное задание на 840 процентов каждый. Замечательные образцы стахановского труда показывают электролитейщики и мартеновцы.

Златоустовские металлурги за первые полгода войны разработали и внедрили в производство 78 новых марок легированной стали.

На Магнитогорском металлургическом комбинате сталевар Д. Жуков под руководством мастера Е. Сазонова сварил на мартеновской печи первую плавку броневой стали. Впервые в истории мировой металлургии на блюминге был прокатан броневой лист. Идею эту подал заместитель главного механика комбината Н. А. Рыженко. Смелое предложение одобрил нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян. В разработке и осуществлении активное участие приняли инженеры Г. И. Носов, К. И. Бурцев, В. П. Кожевников, Г. В. Савельев, механики блюминга Н. Р. Ануфриенко, А. П. Линчиков. Фронт получил магнитогорскую броню на полтора месяца раньше срока, установленного правительством.

Газета «Челябинский рабочий» писала:

3 сентября. На Магнитогорском металлургическом комбинате и в тресте «Магнитострой» более двух тысяч человек выполняют

нормы выше 200 процентов.

7 октября. Комбайнерка Варненской машинно-тракторной станции Анна Малых убрала хлеб с площади 400 гектаров, выполнив более двух годовых норм.

11 октября. Многие сталевары Магнитогорского металлургического комбината освоили скоростную выплавку высококачественной стали в большегрузных печах. Дрогун, Ермоленко, Бобров и другие на каждой плавке экономят по 1—2 часа и этим обеспечивают дополнительную выплавку тысяч тонн металла.

5 ноября. Знатный бурильщик страны Алексей Семиволов установил новый рекорд, выполнил план на 1159 процентов.

11 ноября. Токарь Челябинского вагоноремонтного пункта комсомолец Ваньков выполнил сменное задание на 1390 процентов.

23 ноября. Машинист депо Челябинск П. Запорожец проявил самоотверженность и героизм. По сложившимся обстоятельствам он находился на работе 96 часов подряд и все это время безотказно выполнял возложенные на него задания. В Багарякском районе инициатором по организации стахановской вахты «Все для фронта!» стал семидесятилетний Назар Григорьевич Стафеев, два сына которого сражаются на фронте. Встав на стахановскую вахту, Н. Г. Стафеев с первых дней уборки урожая вручную стал выполнять не менее трех норм.

По почину коммуниста П. А. Агафонова — машиниста депо Челябинск — осенью создана паровозная колонна имени Государственного Комитета Обороны в составе 12 локомотивов. Коллектив работал на хозрасчете, сам ремонтировал паровозы, экономил топливо. Инициатива Агафонова, перестроившего работу паровозных бригад по принципу боевых подразделений, получила одобрение Народного комиссариата путей сообщения. Зачинатель движения Петр Александрович Агафонов признан лучшим машинистом страны и награжден орденом Ленина.

Тракторный завод, переименованный в Кировский, за короткий срок полностью перешел на изготовление тяжелых танков. В четвертом квартале года, по сравнению с третьим, производство их выросло в 5,5 раза.

Перестраивались и приспосабливались к нуждам войны все отрасли экономики области. На выполнение оборонных заказов переводилась вся промышленность — от Магнитогорского металлургического комбината до артелей промкооперации.

По инициативе рабочих, инженерно-технических работников ЧГРЭС в области начался сбор новогодних подарков на фронт. 43 вагона было отправлено бойцам и офицерам Северо-Западного

фронта. Эшелон сопровождала делегация трудящихся области.

Мастер механического цеха ЧТЗ П. Попов и мастер третьего мартеновского цеха ММК М. Махаев рассказывали: «В теплых, задушевных беседах мы говорили, как наши предприятия выполняют заказы фронта, бойцы и командиры говорили о том, как они громят врага. «Давайте соревноваться за лучшую работу», — предлагали нам воины.

Личный состав Н-ской части вызвал на соревнование коллектив ЧТЗ.

На другом участке фронтовики вызвали на соревнование коллектив третьего мартеновского цеха ММК. «Ваша задача, — говорили фронтовики, — больше производить танков, давать больше металла, а мы обязуемся беспощадно и как можно больше истреблять немецких оккупантов. Мы сочли великой честью соревноваться с фронтовиками».

Письмо красноармейца А. И. Придворова землякам — трудящимся Миасского района

«Работайте по-фронтовому, товарищи земляки!

Прежде всего благодарю партийную организацию за то, что она дала мне возможность быть в рядах героической Красной Армии. Я честно и добросовестно выполняю свой долг коммуниста, гражданина СССР и на деле оправдываю ваше доверие. На днях наш командир объявил мне благодарность за отличные боевые действия. Можете не сомневаться, что я и в дальнейшем буду честно и мужественно защищать нашу Родину, защищать счастье, жизнь и труд нашего прекрасного советского народа.

Несколько дней тому назад подразделение получило подарки от трудящихся нашей Родины. Это был особенно радостный для нас день. Эти подарки были дороги нам как проявление любви и заботы советских граждан о нас, бойцах.

Прошу передать привет всем товарищам по работе. Прошу передать миасским рабочим, колхозникам мою просьбу, просьбу простого рядового бойца: работайте, товарищи, как можно больше, быстрее и лучше на оборону нашей Родины. Выполняйте свои производственные планы. Помните, что каждый процент перевыполнения плана — еще новые снаряды, выпущенные по фашистской своре. Беспощадно боритесь с паникерами, трусами — это самые худшие враги, прямые пособники фашистов.

Враг добился временного территориального успеха, он захватил некоторые наши города, но он с каждым днем слабеет, а

мы с каждым днем крепнем. Мы беспощадно били, бьем и будем еще сильнее бить, пока не достигнем полного уничтожения фашизма. Но враг коварен и еще силен. Впереди предстоят жестокие кровопролитные бои. Но мы победим. Верьте в это, товарищи, и работайте честно.

А что касается меня и остальных бойцов, то вы не сомневайтесь: мы отдадим свою жизнь за защиту интересов нашего народа и добьемся победы. Ежеминутно, ежесекундно мы смотрим в глаза смерти, но все это нас не страшит, а наоборот, мы еще смелее и упорнее идем в бой. Мы честно выполним и будем выполнять священный долг советского гражданина».

Письмо командования 371-й стрелковой дивизии рабочим, инженерам, техникам и служащим Челябинского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе

«Дорогие друзья, товарищи-земляки!

Отправляясь на фронт, полки нашего соединения получили от вас Красные знамена и боевой наказ: беспощадно громить бешеные фашистские орды, рвущиеся к нашей родной красной столице — Москве.

Ваш боевой наказ бойцы, командиры и политработники выполняют с честью. Ваши земляки-уральцы дерутся отлично, от их сокрушительных ударов гитлеровская рваная, вшивая орда откатывается назад, оставляя на своем пути тысячи трупов, вооружение, транспорт. Нами освобождены от тяжелого гитлеровского гнета сотни населенных пунктов.

В боях за Родину бойцы, командиры и политработники покрыли себя неувядаемой славой. Наше соединение получило благодарность от высшего командования. Десятки наших земляков награждены правительственной наградой, орденами и медалями СССР.

Но, дорогие друзья, товарищи-земляки! Мы не успокаиваемся на достигнутом. Личный состав соединения охвачен единым порывом: неустанно преследовать разбитого врага, отрезать его и уничтожить. Уничтожить всех до единого, как бешеных собак.

Отступая, немецкие оккупанты грабят наши родные города и села, насилуют и убивают мирных советских жителей. Зарево пожарищ освещает путь их позорного бегства. Однако враг коварен, он может натворить еще немало пакостей. Мы готовы ко всяким неожиданностям и день ото дня развиваем наш наступательный порыв, нанося врагу один удар за другим.

В наших сердцах горит священная месть за разграбленные и

сожженные города и села, за горе и слезы наших братьев и сестер.

Вы там, в тылу, но мы чувствуем ваш боевой пульс неутомимой работы для фронта. Мы повседневно ощущаем на деле вашу благородную помощь. Мы вооружены в достаточном количестве первоклассной техникой. Мы не нуждаемся ни в чем и за это вас благодарим. Но мы надеемся, что наша победа над врагом поднимет еще больше ваш порыв: неутомимо работать день и ночь для боевого фронта, так же, как и мы день и ночь без отдыха и сна бьем врага, чтобы все наши боевые задания выполнялись в десять, сто раз быстрее, чем это нормировалось.

За общее наше дело — к новым победам! Краснеть за нас не придется, за дело Родины мы не пощадим своей жизни. Надеемся, что и вы будете шагать с нами в ногу.

Идем вперед — до полной победы над врагом!»

А. А. Пальна
ДЕВЧОНКИ ИЗ ФРОНТОВОЙ

Анна Андреевна Пальна (Пашнина) поступила на Челябинский тракторный завод в июле 1941 года после окончания семи классов. «Маленькая Аня» стала инициатором создания фронтовых комсомольско-молодежных бригад, возглавив в цехе нормалей первую фронтовую бригаду. В начале 1943 года награждена орденом Ленина. Спустя полгода ей вручили значок «Отличник социалистического соревнования Наркомтанкопрома».

С 1955 по 1976 год Анна Андреевна работала кабинщицей-кантовщицей в коксохимическом цехе Челябинского металлургического завода. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Ветеран труда», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Есть в моем семейном архиве памятная фотография. Она сделана в июне 1983 года в музее Челябинского тракторного завода. Здесь через сорок лет собрались мои сверстницы — члены двух комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Много было в тот вечер слез радости и воспоминаний, откровений и задушевных песен — мы возвращались к нашей боевой комсомольской юности.

Мы из поколения сороковых. В июне 1941 года я окончила семь классов школы № 18 города Челябинска. Мечтала стать учительницей. Но отец, Андрей Филиппович Пашнин, рабочий опытного корпуса ЧТЗ, сказал: «О педучилище думать не время, пойдешь на завод». И привел меня в ремесленное училище.

Спустя несколько месяцев, закончив училище, я пришла в цех нормалей и стала ученицей фрезеровщицы Ани Федоровой. Судьба свела меня с замечательными людьми и прежде всего с нашим боевым комсомольским секретарем Ниной Зайцевой, которую до сих пор называю наставницей, опекуном, старшей сестрой. Видная, статная, голубоглазая, она нравилась всем девчонкам. Это был прекрасной души человек, щедрый и добрый. И поревешь, бывало, на ее плече, и душевную тайну доверишь. Всегда даст совет, а если заслужил, и поругает. Обо всех и обо всем думала. Кому-то дополнительный паек раздобудет, место в общежитии выхлопочет, теплую обувку достанет. И самое главное — Нина могла вдохновить, зажечь, повести за собой. Не

зря цех считался самым боевым, комсомольским! Не случайно именно в нашем коллективе родилось много починов.

26 апреля 1942 года токарь восьмого отделения нашего цеха Григорий Ехлаков, встав на стахановскую вахту «Все для фронта!», применяя различные усовершенствования на своих станках, выполнил сменную норму на 1018 процентов. Такой высокой выработки цех еще не знал. Весть о рекорде облетела весь завод. И последователи нашлись. Уже на другой день токари того же отделения Иван Григорьев и Николай Пашнин перекрыли рекорд. 1026, 1100 процентов нормы! Но и это не предел. 29 апреля токарь Борис Тарев за 6 часов 10 минут выполнил задание на 2064 процента. Так началось массовое патриотическое движение тысячников. Инициатор этого движения Григорий Ехлаков был награжден орденом Ленина.

Второй матерью стала мне мастер Люся Костромитина. Тогда, в те горестные военные годы, под началом Люси были одни неопытные девчонки. Сколько нужно было иметь душевной доброты, чутья и такта, чтобы ни о ком не забыть, каждому помочь, а где и спросить строго. Добрая, трудолюбивая, простая русская женщина, она болела за всех нас. Так и слышишь ее слова: «Девчонки, задание на смену получила. А ну, налетайте…»

Я чувствовала себя очень взрослым человеком, потому что в цехе рядом работали совсем еще подростки четырнадцати-пятнадцати лет — Нина Никитина, Тоня Сизганова, Васса Томилова… Они приехали в Челябинск с Украины, из Москвы, Куйбышева, Ленинграда, обыкновенные, простые девчонки, но с такими разными характерами.

Многим из нас делали подставки, своеобразные трапы к станкам, настолько мы были маленького росточка. Меня, например, так и называли «маленькая Аня». Да разве в трапах было дело?! Прямо из детства мы шагнули во взрослый мир, такой тревожный, сложный и трудный, на смену детским пришли заботы государственные.

Когда сейчас спрашивают, как жилось в те годы, обычно отвечаю, что были мы молодыми, с высокими помыслами и потому голода и холода словно не замечали. В войну у всех одни трудности, одно общее горе. Чтобы вынести его, победить, требовалась большая моральная сила. Ее давали верность долгу, сплоченность и дружба.

Вначале без опыта все казалось трудным. Нужно было обрести уверенность в своих силах, а ее давала практика. Постепенно, день за днем наращивала я выработку. Пришло время, и я стала перевыполнять норму в полтора и даже два раза.

В нашем цехе нормалей делали планки, скобы, втулки.

Словом, мелочевка. Но без нее нет танка, и мы это хорошо понимали.

Летом 1942 года на участке, где я работала, создалось очень тяжелое положение — программа выполнялась только на 57 процентов. Помню, как переживали мы. «Что делать?» Этот вопрос мучил меня постоянно, а газеты писали о том, как повсюду в стране, на предприятиях Москвы, Горького, Урала, создаются комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Мы знали их призыв: «Вся молодежь сейчас должна трудиться по-фронтовому. Мы призываем: создавайте, комсомольцы, на своих предприятиях фронтовые бригады. Пусть они будут образцом для всех рабочих, пусть они покажут всем, что значит работать по-военному!»

«А что если и нам создать такую бригаду?» — подумала я. Посоветовалась с мастером Люсей Костромитиной, с секретарем цеховой комсомольской организации Ниной Зайцевой, с групкомсоргом участка Катей Парфентьевой. Девчата меня поддержали. Решили от рекордов отдельных рабочих перейти к коллективной борьбе за успех участка.

3 октября 1942 года состоялось первое организационное собрание будущей комсомольско-молодежной фронтовой бригады.

— Работать в тылу по-фронтовому, — решили девчата. — Мы должны быть достойны наших фронтовых подруг.

Так родился тот боевой клич: станок — орудие, участок — поле боя. Обязались не уходить из цеха, пока задание не выполнено. Мы давали слово, что будем обходиться без наладчиков, освоим смежные специальности.

Бригада заработала, и результаты сказались очень скоро: в октябре план выполнен на 101 процент, в ноябре — 116,6, причем, на четыре дня раньше, в декабре — 117 процентов. В результате уплотнения рабочего дня и лучшей организации труда постепенно стали перевыполнять задание и до 210 процентов. Свое слово мы сдержали, ведь при создании бригады сразу оговаривалось: звание фронтовой присваивается только тому коллективу, который из месяца в месяц дает показатель не менее чем 200 процентов.

Наша бригада стала первой фронтовой бригадой на заводе, и ей присвоили имя Героя Советского Союза летчика Николая Гастелло, а бригаде Шуры Садиковой, которая образовалась вслед за нашей, — имя Зои Космодемьянской.

Так было положено начало соревнованию комсомольско-молодежных бригад за звание фронтовых.

«Норма — не предел, но и задание — не предел», — решили

мы. Людей на участке не прибавлялось, а выработка росла. Чтобы работать бесперебойно и высокопроизводительно, нужно каждому овладеть несколькими специальностями, научиться трудиться на двух-трех станках и, конечно, следить за их состоянием и чистотой.

Стахановки нашей бригады Аня Перцова, Груня Редько, Аня Полфунтикова и другие (на двух-трех станках!) давали ежедневно от 250 до 300 процентов нормы.

Групкомсорг сверловщица Катя Парфентьева овладела специальностями резьбонарезчицы и фрезеровщицы и постоянно вдвое перекрывала норму. Не раз наша комсомольская группа отмечалась как лучшая по заводу.

Помню, в конце октября 1942 года мастер Х. Беспечанский дал мне задание сделать за смену 1150 моторных деталей. Цифра показалась невероятной, потому что в самые удачные дни я добивалась выработки в 700—800 деталей при норме 320.

— Не сумею, — сказала я мастеру. — Не смогу.

— Сможешь и сделаешь, — настаивал он.

Мастер почему-то был уверен, что задание мне по силам. И возражать ему я больше не стала. Пошла к своему станку, тщательно подготовила рабочее место, проверила станок на всех оборотах, отрегулировала. Утром с особым вниманием, собранностью, сосредоточенностью принялась за работу. Все свое умение и силу воли вложила. Хотелось доказать, что смогу.

Подруги по участку чувствовали мое настроение. Никто не мешал мне ни жестом, ни взглядом. Все с нетерпением ждали моего вечернего рапорта. И я доложила:

— Задание выполнено. 1150 деталей отфрезеровано.

Говорят, успех окрыляет. И верно, сил как будто намного прибавилось. Уже на другой день я выдала 1200 деталей, а затем и 1300. И темпов не снижала.

Был такой случай. Зина Ларина, уже отработав подряд две смены, узнала, что на ее деталь поступил новый срочный заказ. Только после того как его выполнила, она ушла домой.

Когда бригада проводила на фронт последнего слесаря-долбежника, девчонки освоили и эту, всегда считавшуюся мужской, специальность.

Сейчас наш трудовой порыв называют героическим, а тогда мы считали, что ничего особенного не совершаем. Работали так, как нужно: по 12 часов и больше, если требовалось — без праздников и выходных. И никто не ныл. Мы знали: нашим сверстникам на поле боя труднее.

Мы не просто стремились достигнуть высокой выработки: этой думой жили и этого добивались. Совершенствовали

мастерство, смело применяли повышенные режимы резания, экономили каждую минуту, улучшали подготовку производства. Словом, действовало суворовское правило: не числом, а умением.

Сил придавали вести с фронта. Разные это были вести. Тревожные и горькие, радостные и счастливые. Сводки Совинформбюро слушали перед началом смены. На каждом отделении висела карта, на которой постоянно отмечали положение на фронте. Помню, как 6 ноября 1942 года многотиражная газета «За трудовую доблесть» напечатала письмо писателя Ильи Эренбурга:

«Много раз на фронте я слышал, как пехотинцы благословляли вас, друзья-кировцы. А наши танкисты гордятся отечественными танками — лучшими в мире. Каждым часом работы вы убиваете фрица-поджигателя, карлушку-колбасника, вешателя и палача. В добрый час. Мы их бьем и мы их перебьем. Побольше танков — и мы проутюжим землю».

Фронт требует! Эти слова звучали как набат, о нем помнили и днем и ночью. Там, за тысячи километров от Урала, от цехов нашего завода решалась судьба Родины, и мы были солдатами ее трудового фронта.

Все девушки-комсомолки имели лицевые счета. В них ежедневно перед сменой мастер записывал задание. Заканчивалась смена — и в лицевые счета вносилась запись о его выполнении. Дисциплина в бригаде, как на передовой. Слово мастера — закон. Ежедневно собирались на короткие совещания, обменивались опытом и помогали друг другу, как это делали бойцы. Отстающих не было. Все трудились, не жалея сил — и Тоня Трусова, и Аня Гриневицкая, и Клава Панарина, и Тоня Емец, и все-все. Молодчиной была наша Таня Макушина, любили ее за общительность и редкостную доброту.

Партгрупорг участка резьбонарезчица Мария Кузикова стала первой среди женщин в цехе нормалей тысячницей, выполнив задание на изготовлении моторных деталей на 4000 процентов. Кавалер ордена «Знак Почета», она была достойна самой высокой похвалы, так как успевала обслуживать две смены.

Сделав деталей в два-три раза больше плана, мы не давали им залеживаться на участке. Грузили в тележку и тут же везли на сборочный конвейер. Хотели, чтобы обработанные детали как можно быстрее заняли место на боевой машине. Если случались сбои и заготовок не хватало, шли в чугунолитейный цех, писали «молнии», «тревоги», ругались, жаловались, даже плакали — все, бывало, испробуем, а заготовки раздобудем.

Огромную организаторскую роль играло социалистическое соревнование. Наглядная агитация была оперативной, броской,

доходила до самого сердца. На стенде в конце смены вывешивались показатели каждого и бригады в целом. Кто как сработал, чего достиг — видно, как на ладошке. Каждый месяц определяли победителей по цеху. Перед заседанием цехового комитета профсоюза, который возглавляла Анна Михайловна Родионова, тщательно проверяли выполнение условий соревнования. Не всегда, конечно, наш коллектив был первым. Нередко нас обгоняли бригады Саши Додонова, Шуры Садиковой, Марии Сибиряковой.

Вся наша жизнь, особенно в первые военные годы, проходила в цехе. Ждали комсомольских собраний с нетерпением. Собирались все, перед началом под гармошку споем и спляшем. Жаркими были наши споры, порой до хрипоты судили себя по самой высокой мерке, провинившимся спуску не давали. Но и какие разумные решения принимали!

В январе 1943 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение задания правительства по увеличению выпуска танков, танковых дизелей и бронекорпусов большая группа работников была награждена орденами и медалями. В их числе я была удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина. Помню, как в переполненном зале театра ЧТЗ мне вручили орден. Каким волнительным и незабываемым стал для меня этот день.

Вскоре после того, как была снята блокада Ленинграда, я вместе с другими товарищами ездила в Ленинград. Делегацию возглавлял Иван Степанович Белостоцкий — коммунист с 1904 года, слушатель Ленинской школы в Лонжюмо, участник Великого Октября, первостроитель ЧТЗ. Ремонтно-заготовительный цех, которым руководил Белостоцкий, не раз держал первенство. Умелый организатор, умный, необычайно скромный и деликатный человек, Иван Степанович покорил нас своей простотой, чуткостью, вниманием. Это во многом благодаря ему вся поездка превратилась в праздник. Мы побывали на Кировском заводе. Принимал нас и Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, он горячо благодарил уральцев за ратный труд.

Почин нашей фронтовой комсомольско-молодежной бригады широко подхватила молодежь завода. Уже в декабре 1942 года было создано 67 фронтовых бригад, объединивших 526 человек, а в феврале 1944 года их число увеличилось до 974. К концу войны на заводе действовало более 1700 бригад — это около 10 тысяч молодых рабочих. Имена 68 лучших бригадиров занесены в книгу Почета завода. Есть в той книге и мое имя.

Фронтовым комсомольско-молодежным бригадам поручались

самые тяжелые и ответственные задания. Как скажет потом заводской поэт, «мы прошли дорогой длинной, как на битву, шли на труд».

По всей стране прогремела слава о фронтовой комсомольско-молодежной бригаде Василия Гусева, которая в 1944 году завоевала первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании и переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и Наркомата танковой промышленности, а сам Василий Гусев был награжден орденом Ленина.

Как радовались мы этой вести, ведь для нас Вася и его товарищи были не только соперниками по соревнованию, но и хорошими, верными, отзывчивыми друзьями. Нередко после смены мы бегали во второй механический, чтобы посмотреть, обогнала ли нас бригада Гусева, с мальчишками встретиться.

А в цехе все более крепкая дружба связывала нас с бригадой сверловщицы Шуры Садиковой. Удивительная это была девушка, веселая, задорная, неутомимая. Почетные книжки «Стахановец военного времени» в ее бригаде первыми получили резьбонарезчица Даша Сазонова, фрезеровщица Тося Сизганова, сверловщица Дуся Летунова. Все любили наладчика Юлю Зырянову — маленькая, юркая, она везде успевала. Никогда не унывала Нина Линючева. Посмотришь на нее, и настроение сразу поднимается.

Достойные были у нас сменщицы. Радовались мы от души, когда в 1944 году Шуру Садикову наградили орденом «Знак Почета».

Все вместе сдавали мы экзамен по начальной военной подготовке, овладевали санитарным делом. После смены ходили в военный госпиталь, ухаживали за ранеными, делали перевязки, читали газеты. И дома забот хватало: шили теплые варежки для солдат, кисеты, доставали теплые носки, белье. Собирали продуктовые посылки, отрывая от своих пайков. В каждую посылку непременно вкладывали записки. Их адресовали самым смелым и храбрым бойцам. Активно участвовали в создании областного комсомольско-молодежного фонда помощи детям фронтовиков. Словом, везде успевали. Время было такое: ко всему обязывало.

В октябре 1943 года страна отмечала большой юбилей — 25-летие Ленинского комсомола. На праздничные торжества в Москву поехать доверили мне. Провожая на вокзале, девчата давали наказ:

— Расскажи, как живем и работаем, передай, что сил не пожалеем, сделаем все, что скажет комсомол.

Ехали на поезде, останавливаясь на каждом полустанке.

Времени обдумать свои слова было много. На приеме в Центральном Комитете ВЛКСМ я очень волновалась, говорила горячо, и сказала о том, что всех так волновало — о страстном желании приблизить день Победы. Речь мою транслировали по радио, мои дорогие девчонки в Челябинске слушали и, говорят, даже плакали.

В ЦК ВЛКСМ мне вручили значок «Отличник социалистического соревнования Наркомтанкопрома» и удостоверение, подписанное народным комиссаром танковой промышленности В. А. Малышевым. А на плечи накинули дорогой подарок — роскошную белую шелковую шаль с большими кистями. Я вся в ней утонула. В зале засмеялись и захлопали, а я заплакала, потому что, кроме рабочей спецовки да телогрейки, ничего у меня не было.

«Награжденные значком «Отличник социалистического соревнования» должны носить его с достоинством и честью, служить примером высокопроизводительного труда и организованности на производстве или в учреждении, образцово выполнять свои обязанности», — говорилось в удостоверении. Ко многому обязывали меня эти слова.

— Моя награда — это и ваша награда, — сказала я, возвратившись в свое родное десятое отделение, на свой участок. — Не подведем, девчонки?

— Конечно, не подведем! — ответили мне.

И снова были рабочие будни, труд до седьмого пота и сознание того, что каждой рабочей сменой мы приближаем этот светлый день — День Победы.

Тот ликующий солнечный праздник мы отметили всей бригадой. Мы долго шли к заветной вершине и все-таки ее достигли. Что тогда испытывали? Радость и огромное счастье.

Спустя двадцать лет после окончания войны на Комсомольской площади города на высоком постаменте был воздвигнут танк, а на металлической доске вылиты столь дорогие и памятные нам строки:

Уральцы, вам,
чьи руки золотые
ковали здесь
Победу над врагом…

В. Г. Карташев
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ СТАЛИНГРАДСКИХ ДНЕЙ И НОЧЕЙ

Виктор Гаврилович Карташев, окончив в 1942 году пулеметно-минометное училище, сражался в Сталинграде, в составе войск 62-й армии под командованием генерала В. И. Чуйкова. Затем воевал на Ленинградском фронте, освобождал Эстонию. Победа застала его в госпитале, где находился после очередного тяжелого ранения. Вернулся в Копейск. Окончил техникум, работал конструктором на машиностроительном заводе имени С. М. Кирова. Без отрыва от производства получил диплом инженера. Сейчас трудится начальником отдела технического обучения. Награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда» и другими.

«Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнем вспоминать и наши уста произнесут слово «война», то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах снова возникнет тяжелый бесконечный грохот бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим сухое громыхание перегоревшего кровельного железа».

Так в сентябре 1942 года писал в своем очерке Константин Симонов, таким он увидел этот сражающийся непокоренный город в ту суровую пору. Слова эти пророческие. Да, сегодня, говоря о войне, вспоминают непременно Сталинград. Потому что Сталинград — это подвиг народа и бесповоротное крушение военной фашистской машины в Великой Отечественной войне.

С этого героического города началась моя военная дорога.

В марте сорок второго меня направили в Пермское пулеметно-минометное училище. Программа была рассчитана на шесть месяцев, но уже в начале августа нас, курсантов, собрали в клубе, и комиссар объявил, что завтра выезжаем на фронт, а доучиваться будем на передовой.

Через несколько дней эшелон прибыл в Курган. Из курсантов сформировали 184-й отдельный пулеметный батальон. Командиром стал уже побывавший в боях лейтенант Александр Прокопов, а его заместителем лейтенант Андрей Стариков, тоже смелый офицер.

И вот поезд везет нас на фронт, громить фашистских гадов.

За Саратовом фашистские самолеты несколько раз бомбили и обстреливали эшелон. Поезд останавливался, приходилось выбегать из вагонов и окапываться. Троих убило, несколько человек ранило. Где-то в глухой степи мы похоронили своих товарищей, так и не доехавших до войны вчерашних мальчишек, мечтающих о подвигах. О подвигах во имя Родины.

Разгрузился эшелон в нескольких десятках километров от Сталинграда. Дальше пошли пешком. Материальную часть пулеметов и боеприпасы несли на себе. Продвигались только в темное время суток, но идти было тяжело, жарко, мучила жажда: воды на пути не встречалось. Из-под солдатских сапог в воздух поднималось облако пыли. Дышать становилось нечем.

На горизонте стояло зарево пожарищ, слышалось уханье дальнобойных орудий. За многие километры пахло гарью. По обочинам дороги, на столбах, а где и просто на деревьях висели лозунги и плакаты: «Защити Сталинград!», «Сделай Сталинград неприступным!», «Воин! Спаси город на Волге!», «Не отдадим Сталинград фашистскому зверю!»

27 сентября. День солнечный. Привал у старого русла Волги. Вода прозрачная, кажется зеленоватой от отражения деревьев. С наслаждением искупались, надели чистое белье, которое получили еще в Кургане, не зная о том, что много дней и ночей нам не придется даже умываться.

Часов в восемь вечера батальон был построен и нам зачитали приказ. Он гласил: выбить противника из рабочего поселка завода «Красный Октябрь». И вот мы двинулись к месту переправы. Идет пехота, машины тащат пушки и везут боеприпасы. Лошади, запряженные в брички, фыркают от невыносимой пыли. Дорога в выбоинах.

Наконец добрались до переправы. И тут увидели Сталинград. Перед нами было такое зарево, что, казалось, горит сама земля. Впрочем, не было ни земли, ни неба. Только огонь и дым, темные остовы каких-то строений, которые появлялись при вспышках ракет и лучах прожекторов. В сплошном гуле смешались взрывы бомб, вой летающих и падающих объятых пламенем самолетов, грохот рушившихся зданий, свист трассирующих пуль. Казалось, там, на правом берегу Волги, куда мы должны переправиться, нет места, где мог бы ступить человек, и не может быть ничего живого.

Пораженные, онемевшие, мы дожидались своей очереди, чтобы переправиться через вздымавшуюся от взрывов снарядов и бомб Волгу. А Сталинград между тем вспыхивал то белым, то желтым, то красным огнем, свет и тьма скачками сменяли друг друга.

— На переправу! — слышится команда.

Подходим к воде и грузимся по четыре-пять человек в лодки. Каждая из них поднималась метров на 30—40 вверх по течению, затем под сильными взмахами весел опытного солдата-перевозчика быстро шла на противоположный берег реки. В воду плюхались мины, обдавая холодными брызгами, где-то в черной ночи слышались крики. Мы благополучно добрались и высадились на небольшой островок, покрытый высокими ивами. Отсюда на правый берег шли по деревянному трапу — зыбкому мостику, прикрепленному к стальным тросам. Мостик качался на волнах, по намокшим доскам скользили ноги, и стоило потерять равновесие, как оказывался в воде.

Часа в четыре утра мы переправились и заняли оборону в большом полуразрушенном двухэтажном доме, в подвале которого находились семьи рабочих завода «Красный Октябрь». Там никто не спал, несмотря на столь ранний час, плакали дети. Многие из нас отдали им свой НЗ — неприкосновенный запас. Надо было видеть при этом глаза матерей. И в каждом из нас еще сильнее закипала ненависть к врагу. Так начались наши сталинградские дни и ночи в составе 62-й армии, которой командовал генерал В. И. Чуйков.

Обстановка была крайне напряженная. «В дивизиях, в которых полагалось по штату 8—10 тысяч человек, с трудом насчитывалось от 100 до 200 активных штыков, — вспоминал В. И. Чуйков (сборник «Сталинградская эпопея». М., Наука, 1968), а из вооружения имелось лишь несколько орудий и пулеметов. Танковые бригады имели по 6—10 танков… Многие из них были подбиты и могли действовать только как неподвижные огневые точки».

Однако советские солдаты продолжали сражаться. Для сталинградца приказ был один: «Ни шагу назад!»

На нашем участке немцы захватили часть поселка и без конца продолжали атаковать. Ливень бомб, снарядов, мин. Все горело, рушилось. Облако кирпичной пыли, дым, копоть, сомкнувшись, накрывали кварталы. Мы отражали одну атаку за другой, потеряв счет времени.

Как потом выяснилось, противник на этом участке решил выйти к Волге. Наши соединения, оборонявшие поселки Красный Октябрь и Баррикады, понесли большие потери и не в состоянии были оказать существенное сопротивление. Немцы, перебросив дополнительные силы, рассчитывали в оставшиеся дни сентября захватить завод «Красный Октябрь». Сюда и прибыла наша 193-я дивизия. Ее командир генерал-майор Ф. Н. Смехотворов впоследствии писал:

«В период до 30 сентября противник вел ожесточенные наступательные бои, стремясь во что бы то ни стало овладеть поселком и заводом «Красный Октябрь», вводя в бой большое количество пехоты и до 70 танков одновременно.

Вражеская авиация группами по 20—30 самолетов непрерывно штурмовала и бомбила боевые порядки и тылы наших войск. От непрерывного разрыва мин, снарядов и авиабомб все сотрясалось и рушилось, поселок горел, казалось, горела и дрожала сама земля…

Выполняя поставленную командующим 62-й армии генералом В. И. Чуйковым задачу — выйти на западную окраину поселка Красный Октябрь и занять оборону, не допуская прорыва противника к Волге, 193-я дивизия сразу же с выходом на правый берег с 4 час. 00 мин. 28 сентября развернула энергичное наступление, уничтожая противника…

Особенно упорное сопротивление противник оказывал в районе зданий фабрики-кухни, бани и школы № 5. Отбивая яростные контратаки пехоты и танков при поддержке вражеской авиации, части дивизии к исходу дня вышли на западную окраину поселка Красный Октябрь».

В ходе этих боев мы узнали о героическом подвиге нашего однополчанина Михаила Паникахи. Было это так. Оборону дивизии атаковали одновременно около 70 танков. Семь из них прорвались к переднему краю и начали крутиться над окопами. Рядовой Паникаха (он пришел в дивизию из морской пехоты вместе с другими моряками-тихоокеанцами) вооружился бутылками с горючей смесью и пополз навстречу головному танку. Он уже взмахнул бутылку, но ее разбила пуля. Горючая, мгновенно вспыхнувшая жидкость залила ему голову, плечи, грудь. Весь охваченный пламенем, он догнал танк, разбил вторую бутылку над двигателем и сам лег на броню загоревшейся машины.

Подвиг Михаила Паникахи придавал нам силы. А на позиции все наступал и наступал противник.

30 сентября. С утра немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Затем появилась авиация. Фашистские стервятники пикировали прямо на нас. Стоящие на путях цистерны с нефтью загорелись. Одна из бомб разорвалась так близко, что мой «максим» был превращен в кусок металла, а меня засыпало землей обрушившегося окопа. Товарищи откопали. Мне повезло. Отделался легкой контузией и царапинами.

Немцы пошли в атаку. Бывший офицер вермахта Г. Вельц в своей книге «Солдаты, которых предали» так рассказывает об этом бое:

«На русские позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают целые гирлянды снарядов. Там уже не должно быть ничего живого. Если дело пойдет так и дальше, саперам останется только продвинуться вперед и занять территорию. Кажется, так оно и есть. Беспрерывно бьют тяжелые орудия. Навстречу первым лучам восходящего солнца в просветлевшем небе несутся бомбардировщики с черными крестами. Эскадрилья за эскадрильей. Они пикируют и с воем сбрасывают на цель свой бомбовый груз, а за ними новые и новые. Взлетают в воздух блиндажи и огневые точки, оборонительная полоса противника разрушена, горят цистерны с нефтью.

…Огневой вал уже перенесен в глубь обороны противника. Передовые наши группы уже приближаются к передовому краю русских. Еще каких-нибудь двадцать метров, и они займут передовые русские позиции. И вдруг они залегают под ураганным огнем. Слева короткими очередями бьют пулеметы. В воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы считали уничтоженной. Нам видны каски русских солдат. Глазам своим не верим. Как, неужели после этого ураганного артиллерийского огня, после налета пикирующих бомбардировщиков, которые не пощадили ни одного квадратного метра земли и перепахали все впереди, там все еще жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся наземь и уже больше не встают наши наступающие солдаты, как выпадают у них из рук винтовки и автоматы».

Пять батальонов фашистов было разбито в этом бою. Но и наши роты сильно поредели.

Ночью было поспокойней, но никто не спал. Чутко сидели в окопах. Под утро стали занимать исходный рубеж севернее фабрики-кухни, расположенной на территории поселка. С рассветом все началось сначала.

Время от времени меняем огневые позиции. Тяжелый «максим» заваливается в ямах и воронках. Рубашка и гимнастерка, промокшие от пота, плотно прилипли к спине. Во рту горько от сухости, но воды нет. На зубах скрипит земля. Винтовка бьет по спине и ногам, мешая бежать с тяжелой ношей. Укрывшиеся за грудами щебня в разрушенных зданиях немцы ловят каждое наше неосторожное движение. Пыльные фонтанчики от пуль появляются то справа, то слева, то впереди.

Наконец наш расчет в составе Алексея Бочкарева, Сергея Кобелева, Ивана Шулакова и меня находит подходящее место для новой позиции. Быстро окапываемся. Но все сделать как положено не успеваем: появляются фашистские танки, за ними — пехота. Несколько машин развернулись прямо на нас. На ходу

стреляют из пушек и пулеметов, им помогают орудия и минометы.

Заработали наши противотанковые пушки, полетели в сторону противника гранаты. Танки замедлили ход, пехота залегла. Одна из мин разорвалась около моего «максима». Осколками пробило кожух, погнуло ствол и заклинило замок. Мне повезло и на этот раз. Даже не царапнуло. Но пулемет выведен из строя, пришлось браться за винтовку к гранаты.

Перед нами горело два подбитых танка, остальные продолжали вести огонь. Из двух наших противотанковых пушек осталась одна. Кто-то недалеко от меня ловко метнул гранату. Фашистский танк остановился, но повернул башню и продолжал стрелять по нашему правому флангу.

Замолчала вторая наша пушка, все реже летели противотанковые гранаты. Положение становилось критическим. И тут на помощь пришли бронебойщики 184-го отдельного пулеметного батальона из роты противотанковых ружей. Немцы повернули назад. Атака была отбита. Позиции удержаны. Но мы недосчитывались многих.

Ночью был получен приказ: наша пулеметная рота переходит на позиции 895-го стрелкового полка, который тогда действовал на главном направлении. И мы вместе с подразделениями первого батальона полка заняли оборону на фабрике-кухне. Это одноэтажное здание с большими окнами, расположенными на север и на юг, имело форму буквы «Т». Крыша фабрики сбита снарядами, и все деревянные постройки сгорели. Метров за пятнадцать от фабрики стояла полуразрушенная котельная, в которой чудом сохранились два котла с остатками воды. Нам сказали: фабрика-кухня — опорный пункт, назад ни шагу.

— Теперь заживем, — шутили бойцы, — не только поближе к кухне, а в ней самой.

И не знали мы тогда, что фабрика-кухня будет для многих последним в жизни прибежищем.

Стали обустраиваться для долговременной обороны. Мой станковый пулемет установили в проеме подвального окна. В обзоре простреливалась северо-западная сторона. Ночью обложили окно бревнами, кирпичами, засыпали землей. Получился своеобразный «дзот».

Передышка была недолгой. Немцы опять повели сильную артподготовку. Рушился верхний этаж, но в подвале, за толстыми кирпичными стенами, можно было еще спрятаться.

Едва кончилась артподготовка, как немцы сразу же пошли в атаку. Мы рассредоточились. Бочкарев залег с ручным пулеметом в котельной, Карпов и я — с пулеметами у окон фабрики,

Кобелев, Бутаков, старший сержант Грибель, младший сержант Шапошник, Топорков и Мухин с винтовками и автоматами — в развалинах с северной стороны. Немецкие танки шли по лощине, минуя нас. Их было до десятка. Нам пришлось отбиваться от автоматчиков. Казалось, не будет им конца. Наш дружный огонь заставил их залечь и не давал подняться.

Я стрелял до тех пор, пока вода в кожухе не нагрелась до кипения. Все заряженные ленты были израсходованы. И в этом бою нам удалось удержать занимаемые позиции, а фашисты отошли с большими потерями.

Погибли Топорков и Мухин, фашистский танк раздавил вместе с пулеметом моего однокашника по училищу Аркадия Мышкина, который занимал огневую позицию в нескольких метрах от фабрики-кухни, был ранен младший сержант Шапошник, еще несколько бойцов вышли из строя.

Атаки продолжались. Нас оставалось все меньше и меньше. Не хватало боеприпасов. Мы страдали от отсутствия воды, многие сутки уже не знали горячей пищи. С большим трудом доставленный нам в мешках хлеб превратился в месиво. Мы на ходу падали и засыпали коротким сном.

В подвале оказалась полузаваленная яма с водой. И мы не только заправляли этой мутной и вонючей жижей пулеметы, но и пили ее. Иного выхода не было. Дорога за водой в котельную простреливалась противником.

Второго октября немцы нанесли очередной комбинированный удар. Над нами пролетают «юнкерсы». Они принимают боевой порядок, ведущий самолет круто пикирует. Воет сирена, и от самолета отделяются бомбы. Не успел раздаться взрыв, как самолет взмывает вверх, а к земле идет другой. Бомбы летят с ревом и свистом. А мы уже знаем, что сейчас последует очередная атака. И она начинается.

Казалось, нет сил удержать движущуюся лавину, сеявшую огонь и смерть. Но удержали. Раненых почти нет: они продолжали сражаться до смерти, но не отступали.

Недолгая передышка. И опять «юнкерсы», опять бомбят, опять артиллерия и минометы бьют. Стоном стонет земля. Фашистские автоматчики идут и идут. Завязывается рукопашная. Бойцы отбиваются штыками и прикладами, ножами, камнями, всем, что есть под рукой. И побеждают.

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Так сказала о рукопашном бое участница войны поэтесса Юлия Друнина.

И снова день, похожий на предыдущий, и снова ночь, напоминающая минувшую. Счет времени ведем от одной отбитой атаки до другой, а их — по несколько в сутки.

Через наш участок снова начинается массированный удар к Волге. Не сгибаясь, во весь рост идут пьяные фашисты. На ходу отчаянно, бесприцельно стреляют. Роты, занимавшие оборону у фабрики-кухни и около бани, смяты, часть людей отошла к котельной и отбивается. Исход боя снова решила рукопашная.

Как-то после очередной атаки на фабрику-кухню прибыл командир полка майор Г. Д. Ворожейкин. Все еще не остывший от только что проведенного боя, он был без шинели, в фуражке, говорил быстро и громко. Спросил, как идут дела, в чем нуждаемся. Подошел к моей огневой точке, посмотрел в амбразуру «дзота» и сказал:

— Хороший кругозор обстрела.

— Он сегодня отсюда здорово поработал во время отражения атаки, — дополнил комбат, показывая на меня.

— Запишите его фамилию, — приказал майор сопровождавшему его лейтенанту.

Ворожейкин на нашем опорном пункте был не впервые. Его знали и уважали за храбрость, за доброе отношение к солдатам. В этот день мы его видели в последний раз. В очередном бою вражеская мина разбила наблюдательный пункт. Извлеченный из-под обломков, тяжело контуженный, командир продолжал руководить боем, пока прямое попадание мины не оборвало его жизнь.

Числа 11 октября немцы решили, видимо, окончательно разделаться с нами. Под прикрытием пулеметного и минометного огня пошла пехота и танки. Стена, под которой стоял пулемет Карпова, рухнула. Не стало еще одного нашего однокурсника. От нашей пулеметной роты осталось не более десяти человек и один мой «максим». В тот день близким разрывом снаряда меня контузило. Когда пришел в чувство, занялся лечением пулемета. Пробоины в кожухе забил палками и тряпками. Теперь можно вести из него огонь только короткими очередями.

13 октября вечером из контрольного пункта полка комбату сообщили, что утром немцы начнут наступление почти на всем фронте. А фашисты кричали нам из своих окопов: «Рус! Завтра будешь буль-буль Вольга!»

Осталось нас очень мало. Но мы помнили приказ: ни шагу

назад. И когда утром началось наступление, наши поредевшие ряды не дрогнули…

«…14 октября и последующие пять дней, — пишет в своих воспоминаниях В. И. Чуйков, — были для нас наиболее тяжелыми за всю сталинградскую эпопею. Не выстояв в эти дни, мы оказались бы опрокинутыми в Волгу, а Сталинград был бы захвачен немцами».

На всем участке шли тяжелые бои. К нам на фабрику-кухню пробрались два бронебойщика. Притащили противотанковое ружье и несколько гранат. Мы отстреливались редкими выстрелами — берегли патроны. Но за ствол винтовки было невозможно взяться — обжигал. Не спасала даже накладка. Попавший в затвор песок не давал ему плотно закрываться, открывать приходилось, ударяя по нему кирпичом. И все-таки мы держались.

Из-под угла покосившегося деревянного дома, на расстоянии 100—150 метров, застрочил немецкий пулемет. Он бил в наш тыл. Я зарядил винтовку бронебойными патронами и выпустил их по цели. Вспышки прекратились. Вскоре к пулемету стал пробираться другой фашист. Я уложил и его.

Несмотря на все наши усилия, к середине дня немцы взяли котельную. Только одному красноармейцу Зайцеву удалось выбраться из нее живым. Без котельной мы были обречены: там остатки спасительной воды. Но атаковать нечем. Комбат послал связного с донесением. Часа через два к нам пришли на помощь автоматчики, их было не более десяти. Принесли патроны, гранаты, бутылки с горючей жидкостью. С криком «ура» мы бросились отбивать котельную. Завязался бой, немцы отступили.

Под вечер они снова пошли в атаку и опять вынудили нас уйти из котельной. Собравшись на фабрике-кухне, мы подсчитали свои силы. Их было мало. Подобрали последние патроны и гранаты. Воды и продуктов не осталось совсем. Яму со спасавшей нас жижей окончательно завалило.

Рано утром немцы стали забрасывать нас гранатами. Мы укрылись в подвале. Тогда к одному из его окон они подогнали танк и стали стрелять в подвал из его пушки. От близких разрывов у многих из нас из ушей и носа пошла кровь, пороховой чад забивал дыхание. Казалось, ничего не осталось здесь, кроме удушливого газа, дыма и густой пыли. И фашисты пошли в очередную атаку.

Но мы были живы. Мы знали, что за Волгой для нас земли нет. Помню, как обрадовались случайно найденной гранате. Мы подсадили Бочкарева в окно, и сильным броском он точно метнул ее под гусеницу танка. Немцы не ожидали такого, даже не

стреляли по Бочкареву, а потом открыли беспорядочный огонь из автоматов. Но граната сделала свое дело. У танка лопнула гусеница, и он уже не мог больше двигаться.

Прошли сутки, вторые, третьи.

Много лет спустя в своих воспоминаниях Ф. Н. Смехотворов напишет:

«Особенно ярко проявился героизм, стойкость и мужество бойцов дивизии в бою за здание фабрики-кухни. Восемь бойцов 184-го пулеметного батальона — Виктор Карташев, Алексей Бочкарев, Виталий Бутаков, Аркадий Мышкин, Борис Кузнецов, Сергей Кобелев, Михаил Петухов и Василий Пьянков — в течение пяти суток, окруженные со всех сторон гитлеровцами, без пищи и воды вели бой с превосходящими силами противника. Они вышли победителями: опорный пункт — дом фабрики-кухни не сдали, стойко обороняли его, пока не подошло подкрепление. Они отбили все атаки немецко-фашистских захватчиков. В этом неравном бою особенно отличился пулеметчик сержант Виктор Карташев. Он один уничтожил более 50 гитлеровцев».

Наши силы были окончательно на исходе, когда подошло подкрепление.

21 октября фашисты в который уже раз отобрали котельную. Мы снова лишились воды. Вечером решили во что бы то ни стало вернуть ее и закрепиться там. С ходу ворвались в ее развалины. Лицом к лицу я столкнулся с фашистом. На секунду мы оба растерялись от неожиданности. Но я успел выстрелить первым. Между тем пули засвистели над моей головой и защелкали по стене. Следующая очередь ударила около моих ног. Я упал за груды щебня, но на этот раз пуля нашла меня, пробила правую ногу. От боли потерял сознание. Помню только, как ругался Сергей Кобелев, которого, как потом оказалось, поцарапало осколками разрывных пуль.

Шесть с половиной месяцев пролежал в госпитале. Потом, после лечения, участвовал в боях под Синявином на Ленинградском фронте, освобождал города Нарву, Тарту и Тырва в Эстонии. Там тоже было нелегко…

Позднее, встречаясь с оставшимися в живых однополчанами, узнал, что наша 193-я стрелковая дивизия в течение 60 суток непрерывных боев обороняла поселок и завод «Красный Октябрь». Неоднократные попытки противника прорваться к Волге на данном направлении разбивались о железную стойкость и непреклонную волю к победе воинов дивизии.

Из Сталинграда дивизия была выведена по приказу командования после того, как противник был окружен. Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков в книге «Начало

пути» назвал 193-ю дивизию героической. За массовый героизм, проявленный в боях за Сталинград, советское правительство наградило ее орденом Красного Знамени.

…Залечила свои раны сталинградская земля. На месте фабрики-кухни построен замечательный Дворец культуры металлургов, выросли жилые кварталы. Там, где падали насмерть сраженные мои товарищи, увидел я детский сад и играющих ребятишек. Лишь скромные обелиски у главной проходной завода «Красный Октябрь» и на его территории напоминают о прошлом. И пусть это прошлое никогда не повторится.

Л. В. Чаринцев «СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ ВЫПОЛНЮ»

Леонид Васильевич Чаринцев свою трудовую деятельность начал в 1927 году. Работал избачом и секретарем сельсовета в селе Бакалди Шадринского района, сортировщиком на Шадринской ткацкой фабрике «Красный Октябрь». Как молодой активный коммунист был выдвинут на комсомольскую работу — председателем бюро пионеров, секретарем райкома комсомола. В марте 1935 года направлен секретарем комитета комсомола на строительство Уральского алюминиевого, а потом — Каменск-Уральского труболитейного завода.

После окончания комсомольского отделения Высшей школы пропагандистов при ЦК ВКП(б) Л. В. Чаринцев работал инструктором Челябинского обкома комсомола, заведующим культпропом Ленинского райкома партии города Челябинска. В составе Челябинской дивизии принимал участие в боях на Халхин-Голе. Был там секретарем партбюро танковой части.

На фронт Великой Отечественной ушел с должности заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии. Заместитель начальника политотдела дивизии, лектор политотдела 7-й гвардейской армии, он героически сражался у стен Сталинграда, был в числе тех, кто освобождал города Украины, дошел до Будапешта.

В письме от 22 июня 1945 года он писал своим родным:

«Сегодня четыре года, как началась война. Трудный период долгой разлуки пройден. Закончились мои длинные фронтовые дороги. Они прошли от берегов матушки Волги до берегов голубого Дуная. Всю Украину, три страны Западной Европы я прошагал с частями нашей Красной Армии. Если останусь жив, многое расскажу народу о войне. За это время я сделал сотни докладов-выступлений. Встречаю бойцов и офицеров, которые слушали меня еще под Сталинградом, в Харькове, под Курском. Как родные, близкие вместе вспоминаем прожитые уже здесь на войне годы…»

Орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, «Знак Почета» и многими медалями были отмечены его ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны.

Куда бы ни забрасывала его война, отовсюду на Урал: в Челябинск, Шадринск, Каменск-Уральск — шли от него письма, полные оптимизма, твердой уверенности, что враг будет разбит. В своих письмах он проявляет постоянную заботу о том, как живут и трудятся в суровых условиях войны южноуральцы. Для него не было милее края, чем Урал.

В октябре 1945 года Л. В. Чаринцев вернулся в Челябинск. Вновь стал работать заместителем заведующего отделом обкома партии. Закончил областную партийную школу и заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Был утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации Челябинского горкома партии.

Л. В. Чаринцев умер в апреле 1955 года. Сказались тяжелые ранения. Ниже публикуем его фронтовые письма жене и детям. Его жена А. Я. Шандорикова свыше сорока лет была партийным работником. Ныне — персональный пенсионер республиканского значения.

1942 год

7 февраля

Здравствуй, дорогая Тоня, мои милые Надя и Люся!

…Два месяца как я учусь. С нетерпением жду окончания курсов и дня выезда по назначению. Живу только этим. Учеба идет успешно. Здоровье иногда подводит. Сегодня получил «Челябинский рабочий», прочитал все. Завтра газету передам челябинцам. Жду еще газет и журналов. В день 24-й годовщины Красной Армии, видимо, придется выступать с докладом на одном из собраний трудящихся.

Леня.

13 марта

Дорогая Тоня!

Сейчас у меня одно желание — скорее а войсковую часть. На днях еду на пять дней в войсковую часть на практику. Куда получу назначение, пока не известно. Я, как и другие товарищи, нахожусь в резерве Главного политического управления РККА.

Дневника не веду, но если в будущем прочитать мои письма — это краткая запись о том, как живу здесь в армии без

вас. Эх, если бы посмотреть сейчас на Надю и Люсю! Побыть с вами вместе. Верю, настанет время, когда мы опять будем вместе. Но чтобы это время пришло, свой долг перед Отечеством я с честью должен выполнить…

17 мая

…Сообщаю тебе, что я принял первое боевое крещение на полях Украины. Это было настоящее боевое крещение. С первых дней приезда на фронт нахожусь на передовых позициях. Познал «прелести» действия немецкой авиации, танков, артиллерии, автоматов и минометов. Был в большом переплете. Невозможно описать всего.

Я работаю заместителем начальника политотдела. Сейчас на стажировке. Здесь буду еще месяц. На днях, под грохот пушек, взрывы снарядов и шум авиационных моторов читал доклад для среднего комсостава на тему «Кто такие наши враги — немецкие фашисты?» Беседую с бойцами и командирами. В общем, дело идет. Допрашивал пленных солдат. Здорово ругаю себя, что не изучил немецкого языка, а поэтому не могу обойтись без переводчика.

Как только наши части начинают активно наступать, многие фашисты сдаются в плен. Но когда во время боевых действий преимущество (конечно, временно) бывает на их стороне — они становятся настоящими людоедами, грабителями.

Я видел много трупов замученных фашистами советских людей. Видел села и поселки, которые немцы сожгли. Это были хорошие, веселые, богатые украинские села. Видел детишек освобожденных населенных пунктов. Ребята голодные, худенькие и сильно напуганные. С некоторыми из них я беседовал. Старики освобожденных селений, женщины и дети проклинают фашистов и Гитлера, как врагов, убийц и воров.

«Смерть немецким оккупантам!» — так говорит наш народ. Этими словами начинаются все красноармейские газеты, листовки, книги и журналы.

И опять возвращаюсь к вам, мои дорогие. Сейчас 10 часов утра 17 мая — воскресенье. Ясное, теплое весеннее утро. Что делаешь сейчас ты? Что творят девочки — Надя и Люся? Скорее бы получить письмо…

23 мая

Некоторое затишье. Есть возможность черкнуть. Тихо. Только слышны выстрелы винтовок. А перед бурей всегда бывает тихо. Большому сражению не миновать.

Как хороша Украина в спокойное время. Широкие зеленые степи. Ясное, голубое небо. Свежий, легкий воздух. Цветут яблони и груши. Аромат цветов. Милая, милая Украина! В мирное время нельзя не влюбиться в тебя — в весеннюю Украину, в зелень, в белые яблоневые цветы.

Но в это грозное время, в дни Отечественной войны, эта несказуемая красота не радует и не веселит. Не слышно песен дивчин, не видно удалых украинских хлопцев в белых вышитых рубашках, не слышно приятного, доброго и свободного местного говора. Война, война. Одна задача, одна забота — скорее уничтожить немецких оккупантов и навсегда освободить Родину от вшивых и душных фашистов. И тогда настанет время любоваться красавицей Украиной.

Но в то время думаю быть в моем родном городе, любимом Челябинске. Мирно и много трудиться, как и прежде. Только семье, моим Наде и Люсе буду больше уделять внимания. Эти мысли не покидают. Несколько дней тому назад я видел, как по садику шла маленькая девочка и сама себе напевала приятным голоском: «Папа! Папа! Папа!» Я слушал ее и душевно волновался. Где-то далеко-далеко на Урале мои любимые Люся и Надя также вспоминают меня: «Папа! Папа!»

Бедные дети! Много горя принес вам кровавый Гитлер. Я разговаривал с учащимися начальной школы, которые в этом году не учились. Они боятся, очень боятся звука самолета. За все это Гитлеру будет должное возмездие.

Вчера 22 мая читал большой доклад о текущем моменте для нашего резерва. Было задано много вопросов.

Плоховато, что иногда подводит зрение и вообще состояние здоровья. Но на войну здоровья хватит, а ремонтировать его буду после войны. Жди! Я вернусь. Это мое желание. Но война есть война.

9 июня

Раннее утро. Начинает всходить солнце. Сегодня будет хороший летний день. Я в густом дубовом лесу. Свежий, приятный воздух. Сейчас тихо, и каждую минуту ждешь выстрелов и военных действий. От места, где я нахожусь, в двух километрах по лесу немецкие окопы, и там наши враги. Вчера в подразделениях на фронте (передовой линии) проводил доклады

и беседы с бойцами, совещания с командирами. Работа есть.

Вчера получил три твоих письма, а первое — 5 июня, в день рождения. Это было очень хорошо. Пришли письма от Веры и папы. 5 июня мне стукнуло 31 год. В этот день я купался в реке Северный Донец, одел чистое белье, летнее красноармейское обмундирование. Ну, в общем немного праздновал. Хотел тебе ответить, но обстановка не позволила. Иногда буду писать только открытки или короткие письма. Поверь, бывает такое время, что и спать-то приходится мало. Я уже не говорю, что спать вообще приходится под грохот артиллерии и шум моторов. Твои письма радуют меня. Становится легче работать. Твои письма воодушевляют меня.

Наши бойцы ведут себя как патриоты своей любимой Родины, как настоящие хозяева страны, ответственные за ее судьбу. Очень часто они просят: «Товарищ комиссар, расскажите последние новости».

Сегодня беседовал с товарищами, которые вырвались из временно оккупированных немецкими войсками районов. Они рассказали, что население там голодает. Лживой брехне фашистов не верит. Народ ждет прихода Красной Армии.

Кончится война. Я приеду домой, и будем жить свободной счастливой жизнью. Девочки наши будут расти на радость нам.

12 августа

Настало тяжелое время для нашей любимой Родины. Враг рвется в глубь Родины и угрожает советскому югу. Он несет большие потери и бросает все новые и новые части. У всех у нас одно желание — выполнить призыв Родины, не отступать ни шагу назад.

Пишу я своей любимой семье. Можно письмо начать с личных вопросов. О положении на фронтах вам известно из газет. Но в такие дни нельзя не написать о самом священном, самом дорогом — о нашей Родине.

Здесь на берегах Дона, у ворот Кавказа, в степях правого берега Волги решается судьба советского юга. Здесь сейчас главный фронт Великой Отечественной войны советского народа против немецких оккупантов.

Был в частях с докладом о текущем моменте. Сделал шесть докладов, слушали сотни бойцов и командиров. Сегодня или завтра вновь еду в командировку…

Стоят жаркие августовские дни, а ночью уже холодно. Как загорели Надя и Люся? Наверное, черные стали. Надя уже

понимает, что она старшая, а Люся бойкая и спуску не дает. Иногда ссорятся. Пусть растут в дружбе, любят друг друга, поют, играют, радуются и веселятся.

Пиши, Тоня, как живете? Как дела на работе? Что нового в Челябинске? Что слышно о челябинцах-фронтовиках? Что нового в обкоме? Как с уборкой урожая? Как работают заводы?

23 сентября

Горячий привет с фронта Великой Отечественной войны. Геройски дерутся наши бойцы, командиры и политработники. Улицы города завалены трупами фашистов.

Мы отдаем все свои силы, чтобы отстоять Сталинград. Работаю с бойцами, командирами, политработниками. Выступаю с докладами и беседами. Спасибо за информацию о работе области. Цифры и факты твоего письма использую в работе…

18 декабря

Наступление наших войск продолжается. Немецкая группировка войск под Сталинградом окружена. Фашисты чувствуют себя плохо.

На трехмоторных транспортных самолетах окруженной группировке немцы подбрасывают боеприпасы и продовольствие. А наши соколы и зенитчики сшибают эти самолеты. Но враг еще силен. Он ранен, подрублен. А недорубленный лес вырастает, раненый зверь опасен. Задача — убить этого бешеного зверя.

Я был в тех местах, где временно были немцы. Я не могу описать тебе ту картину варварства, которую оставили после себя «строители нового порядка в Европе». Одно желание у всех нас — смерть оккупантам!

Я все время в дороге, точнее, все время в частях и подразделениях. Иногда встречаю челябинцев. Бывают дни, когда чувствую себя по состоянию здоровья неважно. А вообще ничего. Свой долг перед Родиной выполню.

Получил дополнительное зимнее обмундирование: теплые брюки, валенки, теплые рукавички, теплую (меховую) курточку. Заботится о нас, бойцах и командирах, наша мать — любимая Родина. Все одеты тепло. Работа тыла, ваша забота чувствуются во всем.

1943 год

5 февраля

Начался новый год. Год многообещающий. Нас — фронтовиков — радуют сообщения из тыла. Я несколько раз выступал перед бойцами и командирами о славном русском мужике Ферапонте Головатом. С большим вниманием слушают бойцы о патриотическом движении колхозников. Знаю, что колонна танков «Челябинский колхозник» тоже будет. А как идут работы в области по строительству танковой колонны?

Вчера состоялся общегородской митинг в Сталинграде. На нем присутствовали бойцы, командиры, рабочие, служащие. Среди развалин на центральной площади собралось много народу. Радости не было предела. Все торжествовало. Все ликовало. Было сказано много теплых слов в адрес нашего советского солдата…

Когда шли бои, я был все время в Сталинграде. Многое, многое видел. Видел сотни фашистов, плененных нашими частями. Видел, что сделали эти бешеные собаки с красавцем Сталинградом. Город разрушен, но существует. Этот величественный город будет восстановлен…

7 марта

Через несколько часов уезжаю. Вчера еще раз ездил в центр города. Еще и еще раз посмотрел разрушенный Сталинград. Нашей ненависти нет предела. Смерть немецким оккупантам!

Город ожил. Народу стало больше. Приступают к восстановлению волжской твердыни. Грозные дни, когда отходила наша часть, дни активной обороны, дни героического наступления и уничтожения немецких войск в районе Сталинграда, праздник нашей победы — все это, моя дорогая Тоня, я пережил. Много работал непосредственно на передовой линии фронта в непосредственной близости к противнику.

В день славной 25-й годовщины Красной Армии вручили мне правительственную награду — медаль «За боевые заслуги». С гордостью ношу ее. 25-ю годовщину Красной Армии я отпраздновал по-настоящему. Получил поздравление от Марии из Шадринска и письмо от папы. На душе у меня была весна.

26 марта

Горячий привет из Волоконовки. Нахожусь в районном центре

Курской области. Месяц тому назад здесь господствовали немцы. Много горя и слез принял наш народ. Немцы зверски относились к жителям. Все отбирали. Налагали всякие налоги. Школы были закрыты. Ребят и девочек школьного возраста немцы заставляли трудиться на тяжелых работах, избивали их. В 8 часов вечера на улицах никого не было, кроме солдат. Когда в православной церкви поп начал молиться за здравие Гитлера и за победу немецкой армии, люди ушли из церкви и больше не ходили туда.

Очень боялись немцы партизан. Те действовали превосходно, нагнали так много страху, что немцы поодиночке и днем не появлялись на улицах.

Местные жители здорово сейчас смеются, вспоминая, как драпали немцы. Наступление наших войск для врага было неожиданностью. Мы сумели обмануть его, и он стремился только унести свои ноги, а все остальное бросал. Партизаны и здесь сделали свое дело.

Радостно живет и здравствует сейчас свободная советская Волоконовка.

13 сентября

Передаю свой горячий привет из нашего большого города — Харькова. Город ожил. Народ радуется и благодарит воинов Красной Армии, освобождавших их.

Много разрушенных зданий, взорванных мостов. Много расстрелянных, замученных и угнанных в немецкое рабство наших братьев. Было много слез и горя. Но настал час освобождения. Немцы изгнаны. Этих бешеных зверей преследуют наши воины.

Пройдет время, и Харьков будет восстановлен. Он вновь будет красивым, большим советским городом.

1944 год

29 сентября

Мы находимся далеко-далеко, а «Правду» и другие московские газеты я читаю на третий-четвертый день после выпуска. Ты, видимо, читала в газетах и слушала по радио, что части Красной Армии миновали Трансильванские Альпы. Дела идут хорошо. Победа близка. Приближается наша долгожданная встреча…

5 ноября

Все движемся вперед и вперед, на запад. Красная Армия подходит к столице Венгрии — Будапешту.

За месяц много воды утекло. Румыния и Трансильвания позади. Новые места, другой народ. Румынские слова уже начинаю забывать. Надо осваивать венгерские. Большинство населения живет бедно. Небольшая кучка помещиков высасывает последние силы из народа. Трудовой народ и передовая интеллигенция Венгрии к нам относятся дружелюбно. Иначе относятся профашистские элементы. Конечно, большинство из этой поганой компании удрало с немцами. Ничего, мы их догоним.

Несколько фактов из моей боевой жизни. В октябре, в одном городе, для венгров выступал с политическим кратким докладом. Моя речь тут же переводилась на венгерский язык. Слушали внимательно. Аплодировали.

Часто, очень часто приходится беседовать (при помощи переводчика) с отдельными группами населения: крестьяне, женщины, дети, интеллигенты, служители культа.

Среди солдат, сержантов и офицеров выступаю с докладом «27-я годовщина Октября». Вот тебе мой краткий отчет…

Пишу тебе, а наша артиллерия начала свой грохот, извещая о начале мощного наступления наших войск. Солдаты и офицеры с приподнятым настроением быстро идут вперед, позади остались десятки городов и сотни населенных пунктов. Скоро будем пить воду из голубого Дуная. Самый трудный путь из Сталинграда до Будапешта пройден. Предстоят последние завершающие бои. Уверен, что в 1945 году будем вместе…

1945 год

23 января

Много километров я проехал по берегам Дуная. Это, действительно, тихий, голубой Дунай. Прекрасные места. Но наша матушка Волга лучше, милее, роднее.

О делах на фронтах ты знаешь. Начало решительного наступления на жизненные центры Германии. Но повоевать еще придется.

15 мая

Моя дорогая и любимая Тоня!

Тебя, маму и дочурок поздравляю с великой Победой. Мысленно и от вас принимаю такое поздравление. Ну вот и кончилась война. Такого дня мы ждали почти четыре года. Я понимаю вашу радость. Наверное, Надя и Люся по-детски ликовали, а мама всплакнула?

9 мая вечером, находясь в пути, я слушал сообщение Москвы по радио. Это было торжество из торжеств. Наша радость была неописуема. Друг друга поздравляли, обнимались и целовались. Не верилось, что кончилась война. Наступила торжественная тишина. Уже не слышно было больше артиллерийской стрельбы. Самолеты не летали, хотя немцы в Чехии не хотели нам сдаваться и отходили. Мы совершали марш.

По дорогам движутся тысячи автомашин и десятки повозок. Почти на всех машинах красные флаги, лошади украшены лентами. Чехи нас встречают очень и очень хорошо.

Торжеству и ликованию нет предела. Однако мы еще полностью не осмыслили всего великого значения такого события, как победоносное окончание войны. Не скрою, что сейчас появилась большая потребность быть дома, с вами, мои дорогие. Это и понятно.

Хороши майские вечера в Чехии. Вот такой вечер и сегодня. Кругом зелено, тепло. Я был на речке, купался. На лугу встретил маленьких девочек. Они играли. Вспомнил Надю и Люсю…

Время, когда мы будем жить вместе, недалеко. Тогда и жизнь наша будет хороша и прекрасна… Обнимаю и крепко целую.

Твой Леня.

Из документов военной поры, 1942 год

Здесь проходила линия фронта

«Успехи Красной Армии могут быть закреплены и умножены, если армию хорошо снабжать всем необходимым, и в особенности, вооружением и боеприпасами. Многое зависит от Урала…» (Патоличев Н. С. «Испытание на зрелость». М., Политиздат, 1977, с. 165).

К началу 1942 года в Челябинской области насчитывалось около 200 эвакуированных предприятий и учреждений. Уже в марте 150 предприятий было восстановлено. К концу года все эвакуированные предприятия вступили в строй и давали продукцию нередко в размерах значительно больших, чем до эвакуации. Для ряда заводов, в том числе крупных, были построены скоростным методом здания.

В газете «Правда» 21 апреля в статье «Промышленность Южного Урала — надежная опора фронта» Н. С. Патоличев писал: «…В нашу область, находящуюся в глубоком тылу, эвакуировано из прифронтовых районов много десятков различных предприятий, успешно работающих для нужд фронта. Многие крупнейшие предприятия были восстановлены на новом месте в течение двух-трех месяцев, включая постройку зданий новых цехов.

Героическими усилиями трудящихся Челябинской области и коллективов эвакуированных заводов почти все прибывшие предприятия уже восстановлены и выпускают необходимую для фронта продукцию».

Эшелоны с оборудованием Горловского завода горного машиностроения прибыли в Копейск в конце ноября. Разместили оборудование на базе рудоремонтного завода, здания железнодорожного депо и в помещении базы Копейскторга. Однако половина оборудования не вошла. Надо было строить новые цеха. День и ночь кипела работа. Строители рыли котлованы под фундамент цехов и станков, возводили стены зданий. Тут же рядом под открытым небом шла работа на уже установленном оборудовании. В конце декабря — начале января завод давал продукцию.

На станцию Миасс первые эшелоны стали прибывать зимой. Всего — 2080 вагонов с оборудованием цехов Московского

автозавода. И немногим более полутора тысяч рабочих — 27 процентов потребного количества.

Станки, детали, части машин разгружались в основном вручную и на листах котельного железа доставлялись на строительную площадку за семь километров от станции, где круглые сутки шла напряженная работа. Строители рыли котлованы под фундаменты цехов и станков, возводили стены зданий. И на открытых площадках шла работа на уже установленном оборудовании. Электроэнергии не хватало, люди работали при свете костров. Так в первую военную зиму в тяжелом труде и муках рождался ныне известный всей стране Уральский автозавод.

В августе началось строительство трубного завода, а в октябре он давал уже продукцию.

«Перед отъездом на Урал мне сказали в Центральном Комитете, — вспоминал Н. С. Патоличев, — что строительство Чебаркульского завода по своей срочности и важности не сравнимо ни с чем. Это строительство находилось под строжайшим контролем ЦК и правительства.

…Может быть слова: кубометр земли, квадратный метр производственной площади, кубический метр бетона, тонна веса металлоконструкций — звучат не так, как терминология, применяемая в бою, на войне. Но зная, в каких условиях строился Чебаркульский завод, какого напряжения он требовал от людей, я беру на себя смелость сказать, что здесь было как на передовой. Здесь проходила линия фронта — так считали труженики этого боевого участка советского тыла». («Испытание на зрелость», с. 173).

Завод был воздвигнут за невиданно короткие сроки — за три месяца. В середине марта он вступил в строй и выдал первую продукцию. Но еще месяцем раньше застучали молоты в цехах, хотя крыш у цехов еще не было.

Вместе с южноуральцами создавали металлическую опору фронта рабочие Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, многих других республик, областей и городов страны. В то грозное лихолетье труд южноуральцев был подобен ратным подвигам воинов на поле боя. Все, что требовалось от них для защиты Родины, делали и делали с истинным уральским мастерством.

В апреле завод сельскохозяйственного машиностроения имени Д. Колющенко выпустил продукции в 8 раз больше, чем в любой из предвоенных месяцев 1941 года. Модельщики Сычев, Назаров 45 часов работали без отдыха и только тогда покинули цех, когда заказ был готов. Фронтовые бригады, возглавляемые

Звягинцевым и Мартемьяновой, в три-четыре раза перекрывали производственное задание. Выполняя срочно задание, токарь-лекальщик комсомолец Ильяшенко по двое-трое суток не уходил из цеха.

Бетонщик треста «Магнитострой» Рахимов, встав на стахановскую вахту «Все для фронта!», выполнял сменные задания на 983 и 1087 процентов. На стахановскую вахту встал его учитель, знатный бетонщик — коммунист Галиуллин и выдал за смену 18 норм. Их рекорды положили начало широкому движению тысячников.

Инициатор движения тысячников Владимир Тарасов установил новый рекорд. Используя ранее изготовленное приспособление и максимально уплотнив свой рабочий день, за 10 часов выполнил норму на 1760 процентов.

Токари Уфалейского вагоноремонтного пункта Опалев и Сиунов неоднократно давали по 10 и более норм в смену.

Комсомолка Зинаида Далилова, стахановка цеха нормалей Кировского завода, усовершенствовав на своем станке приспособление, выдала за смену 3250 деталей вместо 250 и выполнила задание на 1340 процентов.

Всесоюзное совещание по организации труда работников черной металлургии, проходившее в Свердловске, одобрило опыт работы знатных златоустовских сталеваров-коммунистов В. М. Амосова и И. С. Стругова, выпускающих каждый, месяц по 10—12 скоростных плавок.

Магнитогорцы и танкоградцы объявили «фронтовую декаду помощи защитникам Сталинграда». Только металлурги отправили предприятиям сотни тонн сверхплановой стали.

Коллективу Кировского завода дано задание — начать массовое производство среднего танка Т-34. За 33 дня организовано производство нового танка. Из месяца в месяц выпуск его возрастал. В декабре увеличился в 10—12 раз по сравнению с августом. В итоге самоотверженной работы коллектива выпуск танков увеличен по сравнению с 1941 годом в 3,5 раза, моторов — в два с лишним раза, топливной аппаратуры — в 3,5 раза.

Огромный вклад в развитие танкового производства внесли ученые. По предложению члена-корреспондента Академии наук СССР В. П. Вологдина на Кировском заводе была внедрена высокочастотная закалка деталей. От ее применения танкостроители получили 25 миллионов рублей годовой экономии. Под руководством академика Н. Г. Гудцова началось изготовление траков гусениц и коленчатых валов моторов из менее дефицитных марок стали. Под руководством академика

Е. О. Патона внедрена автоматическая сварка. Она позволила ускорить производство корпусов танков.

Мастер ММК А. Шаталин, старший горновой А. Полухин, старший газосварщик И. Лычак произвели выпуск первого чугуна на домне № 5. Вступила в строй крупнейшая в Советском Союзе и Европе печь объемом 1340 кубометров, построенная сверхскоростным методом.

Газета «Правда» писала: «Огни новой домны на Урале — это вестники нашего успешного наступления в тылу. Огни уральской домны усиливают огонь артиллерийских батарей Сталинградского и Центрального фронтов».

Пленум обкома партии, обсуждая итоги весеннего сева и задачи областной парторганизации в подготовке к проведению уборки урожая, отмечал:

«…В связи с войной из области выбыло квалифицированных кадров трактористов 28 152, механиков и бригадиров 3324, кузнецов, слесарей, токарей 4000, специалистов сельского хозяйства — 820, председателей колхозов — 2400 человек.

…В сложных условиях военной обстановки, с наименьшим количеством тракторов, лошадей, с меньшими людскими силами область сумела увеличить посевную площадь озимых и яровых культур на 210 800 гектаров».

По неполным данным в области 4376 женщин-трактористок, организована 81 женская тракторная бригада. Девушки взяли обязательство — по-фронтовому работать, ежедневно перевыполнять норму, закончить сев в минимально короткие сроки и с высоким качеством.

Газета «Челябинский рабочий» писала:

«Живейший отклик в области нашла инициатива челябинских комсомольцев — построить танковую колонну имени Челябинского комсомола. Из Златоуста, Чебаркуля, Миасса, из Варны, села Октябрьское поступают сообщения — сбор средств проходит с большим подъемом. Многие тысячи патриотов отчисляют однодневный заработок, трудодни, вносят наличными деньги на танки. Многие тысячи трудящихся участвуют в воскресниках… Чувство глубокой ответственности за исход борьбы с фашистской грабармией, желание каждого лично помочь фронту особенно проявились именно в дни воскресников. Люди трудились вдохновенно. Давали в смену по две-три нормы. Зарабатывали десятки тысяч рублей и переводили их в банк на счет колонны.

По области уже собрано 9 миллионов 708 тысяч рублей, полтора миллиона из них дали челябинцы. В Златоусте собрано свыше 700 тысяч. Много тысяч рублей дали Чебаркульский,

Аргаяшский, Юргамышский, Каргапольский и другие районы и города».

В мае состоялись торжественные проводы на фронт 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола. 29 машин этой бригады сделаны на средства, собранные комсомольцами и молодежью области, и изготовлены сверх установленного плана коллективом Кировского завода.

Трудящиеся Магнитогорска внесли на постройку авиаэскадрильи «Магнитогорский металлург» 750 тысяч рублей. Один из авиационных заводов страны на эти средства построил шесть самолетов, которые были отправлены на фронт.

По инициативе колхозников Еткульского, Шадринского и других районов в области начался сбор средств на строительство танковой колонны «Челябинские колхозники». На 1 января 1943 года на текущий счет Госбанка внесено 90 миллионов рублей. Кировский завод на эти средства изготовил 150 тяжелых танков.

От всего сердца вносили колхозники свой щедрый вклад. В артели имени Ленина Чебаркульского района 45 человек в течение 15—20 минут подписались на 16 500 рублей. В Еманжелинской сельхозартели имени С. Буденного колхозники собрали 17 тысяч. Жены фронтовиков Запорожец и Жмага заявили: «Наши мужья на фронте сражаются с немецкими захватчиками. Мы вносим по 500 рублей на постройку танков. Пускай гусеницы наших танков давят гитлеровскую погань».

«Я, как подлинный патриот своей любимой Родины, от всего сердца передаю свои личные сбережения в сумме 50 тысяч рублей на постройку танковой колонны. Пусть танк, на строительство которого пойдут и мои сбережения, будет грозой для немецко-фашистских захватчиков». (Из письма председателя колхоза «Труженик» Кизильского района Н. И. Колупайченко).

«На строительство боевых машин — танков колхозники и колхозницы внесли 300 тысяч рублей. И старые и малые приняли участие в этом всенародном патриотическом движении. Наш колхоз выполнил государственный план хлебозаготовок к 7 ноября и сверх плана дал 100 центнеров хлеба в фонд обороны Родины.

95 наших колхозников защищают Родину на фронте. Мы держим с ними крепкую связь и соревнуемся. Это боевое соревнование помогает нам в работе. К Новому году мы послали нашим дорогим фронтовикам 105 посылок». (Из письма председателя колхоза «Марксист» Аргаяшского района Л. С. Солдаткина).

Работницы Саткинского завода «Магнезит» выступили с призывом: «Пошлем подарки матерям и детям советских сел и

городов, освобожденных от немецких оккупантов». Почин был широко подхвачен всеми трудовыми коллективами области. Из Челябинска отправили эшелон — 48 вагонов с подарками для женщин и детей подмосковных районов, освобожденных от немецких оккупантов.

Письмо с фронта трудящимся города Златоуста

«Наш полк родился в грозные дни Отечественной войны, прошел школу боевой выучки в ваших родных уральских горах. Мы овладевали сложным и грозным оружием — тяжелой пушкой-гаубицей, слитой из вашей доброкачественной стали. Готовясь к боям, мы чувствовали вашу заботу. Один из ваших коллективов уже взял шефство над нами, он вручил нам Красное знамя, которое явилось символом нашей борьбы. И мы гордо несем его в боях за Родину.

…Все мы как один готовы отдать жизнь за нашу победу. Мы продолжаем вести упорный бой с врагом до окончательного его разгрома. Мы назвали себя Златоустовским полком и этим горды, зная, что златоустовцы — это кузнецы нашей победы, мы ждем от вас больше снарядов, больше металла для нашей общей победы. Так знайте, дорогие товарищи, что на фронте бьется с врагом Златоустовский пушечный артиллерийский полк и чести этой мы не опозорим…»

Н. И. Горшенев
МАГНИТКА — ФРОНТУ

Николай Иванович Горшенев с 1938 года работал на Магнитогорском металлургическом комбинате. В конце 1942-го (был он тогда заместителем секретаря парткома комбината) призван в ряды Советской Армии. Служил в стрелковом полку заместителем командира пулеметного батальона, инструктором политотдела 44-й запасной, затем агитатором политотдела 279-й Лисичанской стрелковой дивизии. После демобилизации в 1946 году вернулся на ММК. Вскоре был отозван на работу в аппарат Челябинского обкома КПСС. Имеет награды: два ордена «Знак Почета», медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другие. Н. И. Горшенев — кандидат исторических наук. Ныне он — персональный пенсионер республиканского значения.

Магнитогорский металлургический комбинат — флагман черной металлургии — вступил в войну, будучи одним из передовых предприятий страны. К этому времени на комбинате сложился крепкий, технически зрелый производственный коллектив. Руководящим ядром его выступала боевая партийная организация. Я пришел на комбинат в 1938 году. Работал в техническом отделе ММК, был директором Дома техники, на общественных началах редактировал газету «Магнитогорский металл». Накануне войны был избран первым заместителем секретаря парткома ММК. До сих пор горжусь тем, что прошел «магнитогорские университеты», что в этом трудовом коллективе приобрел качества организаторской и воспитательной работы.

Еще задолго до начала войны чувствовалось, что она надвигается. Обострялась международная обстановка, возрастала угроза войны. XVIII Всесоюзная партийная конференция потребовала от нас, коммунистов, мобилизовать усилия коллективов на укрепление обороны страны. Мы понимали, что в сложной международной обстановке от комбината требовалось день ото дня увеличивать выпуск металла, быть в состоянии мобилизационной готовности, повышать организованность, укреплять дисциплину. Чтобы добиться этого, надо было рационально расставить партийные силы — создать и наладить работу партийных групп в сменах, бригадах, на участках.

И накануне войны в партийной организации комбината сложился определенный опыт работы партийных групп. Его одобрило бюро обкома партии, а 20—21 июня в обкоме партии проходило областное совещание по итогам выполнения постановлений XVIII партийной конференции по улучшению экономической работы на промышленных предприятиях области. В числе других выступал и я. Мой доклад — «Об опыте работы партийных групп на комбинате».

Совещание прошло успешно. На вокзале в Челябинске, ожидая посадки на поезд, услышали тревожное сообщение — началась война. В первые минуты охватила страшная тревога, захотелось скорее в родной производственный коллектив. В Магнитогорске, сойдя с поезда, прямо направились в цеха завода. Там бурно шли митинги, собрания. Равнодушных не было. Всеобщее возмущение вызывало вероломство гитлеровской Германии.

Заявляя о своей готовности с оружием в руках встать на защиту своей Отчизны, металлурги понимали, что война от них прежде всего потребует увеличить производство металла. Они давали большевистское слово выпускать столько чугуна, стали, проката, сколько надо будет, чтобы полностью уничтожить ненавистного врага.

В первый же день войны директора комбината Г. И. Носова вызвала по телефону Москва. Было дано указание — перейти на производство качественного и высококачественного металла. До войны выплавка качественных марок стали составляла на комбинате 12 процентов, а остальной металл шел как рядовой. Для того, чтобы выполнить новый необычайно сложный заказ, требовалось коренным образом перестроить производство.

Раздумывать не было времени. Собрали партийный актив комбината. Начались поиски, эксперименты. Работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Дирекция и мы — члены парткома не покидали комбинат ни на один час.

Сразу нахлынула масса новых и все сложных дел. Началась мобилизация. В партком шли коммунисты с просьбой послать на фронт, приступили к формированию отрядов народного ополчения, при завкоме создали курсы медсестер. С первых дней войны надо было взять на учет, окружить заботой семьи военнослужащих. А главное, постоянно держать в поле зрения то, как осваивается новое дело — производство снарядной стали. Здесь были успехи, неудачи, трудности — все, что сопутствует любому малоизученному и незнакомому делу. Но упорство и настойчивость победили.

Не менее сложной и трудной была проблема выплавки и

прокатки броневого листа. Броня требовалась для изготовления танков, самолетов, кораблей и другой техники.

Стало известно, что принято решение перебазировать в Магнитогорск толстолистовой броневой стан с Мариупольского завода. Выбрали место, начали готовиться к его приемке и монтажу на новом месте. Но сразу было ясно, что справиться с этой задачей в сжатые сроки не удастся. Требовалось найти другое решение. Один из кадровых магнитогорцев, инженер, заместитель главного механика Николай Андреевич Рыженко в разгар спора на совещании у директора вдруг заявил:

— Я уверен, что мы можем гораздо скорее в больших количествах получать броневой лист… Будем броневой лист катать на блюминге.

Это предложение было неожиданным. В металлургии такого не встречалось. И вот назначили день прокатки. На переходном мостике блюминга собрались руководители завода. Ждали с нетерпением. Но еще не окончилась прокатка первого листа — блюминг встал, случилась авария мотора. Все уходили с тяжелым чувством. Через некоторое время испытания повторились. Броневой лист был получен.

Так ровно через месяц после начала войны комбинат дал первую плавку броневой стали. Металл пошел большим потоком на производство различных видов вооружения. Танкостроители получили магнитогорскую броню на полтора месяца раньше срока, установленного правительством.

А мариупольский стан продолжали готовить к пуску. Он тоже стал давать броню. На Магнитку прибывали и другие эвакуированные заводы из Запорожья, Днепропетровска, Подмосковья. Нужно было в сжатые сроки все оборудование разместить, включить в производство, принять и устроить прибывшие эвакуированные семьи. Возле вокзала был создан склад эвакуированного оборудования, выделен штат для учета и распределения. При парткоме работала группа коммунистов, которая занималась устройством прибывших людей. Не хватало жилья, топлива, теплой одежды. Помню, я пригласил в партком группу кадровых рабочих и специалистов, прибывших из Мариуполя. Рассказал им о наших заводских делах, они — о том, с какими трудностями добрались до города. В спокойной и деловой обстановке обсудили все сложности, связанные с монтажом оборудования их стана. В конце беседы я не удержался и спросил:

— Почему вы приехали только в ватных куртках, без теплой одежды?

И неожиданно мне ответили:

— Нам говорили, что едем на Урал на два-три месяца, а потом вернемся.

Об этом я доложил директору комбината Г. И. Носову. Приняли решение: из фондов комбината выдать эвакуированным теплые вещи. И это оказалось кстати. Зима 1941—1942 года была очень суровой.

С самых первых дней войны Магнитогорский металлургический комбинат не только решал сложные задачи выпуска металла. Он стал одним из крупнейших арсеналов по снабжению армии боеприпасами и вооружением. В основном механическом цехе, ранее выполнявшем заказы для ремонтных работ, теперь около двух третей станков было переключено на изготовление снарядов. В фасонно-сталелитейном цехе стали отливать башни для танков, в кузнечном — ковали детали для мин, в электроремонтном — изготовляли ручные гранаты, в бытовках мартеновских цехов разместились станки новотокарного цеха, на небольшой площадке рядом с котельно-ремонтным работал тарный цех.

Война ставила перед коллективом комбината все новые и новые задачи. Решать их надо было решительно и смело. Так, по мере наращивания производства броневого, снарядного и другого специального металла увеличивалась потребность в ферросплавах. А их на заводе становилось все меньше и меньше. Чиатурские рудники были отрезаны фронтом.

Главный геолог комбината Воронкин внес предложение об увеличении добычи марганцевой руды в близлежащих к Магнитке районах Башкирии. Директор комбината предложил мне вместе с Воронкиным выехать на рудник, изучить реальные возможности. Поехали мы на запряженной в дрожки лошадке. То, что увидели, произвело тяжелое впечатление: добыча руды почти не производилась, хранилась она бесхозяйственно. Дорога к руднику была неблагоустроенной. Но руду надо было добывать и доставлять на комбинат.

И с этой задачей справились. Марганцевую руду доставляли на комбинат, а из нее в доменных печах выплавляли марганец. Это был трудовой подвиг магнитогорцев.

Суровое военное время требовало постоянно экономить и беречь все, что шло на производство, искать всюду возможности для того, чтобы увеличить выпуск металла.

Помню такой случай. Партком получил сигнал, что нерационально используется прокатка листа броневого металла. Стали изучать этот вопрос. Установили, что прокатанные листы броневого металла отправлялись в железнодорожных вагонах к потребителям. Там из них делали вырезки определенного

формата, а отходы возвращались на Магнитку. При этом часть металла терялась, непроизводительно использовались железнодорожные вагоны.

По предложению магнитогорцев потребители прислали шаблоны, и листы стали обрабатывать на комбинате. Все обрезки тут же направлялись в мартеновские цехи на переплавку. Выгода была очевидная. Страна дополнительно получила сотни тонн нужного металла.

На комбинате уже в первый год войны появился большой дефицит коксового газа. Это отражалось на работе мартенов, прокатчиков. Требовалось срочно провести ремонт коксовых батарей, не останавливая их. И это было сделано.

Существующее оборудование в ряде цехов работало на износ, запасы деталей иссякли. Перестали поступать изложницы и другое оборудование для мартеновских цехов. Следовало искать пути обеспечения основных нужд комбината собственными силами, за счет внутренних резервов.

Горячее желание сделать все для фронта поднимало людей на героизм, на решение, казалось бы, неразрешимых задач. Коллектив литейного, фасонно-сталелитейного цехов, состоявший в большинстве своем из жен и детей ушедших на фронт воинов, освоил выпуск не только сложного оборудования, но и организовал производство чугунных и стальных изложниц, мульд, прокатных валков и многих других важных деталей, агрегатов.

Нелегкой была проблема с рабочими кадрами. Только за второе полугодие 1941 года с комбината выбыло около 8 тысяч человек, из них почти 5 тысяч ушло на фронт. С 33 эвакуированными предприятиями к 1 января 1942 года прибыло рабочих разных профессий около 2 тысяч человек, но большинство из них не имело специальной подготовки для работы на крупном металлургическом предприятии. Не хватало слесарей, токарей, подручных, грузчиков и других рабочих. Была ускорена подготовка молодежи в ремесленных училищах. Женщины-домохозяйки осваивали мужские профессии сталеваров, помощников машинистов паровозов, машинистов коксовых машин, турбин, вырубщиков металла.

Но, несмотря на все трудности, комбинат работал успешно. Страна получала от него нужный металл для фронта. И это объяснялось тем, что на комбинате работал слаженный, дружный коллектив, имеющий большой опыт работы. Основу его составляли кадровые рабочие и специалисты; цеха, участки, смены возглавляли преданные делу руководители. Магнитка всегда гордилась своими замечательными кадрами, новаторами

производства, и в годы суровых испытаний они, преданные магнитогорцы, прославляли свой комбинат. Вспоминая те годы, мне особенно хотелось бы рассказать о Григории Ивановиче Носове, возглавлявшем комбинат в годы Великой Отечественной войны.

Прибыл он на комбинат из Кузнецка. Сначала работал главным инженером, потом директором. Он внес большой вклад в развитие металлургического комбината, в совершенствование технологии производства.

С именем Носова связано строительство многих цехов, важных агрегатов на комбинате, в том числе таких, как фасонно-сталелитейный цех, штрипсовый, новотокарный, бронелистовой, ряда прокатных станов, домен, мартеновских и коксовых печей. С именем Носова связано совершенствование, новаторство в доменном, мартеновском, прокатном производстве; вся перестройка работы комбината на военный лад и налаживание военного производства на выпуск мирной продукции после войны. Под руководством Носова выросли, сплотились, дружно работали замечательные кадры.

Бывший первый секретарь Челябинского обкома КПСС Н. С. Патоличев писал:

«Чем больше я узнавал Г. И. Носова, тем глубже проникался к нему уважением. Это был человек выдающихся качеств. Строгость характера в нем хорошо сочеталась с душевностью и простотой русского человека. У Носова не получишь поддержки, уважения, дружбы, если ты этого не заслуживаешь. Металлургия Урала в годы войны неотделима от имени Носова. Вышедший из гущи народной, впитавший самые лучшие качества русского народа-труженика, Григорий Иванович пронес их через всю свою жизнь. За годы войны, проведенные мною на Урале, я хорошо узнал Носова. Мы стали друзьями — совместная и чрезмерная ответственность за работу Магнитки сблизила нас. Мы беспредельно верили друг другу и помогали. Это лучший вариант отношений при столь высокой важности задач и столь высокой ответственности перед страной, да еще в такое время, как война».

Завидную трудовую школу на комбинате прошел Константин Иванович Бурцев. Был он начальником цеха, производственного отдела, заместителем и с 1943 года главным инженером. За решение важных задач, за коренное усовершенствование технологии производства сложных профилей проката получил звание лауреата Государственной премии СССР. Большими энтузиастами, новаторами показали себя руководители А. К. Соловков, А. С. Баландин, А. К. Березин, П. Д. Ефанов, В. Ф. Ксенофонтов и другие. Люди исключительной скромности,

простоты и высочайшей ответственности.

Магнитка в дни войны была уникальной строительной площадкой. Труженики треста «Магнитострой», комбината непрерывно вводили в строй все новые и новые объекты. Смонтирован новый прокатный стан из числа эвакуированного оборудования из Запорожья, появились агломерационные ленты, мартеновские печи, паровоздушная, кислородная станции. Замечательное достижение магнитогорцев — введение в строй действующих пятой, а вскоре и шестой доменных печей.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин в приветственной телеграмме магнитогорцам, в связи с пуском пятой печи, писал: «Своей успешной работой Вы на деле доказали прочность советского тыла и его способность не только обеспечивать нужды славной Красной Армии всеми видами вооружения и боеприпасами, но и в исключительно короткий срок создать новые производственные мощности. В этом залог нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками».

Всю огромную, напряженную, героическую работу металлургов уверенно возглавлял его боевой отряд — партийная организация комбината. На комбинат прибыло более 800 коммунистов с эвакуированными заводами и цехами. На 1 января 1942 года в составе партийной организации насчитывалось 1064 члена и 388 кандидатов в члены партии. Коммунисты выступали инициаторами патриотических починов, возглавляли самые трудные и ответственные участки, показывая всегда пример творческого героического труда.

Секретарем парткома в первые дни войны был А. В. Лесков, инженер-металлург, чуткий, внимательный, исключительной работоспособности человек. Я занимался вопросами организационно-партийной работы. У меня сохранились записи тех лет. Вот только несколько вопросов, что рассматривал партком в первые месяцы войны: «О ходе организации стахановских вахт «Все для фронта», «О выполнении мартеновскими цехами заказов по спецметаллу», «О борьбе с браком металла по неметаллическим включениям», «О работе партгрупп в мартеновском цехе № 2», «О выполнении заказов по снарядному металлу», «О ходе подготовки кадров» и другие.

С первого дня войны партком, руководство комбината, завком много внимания уделяли развертыванию социалистического соревнования, повышению его действенности. В ходе его ярко проявились творческая активность, энтузиазм трудящихся. Соревнование (индивидуальное, бригадное, сменное, цеховое) шло под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Магнитогорцы нередко выступали инициаторами отраслевого,

областного, Всесоюзного социалистического соревнования металлургов. Воины с фронта присылали вызовы на соревнование сталеварам, прокатчикам, письма печатались в заводской газете. Они зачитывались на сменных, бригадных собраниях. Вот, например, ответ сталеваров мартеновской печи № 14:

«Товарищи бойцы, уничтожайте фашистских варваров, добивайте недобитую гадину, очистите нашу священную землю от фашистской нечисти. Мы же, работники тыла, будем и дальше работать не покладая рук и обязуемся снабжать вас высококачественным металлом. А если потребуется, то и мы всем коллективом возьмем оружие в руки и пойдем защищать нашу Родину».

Соревнование стало большим патриотическим движением. Широкому развертыванию его помогала наглядная агитация. В лозунгах, плакатах, сравнительных диаграммах популяризировались принятые обязательства. Имелся красиво оформленный стенд «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой».

Заводская газета «Магнитогорский металл» постоянно освещала ход соревнования, выпускала специальные листовки. Такие подборки, как «Трудовая доблесть — сестра геройства», «Фронт и тыл», «Чтоб армия наша врагов разметала — больше давай, сталевар, металла!», «Родине — все наши силы, все наши знания, весь наш труд», «Что ты сделал для фронта?», оказывали большое воспитательное воздействие.

Впоследствии, уже после окончания Великой Отечественной войны, когда вышел тысячный номер заводской газеты, директор комбината Г. И. Носов в приказе отметил, что все годы, со дня выхода первого номера и особенно за время войны, «газета была неизменным помощником металлургов в их борьбе за высокие темпы производства, за оказание всемерной помощи фронту».

Директор объявил всем рабочим корреспондентам, работникам редакции благодарность: «Премировать по 1000 рублей и отрезами на костюм редакторов газеты: Горшенева Н. И., Кондратковскую Н. Г., Клемина Е. И.». Было выделено на премирование рабкоровского актива, работников типографии 10 тысяч рублей и 25 талонов на шерстяные отрезы.

…Фронт получал металл Магнитки в возрастающих из года в год размерах. Магнитогорцы вправе гордиться, что дали броневого металла на десятки тысяч танков, что почти каждый третий снаряд, выпущенный по врагу, был сделан из их стали. Все это — результат самоотверженного героического труда, творческих усилий всего коллектива.

Магнитогорский металлургический комбинат — и накануне,

и в дни войны, и в послевоенный период — всегда был образцом, символом доблести, трудолюбия, беззаветной преданности делу партии, советского народа.

Из суровых испытаний военных лет комбинат вышел окрепшим, со значительно выросшими производственными мощностями, с накаленными в горниле войны кадрами. Сегодня трудно найти в стране металлургический завод, где бы не работали люди, прошедшие университеты Магнитки.

А. М. Нигматуллина
БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

Юлия Друнина

Александра Максимовна Нигматуллина родилась и выросла в Сталинграде. Здесь ее и застала война. Вместе с подругами рыла окопы, противотанковые рвы. На фронте погиб ее муж, под фашистской бомбежкой — отец, мать и двухлетний сынишка. Шура уходит на фронт. Ее боевой путь — от Сталинграда до Берлина вместе с частями 62-й армии генерала В. И. Чуйкова (позднее переименованной в 8-ю гвардейскую). Была Шура санинструктором в роте автоматчиков 79-й стрелковой дивизии. Шесть раз ранена и шесть раз возвращалась в строй, не дожидаясь полного выздоровления. Об этом рассказал очерк «Шестой побег» в сборнике «Победа во имя мира» (Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1980).

Награждена А. М. Нигматуллина орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу» (двумя), «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

Александра Максимовна — директор челябинского кинотеатра «Искра». Ведет она и большую общественную работу — возглавляет городской клуб ветеранов «Боевые подруги».

Сорок лет прошло со дня победы. Дважды по столько, сколько было нам в дни войны. Как мы все ждали его, этот день! Ждали на фронте, в тылу. В штурмовых батальонах и заводских цехах. В колхозах, что, надрываясь, давали стране хлеб, и в госпиталях, где в беспамятстве командиры продолжали поднимать бойцов в атаку…

Сорок лет. Вдвое больше, чем было тем, о ком я хочу рассказать.

За линией фронта

Только после разгрома фашистов под Сталинградом улыбнулась удача старому солдату Егору Коренному. С первых дней войны ничего не знал он о судьбе дочери Марийки. Сын Семен воевал где-то рядом, жена с младшим, Гришуткой, осталась под немцем. Это знал. А о Марийке — ничего. Потом он не раз рассказывал дочери, как у сотен, а может, у тысяч людей при каждом удобном случае спрашивал:

— Коренную, Марию, дочка это моя, не встречали где?

В ответ пожимали плечами, качали головой:

— Коренную? Нет, батя, не припомню такой.

И вдруг… Девушка-санинструктор, спустившись с подножки вагона, присмотрелась строго:

— Коренную? А спрашиваете почему?

— Так ведь отец я ей. Два года без весточки.

— А документы у вас есть? — почему-то еще больше посерьезнела санинструктор.

Не подай Егор документы, отвернись, — может, и в этот раз ничего не узнал бы. Да уж больно строго та спрашивала — достал документы. Может, почувствовало надежду отцовское сердце, кто знает?

Просмотрев внимательно красноармейскую книжку, девушка сказала вдруг тихо:

— Встречала я вашу Марию. Учились вместе в школе радистов. Где теперь она — не знаю. Должно, за линией фронта.

Больше Егор ничего не спросил. Да и что спрашивать. Понимал: и этого, наверное, не имела девушка права ему говорить…

Вспоминая на наших встречах в клубе «Боевые подруги» этот случай, Мария Егоровна Коренная (теперь, по мужу, Панова) сама не перестает удивляться. В школе ее настоящую фамилию знали очень немногие. Знала Галина Васецкая. С ней-то и повстречался Егор Коренной. Случай. Но такие на войне бывали.

Мария, по довоенной профессии фельдшер-акушер, с августа 1941 года служила в эвакоприемнике. Затем школа, чужая биография-легенда, морзянка, тренировочные прыжки с парашютом. И первый прыжок — за линию фронта весной сорок третьего. В те края, где выросла, где сейчас были фашисты.

Забрасывали их в тыл врага вдвоем с молодым парнем Сашей. Возможно, это его имя тоже было легендой. Саша приземлился неудачно, очень ушиб ноги. Мария закопала парашюты, спрятала рацию, блоки питания, оружие и

отправилась на розыски своей тетки, что жила в этих местах. По легенде, Мария последнее время работала в Запорожье, а теперь вот пробирается до тетки в деревню, где не так голодно. В лицо ее в этих краях знали. Но этого она не боялась: документы были надежные. В том числе подлинная биржевая книжка на ее фамилию. Единственный раз она летела за линию фронта под своей фамилией. Вот только имена не сходились. Книга была выдана фашистами ее снохе Александре (она жила на территории, которую наши войска уже освободили). Я видела эту биржевую книжку. Она и сейчас хранится у Марии Егоровны. Готический шрифт, немецкие слова. Документ советской разведчицы…

Встречи с земляками она не боялась. Увидав знакомого старика, поздоровалась. Тот взглянул удивленно:

— Где ж ты жила, так давно не писала? А тут матка твоя с братом была вчера…

Вот этого Мария никак не ожидала. Мама должна быть за многие километры отсюда, а она здесь. Перед матерью не притворишься. А если схватят, что будет с ними?

— Та где ж они? — стараясь изобразить на лице радость, затормошила она старика.

— Хата на горе сгорела, видишь? Там и живут. Семей пять разместилось.

…Мать, как и предполагала Мария, не поверила ее рассказам о жизни в оккупации. Чуткий слух у материнского сердца. Пришлось рассказать все. Узнав, зачем появилась в тылу у фашистов дочь, взялась помогать во всем. Подсказала, как безопасней перенести и лучше укрыть в близком тайнике радиостанцию. Успокоила настороженное любопытство соседей. Все, казалось бы, продумали, но вот воспользоваться связью, передать добытые сведения Марии в этот раз так и не удалось…

В условленном месте от Саши писем не было. Это тревожило, ведь оставила его с ушибленными ногами, и хоть тот крепился, Мария видела, как ему трудно. У Саши были документы гитлеровского полицая. А вдруг?

Испуганная, в хату вбежала мать:

— Ой, Маруся! Там хлопец, избитый весь. Немцы шукают, может, знает его кто? Не твой ли это?

Приметы сходились: он. Фашисты схватили Сашу. По инструкции, после провала старшего группы на связь радистка выходить не имела права, должна затаиться. Маршрута на переход линии фронта у нее не было. Оставалось ждать. Каково это: ждать и быть не в силах чем-то помочь продвижению наших войск…

После освобождения этих мест Красной Армией для Марии опять началась учеба. А 6 ноября, через три дня после того, как отпраздновали девчата ее день рождения, вторая выброска. На этот раз в район Нового Буга.

Шли на задание с Аней Калачевой. При перелете линии фронта огонь зениток, прожекторы несколько раз сбивали самолет с курса. Первой прыгать должна Мария — как положено радисту группы. Анна чуть замешкалась. На земле долго искали друг друга и груз…

Переночевать попросились к пожилой женщине. А потом упросили ее оставить в доме и на всю зиму.

В Новом Буге была крупная железнодорожная станция, за городом — полевой аэродром врага. Сведения, передаваемые отважными разведчицами нашему командованию, были очень ценными.

Дом Лукьяновны разведчицы выбрали не случайно. Из него было более безопасно выходить на связь с Центром: почти напротив расположен штаб дивизии немцев, а сзади — штаб полевой жандармерии. И тут и там, судя по густой сети антенн, постоянно действовало несколько радиостанций. Работа нашего передатчика поэтому какое-то время могла быть незамеченной. Хотя, конечно, был большой риск.

Улицы вокруг полны солдатами полевой жандармерии, полицаями, не раз в доме проводились обыски. Радиостанцию чудом удавалось спрятать. Во время сеанса связи во дворе дома всегда находилась Тала, племянница хозяйки.

— Если все спокойно, я что-нибудь напеваю. А увижу подозрительного человека — начинаю громко звать собаку. Девчата на чердаке сразу притаятся, — вспоминала позднее Наталья Пархоменко.

Как рада была она, как гордилась собой, когда на станцию или аэродром налетали наши самолеты. 28 февраля по наводке Марии Коренной было уничтожено 8 самолетов противника, 5 зенитных орудий, 10 автомашин, склады горючего и боеприпасов, много живой силы. Об этом подробно рассказывалось много лет спустя в районной газете, вырезку из которой не так давно прислали Марии Егоровне из Нового Буга красные следопыты.

Особенно частыми налеты стали весной. Готовилось наступление. А 8 марта 1944 года Новый Буг был освобожден конниками генерала И. А. Плиева. Весенняя распутица была такая сильная и дружная, что техника вязла в грязи, и только конница могла идти на прорыв.

Но до освобождения еще нужно было дожить, работать, ни на секунду не забывая об осторожности, принять связника, который

через линию фронта доставил новый передатчик.

После освобождения Нового Буга войсками 3-го Украинского фронта разведчиц срочно отправили в разведотдел для отчета, а оттуда в школу, где предстояло готовиться к выполнению новых заданий.

В эти дни и вручили Марии Коренной и Анне Калачевой высокие награды за работу в Новом Буге — ордена Красного Знамени.

Даже в расположении школы разведчицам не разрешалось носить военную форму. Тем более фотографироваться. Но уж очень хотелось девчатам сняться на память. С новенькими орденами. При выполнении задания они очень сдружились, а военная судьба, да еще судьба разведчиц — переменчива: долго ли еще придется пробыть вместе?

— После войны, встретившись с нашим бывшим командиром и наставником майором Г. П. Липатовым, всегда таким строгим, но и очень добрым, — вспоминает Мария Егоровна, — я показала ему эту карточку. Какие мы с Аней на ней молодые, какие счастливые. В офицерской форме, с орденами. Майор (ему ничего не надо было объяснять) взял ее в руки, долго разглядывал. Видимо, вспоминал нашу военную юность, нас, его воспитанниц, живых и тех, кто не вернулся с задания. Может, вспомнил и о том, как была я потрясена, узнав о гибели Саши. А он сказал коротко: «Саша не был предателем». И как потом, познакомившись с моей мамой, до конца войны писал ей письма. Успокаивал, что со мной все в порядке, а весточек нет потому, что много работаю. Наверное, он писал не только моей маме…

— Возвращая карточку, — продолжает Мария Егоровна, — Липатов прищурил в улыбке глаза и сказал: «Вот видишь, воробышек, как иногда полезно бывает нарушить инструкцию». «Воробышки» — это был наш позывной в Новом Буге. Действительно, воробышки: рация и комплект запасных блоков питания к ней весили больше, чем каждая из нас. Но, представляю, как бы всыпал нам майор, увидав эту фотографию тогда, в сорок четвертом…

Ждать следующего задания долго не пришлось. Красная Армия наступала, ей нужны были сведения о противнике.

25 дней Мария и Анна находились в лесу, контролируя движение отступающих гитлеровских войск по одной из главных магистралей из Кишинева в Румынию. Почти месяц без горячей пищи, без костра. Постоянная опасность быть обнаруженными. И работа, работа. Огонь нашей авиации приходилось вызывать буквально на себя. Особенно запомнился последний, самый сильный налет штурмовиков на шоссе. Девчата думали, что

сойдут с ума от близких разрывов, ржания лошадей на дороге, вида шарахающихся буквально в двух шагах от них румынских и немецких солдат…

А утром по изуродованному шоссе шли колонны наших войск. Разведчицы выбрались на обочину. Вымотанные, но счастливые безмерно, что наконец дождались своих. В гражданском платье, они вызывали подозрение. Лишь только когда один из бойцов, рассмотрев армейского образца сумки, где были уложены радиостанция и блоки питания, стал объяснять товарищам: «Это ж рация. Я сам с такой недавно бегал», — солдаты бросились к девчатам, окружили, стали наперебой спрашивать: откуда, куда теперь. А те только плакали, да и что могли ответить, кроме положенного: «Отправьте нас в разведотдел». И ни слова больше, хотя так хотелось рассказать своим все, поделиться, узнать о том, как идет наступление…

Закончить рассказ о фронтовой судьбе Марии мне хочется строчками из книги Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова: «Наш фронт славился своими разведчиками, действовавшими нередко в тылу врага. Среди них были женщины. Мне до сих пор помнятся некоторые из этих бесстрашных патриоток — Мария Фортус, Лина Абрамсон, Мария Коренная…» Скупые строчки, но подвиг ведь и не требует возвышенных слов.

Дороги фронтовые

После войны Мария Егоровна Панова с мужем Александром Павловичем приехали жить в Челябинск. Она вернулась к довоенной своей профессии медика и работала старшей хирургической сестрой. К боевой награде прибавилась другая — орден «Знак Почета» — за самый гуманный труд на земле — труд человека, исцеляющего боль других.

Вернулась к мирной профессии швеи и Полина Николаевна Порядина. Несколько лет назад коллектив Челябинской швейной фабрики, куда она пришла трудиться девчонкой еще до войны, поздравил ее с награждением орденом Октябрьской Революции.

…Военная судьба Полины — судьба фронтового водителя. А начиналась она, как и у многих наших сверстниц, с работы в тыловом госпитале. С первых дней войны Поля, было ей тогда всего шестнадцать, пошла в сандружину. После фабрики — уход за ранеными. В той самой школе № 41, где она совсем недавно училась, решала задачки, писала диктанты, спорила на диспутах, в классах на железных койках лежали раненые. «Легкие» и «тяжелые», старые и молодые. Работа была трудной. Но не поэтому девчата бегали в военкомат, а потом, получив очередной отказ, ревели где-нибудь обнявшись. Они рвались на фронт, чтобы самим бить фашистов, чтобы встать рядом вот с этими солдатами, которые, едва залечив раны, снова уходили в бой.

Лишь в 1943 году Полину, наконец, зачислили на курсы шоферов. Потом обучение военной науке. Затем, получив прямо с завода автомобиль ЗИС-5, — в действующую армию.

О фронтовых водителях обычно пишут и говорят немного. Они не ходили в разведку, не бились врукопашную, не штурмовали оборону противника. Но сколько боевого снаряжения, боеприпасов доставили они на передовую, сколько раненых вывезли из-под огня. Сколько погибло их под бомбардировками, на заминированных дорогах.

Водители-мужчины. А каково пришлось восемнадцатилетним девчатам? Это была работа, тяжелая фронтовая работа. На переднем крае машины всегда ждали с нетерпением. Любой груз был желанным: цинки с патронами, сухари, консервы. С разгрузкой никогда не было проблем: на это требовались буквально минуты. В обратную дорогу редко приходилось ехать порожняком: в кузов набивались раненые.

— Брать их иногда запрещалось, — вспоминает Полина Николаевна. — Ведь медсанбаты, госпитали располагались от переднего края дальше в глубину, чем склады боеприпасов.

Значит, если доставишь до места раненых — выйдет задержка с подвозом снарядов. Выкручивались как могли. И успевали везде.

Боевым крещением для Полины Порядиной стали бои за освобождение Белоруссии, переправа через Днепр в районе Орши.

После — бои за Шклов, за каждый переулок, дом, каждое окно. Дороги простреливались плотным огнем. Автороты теряли людей, машины. Но Полине везло. Только под Минском ее машина попала под разрыв авиабомбы. Тяжелая контузия. Радовалась, что в кузове не было раненых…

На запад, на запад! Наши части развивали наступление. Обозы, снабжение едва поспевали за ними.

— Военные дороги — никогда их не забуду, — рассказывает Полина Николаевна. — Пройдет танк по кустарнику, мелколесью, а то и по болотным кочкам — вот и дорога. До сих пор не понимаю, как ночью, без света умудрялись по ним ездить. Знаете, о чем я мечтала, думая о нашей победе? Мечтала поесть, наконец, досыта и хорошо отоспаться. Ели урывками, всухомятку, во время боев не спали совсем. А затишья между боями, когда начиналось большое наступление, почти не бывало. Нас часто перебрасывали на самые напряженные участки фронта.

Остервенелые фашисты, отступая, оставляли после себя пепелища. Наши войска освобождали населенные пункты, которые были только на картах. Хатынь, сотни, тысячи белорусских деревень, превращенных в пепелища. Болью и ненавистью наполнялись сердца советских солдат.

В Шклове Полину еще с несколькими девчатами определили на постой к дяде Степану, одному из подпольщиков в период оккупации. Степан (фамилию его Полина Николаевна, к сожалению, не помнит) работал на мельнице: этой мукой подпольщики снабжали партизан.

…А на освобожденной территории, в лесах были враги: оказавшиеся в окружении гитлеровцы, бывшие полицаи, бандеровцы. Они нападали на советских военнослужащих, обстреливали автомашины, минировали дороги.

— Леса прочесывали, но «кукушки», как мы называли немецких снайперов, умели прятаться, — вспоминает Полина Николаевна. — Приедешь в роту — и считаешь пробоины в бортах, в кабине «студебеккера»…

Полине Порядиной не довелось дойти до Берлина. Из освобожденной Польши их часть отправили в тыл. До конца войны она была занята на перевозке обезвреженных снарядов и мин. Этих фашистских «подарков» боялась, пожалуй, больше, чем бомбежки на днепровской переправе. Особенно после того, как при разминировании в Курске погибли ее боевые подруги

водители Нина Крутова и Нина Масленникова…

Сын полка

Многие не дожили до нашей победы. 9 мая 1945 года погиб в Восточной Пруссии самый близкий человек Полины Порядиной, ее старший брат Иван, лихой кавалерист-гвардеец. Она не видела его с 1939 года, с тех пор, как он ушел служить в армию на Дальний Восток. Может быть, так просилась она на фронт еще и потому, что где-то глубоко теплилась надежда встретить брата…

Погибла и старшая сестра Нины Андреевны Воробьевой Лиза, вслед за которой Нина и сама ушла на фронт. Похоронена Лиза в братской могиле у деревни Ново-Николаевка, что на Днепре. На граните там выбито 1128 фамилий. Столько советских солдат погибло при освобождении этой одной-единственной деревни. А сколько таких памятников по всей нашей земле…

Нина Воробьева (девичья ее фамилия Бедова) родом из Тулы. Когда к городу подошли танки Гудериана, вместе с подругами, вчерашними школьницами, рыла окопы, противотанковые рвы, потом стала помогать Лизе, которая к этому времени уже была санинструктором.

Толстовская застава, Орловское шоссе… Эти названия, эта земля священны для каждого русского человека. Фашисты стремились взять Тулу во что бы то ни стало. Она открывала путь на Москву, к которой рвались гитлеровские полчища.

Немцы глубоко обошли город с востока и запада. Эвакуировать раненых не было возможности. Госпитали переполнены. Не хватало бинтов, медикаментов, донорской крови. Нина сдавала кровь вместе со всеми. Да так и осталась с ранеными.

Тулу отстояли. Подошли сибиряки. Полк, куда Нину зачислили санинструктором, уходил к Калуге. Так начался ее боевой путь вместе со 154-й стрелковой дивизией, позднее переименованной в 47-ю Нижнеднепровскую Краснознаменную ордена Богдана Хмельницкого гвардейскую стрелковую дивизию. Начался долгий путь до Берлина — семь тысяч километров с боями.

Деревня Большие Козлы, что под Калугой. Беспрерывные бомбежки. За десять дней из трехсот домов осталось только два. Прямые попадания бомб уничтожили три операционные.

Потом Калуга. Город горел. Во дворе дома, где располагалось гестапо, — обезглавленные трупы. Детский дом, дети, похожие на маленьких старичков…

— Дети пухли с голода, — вспоминает Нина Андреевна. — Прошло уже столько лет, но не могу говорить об этом без слез. В

детдоме было 150 детей. Фашисты, изверги, выдавали им на день полтора килограмма крупы. На всех. Помню митинг там, у детского дома. Помню, как говорил на нем комиссар нашего батальона, потом наш политрук. Они оба погибли вскоре… Мы отдали детям свой пайковый сахар, выданный заранее. И поклялись в этот день, что дойдем до Берлина!

Потом тяжелые бои за Козельск. За десять дней через медсанбат дивизии прошло пять тысяч раненых.

Она вспоминает такой эпизод. Ее направили на помощь раненым. Они находились в сарае, далеко от медсанбата. Сорок человек. А она одна. Потом раненых прибавилось еще и еще. К концу дня их насчитывалось уже 156 человек.

Несколько раз Нина отправлялась в медсанбат за бинтами и сухарями. Над дорогой постоянно висела «рама» — немецкий самолет-разведчик. Не раз следовал артналет. Но хуже всего было с водой. Нине то и дело приходилось пробираться через кустарник к реке, по которой плыли почерневшие трупы…

Под Сталинградом Нина была тяжело контужена, на долгое время потеряла слух и речь. После выздоровления вернулась в строй.

Из девчат-тулячек, которые в Калуге поклялись друг другу обязательно дойти до Берлина, выполнить эту клятву довелось не всем. Тяжело контузило подругу Инну. Тяжело заболела Галя Санаева, похоронили в братской могиле Валю Батову. Фельдшер Мария Васильева была убита под самым Берлином.

Нина Андреевна хорошо помнит тот день. Бои шли на Зееловских высотах. Девушки выносили из-под огня раненых. Сдав их в медсанбат, они вновь отправились на передовую. На мостике через небольшую речушку стоял указатель с надписью: «Берлин — 61 км».

— Вот куда дошли мы, девчата, скоро домой, — проговорила Маша и тут же, без крика, упала. Пуля попала ей в лицо. Подруги бросились к ней, но девушка была убита наповал. В мертвых открытых глазах ее отражалось голубое апрельское небо. Небо весны нашей Победы.

Полк, в котором служила санинструктором Нина Бедова, брал центр Берлина. Ему было присвоено наименование Берлинский. На стене рейхстага девчата оставили надпись: «Мы из Тулы». Эти три коротких слова означали, что клятву свою они сдержали. И те, кто дожил до Победы, и те, кто своей смертью — пусть хоть на миг — приблизил ее.

В те суровые годы войны Нина Андреевна и ее муж Михаил Данилович Воробьев усыновили шестилетнего Сережу. Вот что пишет в своей книге «Шестилетний гвардеец» однополчанин

Нины Андреевны и Михаила Даниловича В. С. Денисенков:

«Только что стихло сражение. Мы потеснили противника: выбили его из небольшого населенного пункта и холмистого лесного массива. Здесь-то, в истерзанном бомбами и снарядами лесу, и нашли насмерть перепуганного, больного и голодного мальчишку. С трудом удерживаясь на тоненьких, покрытых струпьями ножках, он смотрел на нас большими и, казалось, немигающими глазами.

Впечатление эта встреча произвела гнетущее. Даже видавшие виды, закаленные в жарких боях воины отворачивались, чтобы смахнуть слезу. Все подавленно молчали.

Первым заговорил заместитель командира стрелкового полка майор Михаил Данилович Воробьев.

— Ну, здравствуй, герой! — гладя широкой ладонью по волосам ребенка, пробасил он. — Как же тебя зовут?

— Сережей, — тихо промолвил мальчик.

— Сергеем, значит. Вот и хорошо. А фамилию-то, поди, не помнишь?

— Алешков я. Так тетя Настя меня называла.

— Это какая же тетя Настя? — заинтересовался Воробьев.

— Из партизанского отряда, — ответил Сережа.

— Да ты, оказывается, еще и партизанил? Молодец! — заулыбался Михаил Данилович, поднимая мальчика на руки».

Отец Сережи умер еще до войны. Два брата были на фронте. А маму и еще одного брата Петю, партизана, замучили фашисты. Нельзя без боли слушать рассказы Нины Андреевны о маленьком Сереже. О том, как он выздоравливал, как тянулись к нему бойцы, согревая в заботе о нем свои ожесточенные войной сердца.

Сережа в перерывах между боями приносил солдатам письма. А однажды помог обезвредить фашистских разведчиков. Заметив, что двое каких-то людей спрятались в скирде соломы, он сообщил об этом бойцам. У тех двоих оказалась рация. В наш тыл они пробрались, чтобы корректировать огонь немецкой артиллерии. Сережа был награжден медалью «За боевые заслуги».

С нашими войсками Сережа дошел до Польши. Здесь, на берегах Вислы, познакомился с командармом Василием Ивановичем Чуйковым. Он посоветовал юному гвардейцу отправиться учиться в суворовское училище.

В Тулу, где предстояло учиться, Сережа уезжал вместе с мамой, Ниной Андреевной: она ждала ребенка.

У Нины Андреевны родился Слава. Сережу к этому времени зачислили в училище. Правда, не сразу. Мальчик был очень слаб. Ранение и контузия сказывались на его здоровье. И все-таки его приняли — после того, как с просьбой об этом обратился

В. И. Чуйков.

Пробыв дома несколько месяцев, Нина Андреевна вновь отправилась на фронт. Маленького сынишку оставила со своей мамой.

— Не могла поступить иначе. Обязана была дойти до Берлина, увидеть столицу фашистского рейха поверженной, — говорит Нина Андреевна. — Я нужна была раненым бойцам, и в новые бои шла за Славика, за Сережу, за сирот в том калужском детском доме…

В это время бои шли уже на дальних подступах к Берлину. С мужем Нина виделась теперь редко: его назначили заместителем командира дивизии, а Нина вернулась в свой полк, в котором воевала еще при обороне Тулы.

Нина Андреевна и Михаил Данилович живут в Челябинске. Они воспитали пятерых детей.

* * *

Я рассказала о фронтовой судьбе трех участниц нашего клуба ветеранов «Боевые подруги». Для меня они — самые близкие друзья. Мы не встречались на фронте, хотя воевали примерно в одних и тех же местах.

В нашем клубе около 800 женщин — участниц Великой Отечественной войны. О фронтовой судьбе каждой из них можно написать целую повесть. Потому что, где бы ни воевали они, какую бы боевую работу на фронте или в тылу ни выполняли, всей несгибаемой силой своей души, любовью к жизни и ненавистью к врагам приближали победу. Это о них, о тысячах и тысячах боевых подруг, сказано в постановлении Центрального Комитета партии «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»: «Беспримерную стойкость и трудовой героизм проявили советские женщины».

Есть в постановлении и такие строки: «Непреходящее значение имеют уроки Великой Отечественной войны. Главный из них состоит в том, что против войны надо бороться, пока она не началась». Как это верно!

Чтобы война никогда не повторилась, нужно помнить о ней всегда. Помнить, чего она стоила нашему народу, всему человечеству. Помнить и работать для того, чтобы на земле всегда был мир.

Н. Г. Токунов
В ЗАБОЙ, КАК В БОЙ

В 1941 году, после окончания Копейской школы ФЗО, Николай Григорьевич Токунов начал работать в шахте «Красная горнячка» навалоотбойщиком. Фронтовая комсомольско-молодежная бригада, возглавляемая им, добивалась рекордных показателей по добыче угля. Неоднократно занимала первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании.

После войны Н. Г. Токунов был комсоргом ЦК ВЛКСМ на шахте, секретарем райкома комсомола, райкома партии, заведующим промышленно-транспортным отделом горкома КПСС, председателем комитета народного контроля Копейска. Награжден орденом «Знак Почета», многими медалями.

Нас, мальчишек, недоучившихся ремесленников из Донбасса, везли на неведомый Урал. Паровоз, уступая дорогу эшелонам, идущим на фронт, медленно тащил и тащил за сотни, за тысячи километров от родных мест. Наконец-то прибыли в Челябинск, а оттуда — в Копейск. Всех нас определили в школу фабрично-заводского обучения, которая тогда коротко называлась ФЗО, и ускоренными темпами стали доучивать шахтерскому труду.

— Знаю, о подвигах на фронте мечтаете, — сказал нам старый седой мастер. — Но ваш фронт — угольная лава в шахте, а оружие — отбойный молоток. Вы люди почетной и трудной профессии. И запомните: не дадите угля, нечем будет топить топки паровозов, чтобы везти составы на фронт, не будет электричества, чтобы плавить сталь для танковой брони, перестанут работать станки, изготовляющие снаряды.

От этих слов и силенок становилось как будто больше, и уверенности, что начинаем большое, важное и очень нужное для победы дело. Об этом напоминали многочисленные лозунги, плакаты. Тексты врезались в память, живут в ней:

— В войне участвуют и штык красноармейца, и отбойный молоток шахтера!

— Каждая лопата угля — это тоже пуля по врагу!

— Уголь — это пушки и пулеметы, танки и самолеты.

— Много угля нарубишь — скорее фашистов погубишь.

— Лодырь в забое, что трус в бою, — оба позорят Отчизну свою.

Уже в первые недели войны, когда встала проблема увеличения добычи топлива на Урале и в Сибири, копейчане сообщали в Москву, что дадут угля столько, сколько потребуется стране для победы.

Под лозунгом «Все силы — на разгром врага» повсеместно проводились митинги молодежи. Резолюции были короткими:

«Молодежь Краснознаменного Копейска, верная революционным традициям своих отцов, клянется еще самоотверженнее работать, повышать революционную бдительность и по первому зову партии встать под боевые знамена Красной Армии».

Мы понимали, что на каждом из нас лежит ответственность за сказанное в этих документах. Нас, 25 подростков, направили на одну из старейших в городе шахт «Красная горнячка». С первого же дня норма была установлена немалая — нарубить за смену 110 тонн угля. Такая же, как и для взрослых опытных шахтеров. И мы работали по 14—15 часов, до тех пор, пока не выдавали свои 110 тонн.

К концу смены буквально валились от усталости, нередко не могли подняться на-гора и засыпали прямо там, в шахте, приткнувшись где-нибудь в теплом закутке. И так изо дня в день, порой месяцами без выходных.

Как могли, нам помогали опытные шахтеры. Героически трудились наши старшие товарищи. Каждый день на нашей ли, на другой шахте добивались рекордной выработки.

Коммунисту Нургаяну Шарипову — ветерану первых пятилеток — в начале войны было 60 лет. Однако он вернулся на шахту и заявил: «Буду работать, пока не кончится война». И он трудился отлично, подавая пример молодым. Его бригада навалоотбойщиков неоднократно выходила победителем в соревновании бригад треста «Челябуголь». Н. Шарипов за время войны нарубил около пяти тысяч тонн угля и обучил горняцкому делу 125 человек. Патриот сдержал свое слово: работал до самого Дня Победы.

На решающих участках борьбы за уголь, на самых трудных из них и ответственных стояли коммунисты. Три четверти от всего состава партийной организации города трудились на подземных работах, проявляя инициативу и настойчивость, возглавляя соревнование.

Начальник участка шахты № 7—8 коммунист М. К. Мартюшов свою основную деятельность руководителя часто совмещал с работой на отбойном молотке, выполняя до трех норм. Нередко в короткие часы, отнятые у сна и отдыха, брались за отбойные молотки коммунисты-десятники П. И. Ковин, Д. А. Поляков,

А. Т. Шевцов.

Бригадир навалоотбойщиков Фазыл Нухов, работая с бригадой в выходной день, выполнил пять норм, а весь его коллектив справился с заданием на 161 процент. Проходчик коммунист С. Н. Назаров предложил новый метод проходки выработки, в результате чего вдвое превысил установленную норму. Имена навалоотбойщика А. Я. Пашнина, проходчиков А. Ф. Пашнина и С. Н. Назарова гремели в те годы на угольных предприятиях бассейна. Позднее все трое были удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

Начальник участка шахты № 201 коммунист Л. И. Плеханов по-новому организовал труд шахтеров. Бригада, которая была призвана заниматься только подготовительными работами, стала значительно быстрее выполнять свое дело и становилась тоже на добычу угля. Этому примеру последовала бригада коммуниста В. А. Луценко. Соревнование двух коллективов позволило перевыполнить план и дать дополнительно более четырех тысяч тонн угля.

Нельзя не вспомнить и такой пример. По решению партийного бюро шахты № 7—8 одного из лучших забойщиков коммуниста Д. А. Полякова направили в другую лаву, где были сложные горно-геологические условия. Перед ним поставили задачу: доказать, что и в этой трудной лаве можно не только выполнять, но и перевыполнять норму. И Поляков доказал: в первую же смену выполнил шесть норм. Это был неслыханный для всего угольного бассейна рекорд.

Но, пожалуй, самое яркое воспоминание о тех днях оставило начинание коммуниста П. А. Томилова. Машинист врубовой машины Петр Андреевич Томилов впервые в стране применил двукратную зарубку лавы и этим не только намного повысил производительность труда навалоотбойщиков, но и сэкономил количество взрывчатки, применяемой для отбойки угля. В дальнейшем инженеры-конструкторы в содружестве с шахтером-новатором сконструировали новый тип врубовой машины с двумя барами.

Сам новатор позднее вспоминал:

«Как-то пришел в лаву на смену. Молодые ребята забойщики чуть не плачут: зарубную щель зажало, они не могут взять уголь. Всю смену не давали мне покоя усталые, измученные мальчишеские лица.

Навалоотбойщикам действительно было трудно. Переход шахты на отработку более глубоких горизонтов усилил давление кровли, осложнил дело. Необходимо было принимать какие-то меры. И как-то вдруг ко мне в ту смену пришло неожиданное

решение. На первый взгляд оно казалось до наивности простым, и я боялся поверить этому. Не поверил и начальник участка Иван Захарович Русских, когда я ему рассказал.

Однако решили попробовать. Подрубил врубовкой лаву раз, вывел бар, спустил врубовую машину в нижнюю часть лавы и снова стал рубить угольный пласт на несколько сантиметров выше первой зарубной щели. Эффект получился разительный. В первую же смену навалоотбойщики дали почти в полтора раза больше угля, чем обычно. А когда замкнули цикл, оказалось, что сэкономили еще и 50 килограммов взрывчатки.

Весть о двойном врубе быстро облетела все шахты. На необычную подрубку приходили посмотреть рабочие, инженерно-технические работники».

О шахтере-новаторе писали в те дни многие журналы, газеты, в том числе и армейские, издавались его брошюры и печатались статьи. Грудь Петра Андреевича украсили Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, многочисленные медали. П. А. Томилов был делегатом XXI съезда КПСС. Так народ, партия и правительство оценили труд простого шахтера, который дал Родине за свою многолетнюю работу полтора миллиона тонн угля.

Вот какие люди были для нас примером в те суровые военные годы. Их самоотверженный труд звал к подражанию, трудовым подвигам.

Среди военных лет память особо отмечает 1943 год. «Угля!», «Давайте больше угля!» — требовали электростанции, заводы, железные дороги. Несмотря на то, что в 1942 году добыча угля в Челябинском угольном бассейне значительно увеличилась, проблема топлива обострилась, так как увеличилось число предприятий, наращивались их мощности, рос грузопоток на железнодорожном транспорте.

Сегодня в воспоминаниях бывшего первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева «Испытание на зрелость» читаем:

…«С упорством проводились работы по наращиванию мощностей в угольной промышленности. За 1942 год добыча угля в Челябинской области удвоилась. Развернули работу пять угольных трестов (комбината «Челябинскуголь»). Увеличение добычи угля достигалось как в результате строительства новых шахт, так и благодаря более полному использованию существующих мощностей. В связи с тем, что проблема топлива для заводов, электростанций, железнодорожного транспорта резко обострилась, Государственный Комитет Обороны признал важнейшей задачей для Челябинской партийной организации

расширение добычи угля. Она оставалась для нас насущной в течение всей войны. Партийные организации городов и районов вели постоянную работу среди шахтеров. Тогда и родился шахтерский девиз: «В забой, как в бой».

И далее Н. С. Патоличев пишет:

«21 апреля 1943 года мы получили телеграмму Сталина. Из нее видно, насколько остро стояли вопросы обеспечения бесперебойной работы предприятий черной металлургии.

В телеграмме говорилось: «Обязать «Челябснабуголь» (т. Кучерова) при всех условиях, при любых регулированных графиках, независимо от общего уровня погрузки по бассейну, обеспечить отгрузку ежесуточно заводам черной металлургии 3333 тонны челябинских углей. Отгрузку производить впереди всех потребителей.

Для выполнения плана суточной нормы отгрузки ежесуточно бронировать необходимое количество порожних вагонов. Ввиду тяжелого положения по снабжению военной промышленности металлом и необходимости в связи с этим бесперебойной работы черной металлургии, предупредить т. Кучерова, что невыполнение суточного плана отгрузки углей черной металлургии будет рассматриваться Государственным Комитетом Обороны как государственное преступление, а виновные в срыве будут привлекаться к судебной ответственности…»

О том, что так остро ставился вопрос, мы, как писал я уже об этом, не знали, хотя понимали, чтобы приблизить победу, надо давать как можно больше угля, работать как можно лучше.

На всех шахтах были созданы партийные и партийно-комсомольские группы. С конца 1942 года широко развернулось движение за создание фронтовых бригад. Каждое такое производственное звено приравнивалось к боевому подразделению и действовало как на передовой. Почетного звания фронтовой бригады в 1943 году был удостоен и наш коллектив, где я был уже бригадиром.

Немалая заслуга в этом принадлежала секретарю партийной организации шахты «Красная горнячка» Петру Леопольдовичу Гольцу — сыну известного в Копейске большевика.

Петр Леопольдович пришел на шахту с фронта, после тяжелого ранения. Он имел высшую награду Родины — орден Ленина, полученный за мужество в боях с фашистами. В любое время суток Петра Леопольдовича можно было встретить на шахте. Казалось, что он никогда не уходил домой, никогда не отдыхал. Перед спуском в шахту подходил он и к нашей бригаде. И первым к секретарю был вопрос:

— Как там, на фронте?

Мы с жадностью ловили каждое его слово.

— Одно скажу, — заканчивал секретарь, — дела на фронте идут хорошо, ребята. Вчера вот Кантемировку отбили.

— Так это ж до нашей деревни рукой подать. Значит, скоро и оттуда вышибут?

— Вышибут, — поддерживал Петр Леопольдович. — Только армии надо помогать в этом, работать по-фронтовому.

— Ребята, — обращался тот, чья деревня была рядом с Кантемировкой, — давайте сегодня поддадим фашистам жару!

И поддавали. Уже не по 110, а по 200 и больше тонн угля в смену добывала бригада. Мои товарищи Иван Коротков, Демьян Недайборщ, Николай Кудрин, Алексей Кондрашин, Николай Рощин, Александр Буров, Анатолий Чумаевский, Михаил Скумин и другие работали самозабвенно.

Приближалось 25-летие Ленинского комсомола. Мы решили достойно встретить этот юбилей — развернуть боевое соревнование. Комсомольско-молодежные бригады принимали повышенные обязательства по сверхплановой добыче топлива, заключали между собой договоры на социалистическое соревнование. Коллектив нашей бригады решил передать часть навалоотбойщиков в другие бригады, а себе взять новичков и обучить их. Так мы сумели подготовить в общей сложности более 30 человек. Наше начинание подхватили.

Мы взяли новое обязательство — с меньшим числом работающих добывать больше угля. Высвободили двух человек, а потом еще двух, при этом не уменьшая добычу угля. И эта наша инициатива тоже нашла поддержку. Дело в том, что в Копейске вводились в строй новые шахты, а рабочих рук явно не хватало. По призыву ЦК ВКП(б) в город приехали колхозники из Узбекистана, Казахстана, Киргизии. Хлопкоробы и хлеборобы, виноградари — они не имели никакого представления о шахтерском труде. Всех их нужно было обучить. И молодежь взяла эту нелегкую задачу на себя.

Соревнование в честь 25-летия образования комсомола с каждым днем ширилось, нарастало, вызывало все новые и новые инициативы. Именно в этом 1943 году по всей стране прозвучал призыв копейчанки Кати Подорвановой: «Девушки, в забой!»

Катины подруги-комсомолки первыми поддержали ее почин. Инициативу девушек одобрила партийная организация, хозяйственные руководители шахты. Катя возглавила первую созданную в нашей стране комсомольско-молодежную бригаду девушек-забойщиков.

В первый раз в лаву бригаду провожали с музыкой. На шахтном дворе собрались горняки, представители

администрации, общественных организаций. Конечно, все понимали, что совсем это не женское дело — уголь рубить. А девчата, одетые в шахтерские спецовки, чувствуя всеобщее внимание, смущались. И вдруг запели: «Синенький, скромный платочек…»

Так с песней и спустились в шахту. И в первый же день бригада выполнила план. По всему Челябинскому угольному бассейну, а затем и далеко за его пределами гремела заслуженная слава о бригаде девушек-забойщиц. За три месяца они дали сверх плана полторы тысячи тонн угля, заняли первое место во Всесоюзном соревновании комсомольско-молодежных бригад и завоевали переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ, которое позднее было оставлено бригаде на вечное хранение.

Все знали Катю Подорванову и ее подруг. Их портреты публиковались в газетах и журналах. На центральной площади Копейска висел большой плакат: на коне девушка, очень похожая на Катю, с черными косами. И большими буквами: «Дочь богатыря».

О бригаде узнали на фронте. Девушкам шли письма, многие из которых печатали газеты. Вот одно из них.

«Артиллерийское подразделение узнало о трудовом героизме бригады Кати Подорвановой. В честь вашего самоотверженного труда, во славу Отчизны мы дали артиллерийский залп и разрушили вражеский дот с пулеметной установкой. Честь и слава вам, девушки!»

«От руки фашистов погибли мои отец, мать, сестра, — писал Кате командир орудия Иван Чуднов. — Нет теперь у меня больше дома, его разрушили немцы. Будьте мне сестрой, Катя. Мне так хочется иметь такую славную, трудолюбивую сестренку, как вы».

А вот еще строки из одного письма: «С именем Кати Подорвановой мы идем в бой».

В декабре 1943 года в Челябинске было проведено Всесоюзное совещание руководителей фронтовых бригад угольной промышленности. На нем были представители шахтерской молодежи Караганды, Кузбасса, Черемхова, Кизила, Подмосковья. Е. Подорвановой, А. Тимченко и мне было поручено на этом совещании поделиться опытом работы наших бригад. Особенно горячо встретили собравшиеся выступление Кати, которую, кстати сказать, на слете премировали золотыми именными часами. Во время перерыва делегаты вынесли Катю Подорванову из зала на руках.

У Подорвановой нашлось немало последователей. Одними из первых создали и возглавили женские бригады забойщиков Александра Солдатова, Надежда Лоза, Оксана Бывакина, Клавдия

Григорьева и Анна Рябкова, Клавдия Бондаренко и Анна Распопова. К 1945 году на шахтах Копейска насчитывалось 20 женских добычных комсомольско-молодежных бригад, объединивших 396 человек, из них 183 — комсомолки. За годы Отечественной войны женские бригады добыли 45 тысяч тонн сверхпланового угля.

На нашей шахте «Красная горнячка» женские бригады возглавили Фрося Курочкина и Ольга Махтиенко. Вот что писала о бригаде Махтиенко в те дни газета «Копейский рабочий»:

«Твердо помня свое обязательство — добиться первенства в соревновании комсомольско-молодежных угольных бригад области, бригада Ольги Махтиенко напрягала все свои силы и уверенно шла вперед. И первая крупная победа — получение переходящего Красного знамени Горняцкого райкома ВКП(б) — не вскружила девушкам голову, а окрылила их и дала им больше сил и уверенности в преодолении любых трудностей.

Это знамя было отобрано у мужской бригады Боброва.

Девушки ревностно стали драться за то, чтобы каждый день хоть на один процент сработать лучше бобровской бригады. Понимая стремление патриоток, горный мастер Кузнецов делал все возможное, чтобы сделать их труд еще более производительным. Он стал особенно тщательно готовить девушкам рабочее место.

Недавно девушки узнали, что им присуждены еще два знамени — обкома и горкома комсомола. Это значит, что молодые горнячки сдержали свое слово. 23 июня на торжественном вечере секретарь горкома ВЛКСМ т. Петренко вручил эти знамена победительницам. На вечер были персонально приглашены знатные бригадиры Бобров, Абдулин и Токунов. Все они — цвет и гордость шахты.

Получая знамена, Ольга Махтиенко твердо заявила:

— Эти знамена мы никому не отдадим.

Это была клятва горнячек. Но другие молодежные бригады шахты решили оспаривать первенство.

— Мы отберем эти знамена, — заявил бригадир Токунов.

Соревнование между угольными бригадами шахты «Красная горнячка» приняло напряженный характер».

Бригада Ольги Махтиенко крепко держала свое слово. В четвертом квартале 1944 года по итогам Всесоюзного социалистического соревнования она завоевала первенство, получив переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и Наркомугля.

Можно вспомнить немало и других имен. Анна Сафронова с шахты № 12—16, например, освоив профессию навалоотбойщика, обучила ей шестерых молодых рабочих-узбеков. Со страниц

«Копейского рабочего» она призывала:

«Обращаюсь к девушкам и женщинам Копейска: идите в шахты, в забой! Здесь, где решается судьба угледобычи, больше чем где-либо чувствуешь себя настоящим помощником воинов Красной Армии, настоящим бойцом трудового фронта!»

Замечательная труженица, умелый организатор, А. Сафронова стала горным мастером, руководила добычной сменой первого участка — лучшего в тресте «Челябуголь».

Ценную инициативу проявила групкомсорг Мария Худякова — бухгалтер шахты № 201. Она из числа служащих создала бригаду по добыче угля. Члены бригады, овладев профессией навалоотбойщика, только за два месяца 17 раз спускались в шахту, в свободное от своей основной работы время, и добыли в честь 25-летия Ленинского комсомола 1563 тонны угля. По примеру Марии Худяковой стали создаваться из служащих добычные бригады и на других шахтах, а в аппаратах трестов работники решили один день каждой недели трудиться на добыче угля в качестве навалоотбойщиков, мотористов, лесодоставщиков.

Так, соревнование в честь 25-летнего юбилея ВЛКСМ стало массовым примером трудовой активности, широким проявлением инициативы и творчества. Тысячи тонн сверхпланового угля! А победителем среди добычных фронтовых комсомольско-молодежных бригад вышел наш коллектив навалоотбойщиков. Мы завоевали переходящее Красное знамя обкома комсомола и комбината «Челябинскуголь», получив при этом первую премию.

Хорошо сработала в 1943 году и вся угольная промышленность города. На-гора было выдано на 216 тысяч тонн топлива больше, чем в 1942 году. Большая группа шахтеров за самоотверженный труд удостоилась орденов и медалей.

Немало способствовала трудовому подъему в те суровые годы переписка, соревнование с воинами-земляками. Письма с фронта поступали на шахты, в редакцию городской газеты. Читались они обычно перед спуском в шахту, и после этого просто было невозможно работать спустя рукава. Они давали боевой настрой, заряд бодрости, силу. Вот, например, что писали ушедшие по партийной мобилизации на фронт коммунисты Н. И. Ерофеев и М. Н. Маркин:

«Товарищи горняки! Ваши отцы и братья в период борьбы с белогвардейщиной завоевали городу звание Краснознаменного. Мы уверены, что вы, верные революционным традициям старшего поколения, сделаете много полезного в деле разгрома вражеских сил. Больше давайте угля! Каждая новая тонна угля — разрушительный удар по налетчикам. Самоотверженным трудом

вы ускорите нашу победу».

«Дорогие земляки! — обращались в другом послании с фронта. — Мы призываем вас давать еще больше угля для фронта, для разгрома врага, с каждым днем усиливать наступление на трудовом фронте. А за своих земляков будьте уверены. Мы с честью выполним свой долг перед Родиной. Наши руки не дрогнут, сердца не будут знать покоя, пока хоть один гитлеровец будет на нашей земле!»

С напряженным интересом следили шахтеры за соревнованием между минометным взводом лейтенанта Г. П. Кожарова и бригадой с шахты № 7—8, возглавляемой Е. И. Купричевым.

Григорий Кожаров до войны работал в бригаде Егора Купричева. И вот, будучи на фронте, узнал, что бригадир награжден орденом Трудового Красного Знамени. По его предложению бойцы написали письмо навалоотбойщикам, в котором рассказали о своих боевых делах и взяли обязательство воевать смело, каждому лично уничтожить не менее двух фашистов. Вызывая шахтеров на соревнование, минометчики высказали пожелание, чтобы в бригаде до конца войны не было ни одного нарушения трудовой дисциплины и все горняки выполняли норму.

Письмо было опубликовано в «Копейском рабочем» под заголовком «Товарищ Купричев! Вас вызывают на соревнование фронтовики».

Через несколько дней газета поместила ответ шахтеров фронтовикам: «Вызов принят!» «Дорогой товарищ Кожаров! — говорилось в письме. — С большим воодушевлением прочел я горнякам бригады твое письмо с фронта. Мы никогда не забываем, что каждая добытая тонна угля — это новые самолеты, танки, пушки.

Включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование угольщиков, мы принимаем твой фронтовой вызов и берем обязательство работать так, чтобы в сентябре добиться звания фронтовой бригады. Я беру обязательство выполнить месячный план на 150 процентов, а каждый член бригады — на 130. Мы обещаем не иметь ни одного случая нарушения трудовой дисциплины и постоянно обучать новых рабочих горняцкому делу.

Мы, труженики тыла, удесятерим свою помощь Красной Армии. Сделаем все, чтобы разгромить и до конца уничтожить бешеные банды фашистских оккупантов.

От имени бригады бригадир Е. И. Купричев».

Спустя месяц под заголовком «Соревнование фронтовиков и

угольщиков» газета снова поместила письмо минометчиков. Бойцы сообщали первые итоги соревнования: истреблено фашистов — 28, уничтожены миномет и ручной пулемет врага, разрушен дзот. Взвод потерь не имеет.

На фронт последовал ответ: «Слово сдержано. Наш рапорт фронтовику Кожарову». В письме горняки рассказывали, что бригада выполнила план на 105 процентов, Г. Гаязова, Д. Колесников, К. Третьяков и Ф. Фасхутдинов дали от 178 до 187 процентов.

Много месяцев продолжалась эта перекличка фронта и тыла, вдохновляя на славные трудовые дела сотни и сотни бойцов подземного фронта. С каждым месяцем вплоть до победного 1945 года угольщики наращивали добычу так нужного, так необходимого промышленности и железнодорожному транспорту топлива.

И, конечно, когда пришел долгожданный, светлый и радостный день Победы, каждый понимал, что в нем частичка и нашего труда, из которого сложились 16 миллионов тонн угля, добытого в шахтах Копейска за годы войны. В нем наши бессонные ночи, тяготы и лишения. Вместе со всем советским народом мы выстояли, перенесли, победили считавшуюся сильнейшей в мире фашистскую армию. Мы бросили к древнейшим стенам Кремля паучье-черные штандарты. И величие этого всенародного подвига на фронте и в тылу никогда не померкнет.

С. С. Зубарев
СНЕЖНАЯ КАВАЛЕРИЯ

Девятнадцатилетним ушел на фронт Степан Савельевич Зубарев, уроженец поселка Полетаево Сосновского района Челябинской области. До войны работал мастером кирпичного завода. Воевал в составе 44-го лыжного батальона 327-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии на Волховском фронте, затем на Северо-Западном, Воронежском и 1-м Украинском. В сентябре 1943 года был принят в члены партии. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени. Демобилизовался в 1945 году и приступил к мирному труду. В 1960 году окончил заочно лесной техникум, работал начальником участка защитных лесонасаждений. Живет в Полетаево. Будучи секретарем совета ветеранов уральских лыжных батальонов, проводит большую военно-патриотическую работу среди молодежи.

Из Челябинска ушло на фронт, в основном под Ленинград, более 15 лыжных батальонов и бригад. Какие задачи были поставлены перед воинами-лыжниками? В условиях бездорожья, в любое время дня и ночи, в любую погоду совершать рейды по тылам противника, уничтожать вражеские гарнизоны, взрывать склады, мосты, пускать под откос вражеские эшелоны с живой силой и техникой.

С инспекционной проверкой приезжал в Челябинск К. Е. Ворошилов. Он на лыжах принимал участие в тактических занятиях. А после выступил перед бойцами. Рассказал обстановку на фронтах, в заключение сказал: «Партия и правительство уверены в том, что вы оправдаете доверие и с честью выполните поставленные задачи».

Я выехал в составе 44-го лыжного батальона. Командиром был капитан Ф. В. Валовой, комиссаром — И. Т. Носов (ныне он живет в Магнитогорске). Наш эшелон утром 31 декабря 1941 года прибыл в Малую Вишеру.

Шли в лесу по прочищенной дороге, а по бокам ее везде предупреждающие знаки «Мины!» На окраине увидели трубы от русских печей — все, что осталось от деревни. Сердца сжались от боли и наполнились сыновней решимостью мстить заклятым врагам. К вечеру были в поселке Глутно. Занимались там тактической подготовкой, а через несколько дней ушли в леса. Жили в шалашах, снег до метра глубиной, морозы более 40

градусов. В шалашах разводили костры, и хотя одеты тепло, мороз проникал до самых костей.

Был я замполитрука второй роты, выпускал боевые листки, проводил беседы о положении на фронте. Когда нам зачитали обращение рабочих осажденного Ленинграда, все поклялись сделать все возможное, чтобы помочь многострадальному городу.

12 января 1942 года я провел очередную политинформацию, затем состоялось партийно-комсомольское собрание. И в 16 часов батальон тронулся в марш.

На рассвете вышли на исходный рубеж — восточный берег реки Волхова. Это не очень крутой склон, до 70 метров над уровнем воды. Ширина до 400 метров. Противоположный берег крутой. Там поселок, в котором укрепились фашисты.

Когда рассветало, первая и третья роты перешли в наступление. Враг обрушил на них всю мощь огня. Наши боевые друзья продолжали атаку за атакой почти до самого вечера. На бугре в поселке был дзот, который вел постоянно огонь по наступающим. Справа от него двухэтажная силосная башня, там немецкие автоматчики. Рядом огневая позиция пушки, еще правее и выше на возвышенности немецкие минометы. По берегу от поселка к Волхову фашисты установили изгородь и обморозили ее льдом. Оттуда вели интенсивный огонь.

Наша задача — захватить поселок и удержать до подхода основных сил. В тот день начались боевые действия в Любанском направлении. К 12 часам дня противник был атакован. Левее нас на поселок Ямно наступал 40-й, на совхоз «Красный ударник» — 43-й лыжные батальоны из Челябинска.

Противник думал, что наступление наших двух рот захлебнулось. Начало темнеть, и в это время еще две роты быстро скатились на лыжах к Волхову. Враг в замешательстве не открыл интенсивного огня, и мы, обходя поселок, справа ворвались в него. Фашисты в панике отошли на вторую линию обороны — в лес. Я бежал по улице в первых рядах наступающих, меня догнал командир роты и велел прекратить преследование. Я передал команду. Вскоре мы заняли оборону.

Через минут сорок противник перешел в контратаку, которую мы отбивали в течение часа. В самый последний момент боя я был ранен.

Войска 2-й ударной армии захватили плацдарм по берегу на протяжении многих километров. Лыжные батальоны были закреплены по два-три за стрелковыми дивизиями и бригадами. Наш батальон продолжал действовать совместно с 327-й стрелковой дивизией.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, командовавший

тогда Волховским фронтом, в своей книге «Великие испытания» писал: «Наибольшего успеха добилась 327-я стрелковая дивизия, 44-й лыжный батальон. Выбив подразделения противника из населенного пункта Красный поселок, она овладела крупной позицией врага».

Войска подошли вплотную к Мясному бору — главной оборонительной линии противника. Несколько раз прорывали ее в жесточайших боях. Только через десять дней взяли поселок. В образовавшийся четырехкилометровый коридор войска двинулись на Ленинград. В прорыв вошли стрелковые дивизии и бригады, усиленные лыжными батальонами. Части, развивая наступление, продвинулись до 80 километров — ушли за Любань. Фронт растянулся на 140 километров. Для поддержания надежной и своевременной связи из состава 40-го лыжного батальона минометная рота была преобразована в эстафетную. Вот что рассказывал мне ее командир Георгий Михайлович Куликов (родом он из Магнитогорска):

«В состав роты вошли лучшие лыжники, комсомольцы-добровольцы, крепкие восемнадцатилетние юноши. Пикеты эстафетчиков были рассредоточены по всему фронту — два-три лыжника через два-пять километров. Они поддерживали связь между штабами частей и армии. На особо важных опорных пунктах находились командиры взводов. Моим заместителем был В. Е. Женишек, ныне живущий в Свердловске. В любое время дня и ночи, в любую погоду эстафетчики шли с депешами, подвергая себя опасности быть захваченными немецкими автоматчиками, просочившимися в наши тылы. Зимой — по глубокому снегу. А когда талые воды сольются с болотами, начиналась сплошная водная преграда. Идешь по колено в воде, коченеют ноги, а если оступишься — в воронку уходишь с головой. Когда вода немного спадала, шли по уложенным бревнам на болотах.

Немного просохли поляны, дороги, и нам дали велосипеды, которые через болота тащили на себе. Бывало часто и так: едешь по открытому месту, а за тобой гонится немецкий самолет. Много погибло солдат, эти места мы называли мясорубкой.

Из кавалерийского корпуса передали нам лошадей, пришлось осваивать верховую езду. Лошади были истощенные, кормили их распаренными ветками деревьев. Иногда наши смельчаки Денисов и Головченко умудрялись доставать сено, как говорится, из-под носа немцев. У реки Тигода находилась немецкая часть, на другом берегу было заскирдовано сено. Лыжники произвели разведку и благополучно возвратились. На следующую ночь им выделили в помощь несколько эстафетчиков, и они отправились за добычей. Сперва головной дозор, за ним все остальные

подползли к сену, навязали в веревки по вязанке и тронулись в обратный путь. Такие вылазки были редкими, так как опасались засады.

Трудно было с продовольствием, но и здесь лыжники проявляли находчивость. Разведчик Василий Линчук, проживающий ныне в Коркино, со своими товарищами всегда возвращался из разведки с трофейными продуктами.

Эстафетчики проявляли храбрость и пользовались в частях особым авторитетом и уважением».

«Фронтовая правда» писала 11 февраля 1942 года: «Смело идут вперед советские лыжники по снежной целине, по лесам, по болотам. Для них везде дорога. Они внезапно нападают на врага, расстраивая его боевые порядки, беспощадно уничтожают живую силу и технику фашистов».

Несмотря на трудности и лишения, воины проявляли беспримерное мужество. Из Бердяушской средней школы весь класс ушел добровольно на фронт. С ними был и Митя Полтораднев, служил он в составе 40-го лыжного батальона эстафетчиком. Домой матери и родным сообщал:

«Пишу в землянке. Слышен гул канонады, рвутся рядом мины и снаряды. Вот заиграла свою обычную песню «катюша», которая не по нутру немецким волкам. Они ее называют «адской машиной». Немцы очень боятся ночи, а особенно ночного боя. Лыжнику ночь и лес, как и партизану, неразлучные и большие помощники. Сегодня намерены выкурить немцев из блиндажей и дворов, перебить и взять «языка». За меня не беспокойтесь».

«Бьем фашиста. Пока еще сволочь сопротивляется, пытается предпринять психические атаки, выйти из ловушки. Да, дорогие, бьем, не щадя живота своего. Некоторые мои земляки пали смертью героев за Родину-мать».

«Мой тезка — Митя Бекетов — убит… Жалко парня, но ничего не поделаешь — война, война за Родину. И я не поколеблюсь ни на минуту отдать свою жизнь, если нужно будет для быстрейшего разгрома фашизма. Я не раз был на волоске от смерти, но воля к победе и вера в наше правое дело сильны, жизнь брала верх и будет брать. Гитлеровская свора обречена на смерть».

«Живу хорошо. Нашу часть представили к присвоению гвардейской. Значит, скоро будем гвардейцами. Дела идут хорошо».

Это было его последнее письмо. Он погиб в неравном бою.

В том же батальоне, в третьей роте был комсорг Николай Рыбин из Кыштыма. Учился он в Челябинском энергетическом техникуме. Когда началась война, вся группа подала заявления об

отправке на фронт. Комиссия отобрала 14 добровольцев, среди них был и Рыбин. Вот что вспоминает копейчанин Александр Иванович Босых (он вместе с Рыбиным учился в техникуме):

«Наши части вели тяжелейшие бои в течение нескольких суток. Немцы плотно прижали роты к земле, и лыжники заняли круговую оборону. Самостоятельными силами вырваться было невозможно. Нужно послать связных в тылы, чтобы вызвать поддержку огнем. Политрук обводит взглядом бойцов. Николай первый говорит: «Я пойду, товарищ политрук!» Вслед за ним — его товарищ Яков Якобсон. Политрук вручает пакет. Яков заталкивает его в нагрудной карман, и друзья направляются в тыл.

Переползая от воронки к воронке к оврагу, скатились в него — прямо в лапы немецких лазутчиков. Николай Рыбин автоматной очередью уложил двух фашистов. Он крикнул: «Яков, беги, я прикрою». Еще одного немца Николай свалил ударом ножа. В это время наскочили остальные, пытаясь взять Николая живым. Его свалили на землю, но он дотянулся до гранаты и выдернул чеку…

Яков добежал до своих, сообщил координаты… Николая Рыбина похоронили недалеко от деревни Табаково 27 августа 1942 года. В последующих боях товарищи мстили за его гибель».

Отделению Михаила Колесникова поручили взорвать мост — по нему через реку Полисть фашисты подвозили боеприпасы, продовольствие, живую силу и технику. Был разработан детальный план. Бойцы ночью благополучно перешли передний край. Вот и мост. Одна группа идет к нему, а другая вместе с Колесниковым — к дому лесника, там караульное помещение немцев. Уничтожена охрана, взорван мост. Находившаяся вблизи немецкая воинская часть организовала преследование. Лыжники ушли дальше в тыл противника, а затем по заранее спланированному маршруту в расположение своих.

Ныне М. Е. Колесников — секретарь парткома Челябинского областного управления сельского хозяйства, возглавляет совет ветеранов уральских лыжных батальонов.

Не раз собирались ветераны на свои встречи. Воспоминаниям не было конца. Бывший младший сержант Федор Иванович Иванов, проживающий сейчас в Кургане, рассказал: «При переходе обороны погибли командир роты Миклин и его помощник Бердык, я принял командование на себя. Совершив ряд диверсий, возвратились в свое расположение.

Затем снова батальон углубился в тыл немцев, западнее Чудово на семь километров. Немцы нас блокировали у железной дороги, но, не добившись успеха, прекратили атаки. Днем

беспощадно бомбили, а ночью били из орудий. Я потерял младшего командира Самохвалова из Шумихи. На девятый день мы вырвались из окружения, ушли в тыл противника. На своем пути громили немецкие гарнизоны, уничтожали колонны вражеских солдат и технику.

В январе 1942 года, атаковав деревню Ольховку, выбили из нее противника. Из леса вышли местные жители. Они обнимали нас, плакали, называли своими спасителями.

Жители натопили бани. Мы привели себя в порядок, отдохнули. На третий день подошел стрелковый полк, и мы получили новый приказ: занять Ольховские хутора. Но силы были неравные, и выбить противника не смогли. Я был тогда тяжело ранен и командование отделением передал челябинцу Алексееву».

Еще одно воспоминание. Рассказывает бывший командир взвода Николай Павлович Тукмачев, ныне живущий в Качканаре:

«Мы выгрузились из эшелона и на лыжах пошли к фронту. Ночью перешли Волхов по льду и внезапным ударом выбили противника. На рассвете появились немецкие самолеты и на бреющем полете сбрасывали бомбы. Деревня Бор запылала огромным факелом. Каким долгим нам показался этот зимний день.

Меня со своим взводом направили в подчинение командира 382-й стрелковой дивизии. Наверно, никогда так быстро не узнаешь людей, как в боевой обстановке. Вот солдат Брюханов. Ни у кого во взводе не было такого тонкого слуха. Мы с товарищами часто предостерегались по его сигналу, он всегда чувствовал близкую опасность. Пулеметчик Краснокутский, человек огромного роста и большой физической силы, казалось, играючи мог стрелять на ходу из ручного пулемета. Много раз он выручал нас».

Об одном из рейдов рассказывает писарь 43-го батальона Дмитрий Прокопьевич Сократов.

«В разведку отобрано 15 человек. Ночью тронулись в путь. Впереди группа захвата, а в 25 метрах группа прикрытия, в ней был и я. На пути ряды колючей проволоки. Разрезали ее, да так, что ни одна консервная банка, подвешенная к ней, не звякнула. Устремились в проход, и в этот момент услышали немецкую речь: группа фашистов ползла в нашу сторону. Один заметил наших разведчиков, неистово закричал и бросился к своим окопам. В ту же минуту был скошен автоматной очередью, но из немецких траншей застрочили пулеметы. Вскрикнул и затих Миша Хитько. Ранен или убит? Я потащил его, сначала волоком, затем на спине нес.

Разведчики в короткой схватке с немцами схватили одного «языка». Возвращались, отстреливаясь. Погибло пять наших товарищей. Мишу Хитько отправили в медсанбат, меня наградили медалью «За боевые заслуги».

Какие бы трудности ни испытывали, мы твердо верили, что рано или поздно блокаду прорвем. Вот как писал красноармеец Д. Дворецкий в стихотворении, помещенном во фронтовой газете:

…За Волховом бой-канонада,
Но скоро в огне и дыму
Дойдем мы до стен Ленинграда
И руки протянем ему.

Немцы несколько раз замыкали коридор в Мясном бору. Нам недоставало боеприпасов, снарядов. Была острая недохватка продовольствия и фуража. В пищу употребляли мясо убитых лошадей, собирали клюкву, добывали березовый сок — называли березы донорами.

10 июня к Мясному бору было стянуто три крупных воинских части. Но только 19 июня был пробит коридор шириной 300 метров, и по нему под огнем противника шли солдаты. Враг не раз закрывал нам путь. Севернее Спасской Полисти наши танки встали в две цепочки, образуя коридор, чтобы не дать замкнуть его. Немцы шли в контратаки, били по танкам прямой наводкой. 25 июня немцы снова замкнули коридор. Но воины пробивались в жестоких схватках с врагом.

«Долиной смерти» назвали места вокруг Мясного бора. Шесть тысяч советских воинов погибло там, восемь тысяч пропало без вести. После войны с каждой пулеметной позиции немцев было здесь собрано от 700 до тысячи килограммов гильз.

2-я ударная армия в течение пяти месяцев приковывала к себе до 16 фашистских дивизий, сорвав попытку врага взять штурмом Ленинград. После выхода из окружения она пополнилась и готовилась к новому прорыву.

Командованию стало известно, что фашисты намечают новый штурм Ленинграда. Чтобы сорвать планы немцев, наши войска в конце августа начали наступление и продвинулись за месяц боев более чем на 30 километров. В этой операции участвовало три челябинских лыжных батальона — 241-й, 242-й и 243-й. 241-м командовал Андрей Максимович Давыдов. Он освобождал западную Украину, прошел с боями до Австрии. Свой патрон, что оставлял для себя, находясь в боях Синявинской операции, пронес до первого боя с Японией. Имеет свыше 30 правительственных наград и четыре иностранных ордена.

Во время Синявинской операции гвардейский корпус под командованием Гагена был зажат немецкими частями, но продолжал сражаться. Батальон А. М. Давыдова занимал круговую оборону — пятачок в три километра, окруженный тремя кольцами немецкой обороны. Лыжники вели разведку, охраняли штаб, держали связь со штабами частей, что были вне кольца.

Немцы бомбили постоянно. Старшина батальона находчивый, смекалистый Илья Матвеевич Кочетов (ныне живет в совхозе «Уйский») выкопали с товарищами в высоте нишу, закрепили стены и потолок бревнами. Закатили туда полевую кухню и готовили пищу регулярно. Когда продуктов не хватало, приходилось ездить на броневике принимать подарки от немцев. Разведчики не раз видели, как немецкие самолеты на условные сигналы сбрасывали продукты. Давыдов выбрал место между очагами немецкой обороны. И когда появились самолеты, лыжники из ракетницы подали сигналы. Через несколько дней лыжники повторили эту операцию. И снова вернулись благополучно. Когда же третий раз они подали сигнал, самолеты снизились, но груза не сбросили. Следом летели бомбардировщики и начали бомбить тот участок, где находились разведчики.

Недавно при встрече, вспомнив этот эпизод, Давыдов, улыбнувшись, сказал: «После этого у нас отпала охота принимать немецкие грузы».

В этом же батальоне воевал златоустовец Глеб Гурьевич Борисов. Хорошо помнит он 21 сентября 1942 года — в этот день батальон должен был соединиться с частью, что закрепилась в Невской Дубровке, и пойти на общий прорыв.

Со стороны Невской Дубровки началась артподготовка. Но как только она закончилась, в воздухе появились «юнкерсы». Они сбрасывали листовки, в которых призывали сдаваться в плен.

Воины с Невской Дубровки не пробились. Борисов вместе с другими разведчиками батальона получил новое задание. Когда они вернулись, корпус уже пошел на прорыв. Собрав оставшихся солдат, Давыдов повел их тоже на прорыв. Место выбрали у Чертова моста. Когда стали подходить туда, их обстрелял пулемет. Они уничтожили пулеметную точку. Там, у моста, обнаружили в землянках более полусотни раненых и с ними три девчонки-медсестры. Кто эти героини — неизвестно до сих пор. Раненых нельзя было брать с собой — предстояло прорваться через три кольца.

Просидели день в болоте, а ночью снова — болотом, так прошли второе кольцо немецкой обороны и снова затаились в болоте. На третью ночь они вступили в бой. Им помогали

прорваться части с Большой земли, ведя встречное наступление.

В составе 288-й стрелковой дивизии вел героические бои 47-й уральский лыжный батальон под командованием старшего лейтенанта А. А. Ерастова и комиссара Ф. И. Фомина.

В январе батальон пытался занять плацдарм на западном берегу реки Волхов, в направлении поселка Зеленцы. Когда подошли к Волхову, противник открыл шквальный огонь, и наступление сорвалось. Только в марте заняли плацдарм в один квадратный километр. Впереди в 80 метрах проходила железная дорога Кириши — Чудово, и немцы не могли мириться с таким положением.

Наши части готовились к решающим боям, и поэтому было завезено на плацдарм все необходимое. Батальон усилили пушками, минометами, был выделен пулеметный взвод под командованием старшины Криницына. Стало известно, что противник готовит наступление. Главные силы батальона отошли на запасный рубеж. Это было ранним утром 30 апреля. Вскоре немцы начали артиллерийскую подготовку, которая длилась около двух часов. Уверенные, что обеспечен полный успех, фашисты пошли в атаку. Лыжники возвратились на прежние позиции и, подпустив противника на близкое расстояние, открыли огонь из всех видов оружия. Атака захлебнулась.

Немцы повторяли атаки одну за другой, до самого вечера. Утром снова начался артиллерийский налет на героический гарнизон плацдарма, а затем снова и снова атаки. Но лыжники стояли насмерть. Комбат и комиссар были в первых рядах. В затишье боя, между атаками, комиссар Фомин говорил: «Боевые друзья, мы должны надеяться только на свои силы и выстоять. На нас смотрит вся страна».

Гарнизон оборонялся героически. Он погиб, но не сдался и не отступил.

В январе 1943 года воины-лыжники в составе стрелковых частей участвовали в прорыве блокады. В захваченных штабных немецких документах говорилось, что на фронт прибыли отряды из Сибири и Урала, отличающиеся высокой стойкостью и умением. Лыжников немцы со страхом называли снежными призраками.

Лыжники Урала (эта бесстрашная снежная кавалерия!) сражались на многих фронтах: Волховском, Ленинградском, Северо-Западном, Карельском, Калининском, под Москвой, на Украине, под Сталинградом.

В Челябинске с 1975 года действует совет ветеранов уральских лыжных батальонов. Большую поисковую военно-патриотическую работу проводит он. Много добрых дел на его

счету.

Когда в 1982 году в пермской газете «Звезда» была опубликована моя статья «Белые призраки» — о героическом подвиге 47-го лыжного батальона, в редакцию пришло письмо. Вот его содержание: «Я 37 лет искала место гибели моего мужа и сведения, как он сражался с фашистами. Наконец, из корреспонденции С. С. Зубарева узнала все. Передайте ему большое спасибо».

День Победы отмечают ветераны-лыжники в Челябинске — съезжаются сюда со всего Советского Союза. Ежегодно, в честь годовщины образования Советской Армии, совет ветеранов проводит лыжные соревнования детских спортивных школ страны на приз «Уральских лыжных батальонов».

Из документов военной поры, 1943 год

В труде, как в бою!

«Если валовую продукцию в 1940-м, довоенном году, принять за 100 процентов, то в 1941-м выпуск продукции составил 115,8 процента, а в 1942-м — 290,5. Этот огромный скачок надо было не только закрепить, но и обеспечить дальнейший рост выпуска продукции. И надо с удовлетворением отметить, что наша промышленность в 1943 году одержала новые серьезные успехи. Выпущено продукции на 1 миллиард 200 миллионов рублей больше, чем в 1942-м. А если мы сравним итоги с 1940 годом, то выйдет, что выпущено продукции в 3,5 раза больше». (Из выступления Н. С. Патоличева на собрании областного партийного актива).

Наиболее крупный военно-экономический эффект принес переход на поточный метод производства. За счет внедрения его заводы области, производящие боеприпасы, выдали на 34,4 процента продукции больше, чем в 1942-м.

На Кировском заводе на потоке было около 70 процентов оборудования, занятого изготовлением танка Т-34; на обработке деталей тяжелых танков — 50 поточных линий. Производительность труда выросла на 20 процентов.

Экипаж танка Т-34 прислал письмо на завод:

«Всему коллективу завода орденоносный экипаж танка Т-34 шлет вам, дорогие товарищи, гвардейский привет и желает наилучших успехов в работе во славу Родины, во славу победы над врагом.

Танк Т-34, на котором воюет наш экипаж, превысил все расчеты эксплуатации на 47 часов. На этой замечательной машине, сделанной вашими руками, за период боев мы уничтожили свыше 700 гитлеровцев. Гусеницами танка подавлен не один десяток вражеских орудий, минометов, пулеметов и другой техники…

Заверяем вас, что, не жалея сил и жизни, мы еще сильнее будем громить врагов. Просим и вас, дорогие товарищи, не покладая рук работать и выпускать боевые машины еще в большем количестве и лучшего качества, а мы, танкисты, на ваших машинах будем беспощадно уничтожать гитлеровскую сволочь».

Непрерывным потоком поступал для нужд обороны металл с металлургических предприятий области. Изыскивая внутренние резервы, металлурги наращивали выпуск продукции. Они дали стране больше, чем в 1942 году: чугуна — на 237,8, стали — на 356,8, проката — на 277,5 тысячи тонн. Отмечая трудовые достижения магнитогорцев, «Правда» подчеркивала, что своей героической работой магнитогорцы умножают славу Урала, ставшего металлической опорой фронта.

Трудящиеся угольного бассейна добыли 10,3 миллиона тонн угля — на 2 миллиона 600 тысяч тонн больше, чем в 1942 году.

Более 200 тысяч изобретателей и рационализаторов области внесли свыше 100 тысяч предложений, с годовой экономией в сотни миллионов рублей. От внедрения рационализаторских предложений на стройплощадке Челябинской ТЭЦ получено 1,2 миллиона рублей экономии.

«Хочешь врага победить на войне — план выполняй вдвойне, втройне» — под таким девизом трудились южноуральцы. Боевую гвардию тыла составляли двухсотники, трехсотники, пятисотники, тысячники.

Токарь Кировского завода Г. Новгородцев один из первых выдал за смену более 10 норм. Вскоре вместе с ним в ряды тысячников встали П. Анисимов, И. Бычков, М. Стогний, В. Шелехов и другие.

Коммунист Семиволос, работавший на Бакальских рудниках, выполнил за год 3,5 годовых нормы, а его ученики коммунисты Кривонос и Ануфриенко — по три с лишним нормы.

Орденоносец коммунист Мещеряков, работая каменщиком в ОСМЧ-22, в среднем на 253 процента выполнял сменную норму, в отдельные дни — на 633.

Отмечая годовщину со дня рождения В. И. Ленина, горняки треста «Коркинуголь» выдали суточное задание на 215,7 процента, в том числе по Батуринскому разрезу — на 461,2; шахтеры Челябинского бассейна добыли сверх плана 16 эшелонов угля. Сталевар первого мартеновского цеха ММК Артамонов в честь 25-й годовщины Красной Армии установил непревзойденный рекорд: сварил плавку высококачественной стали на три часа раньше срока.

«В труде, как в бою», — так трудились комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Лучшим из них присваивались имена героев. В области было 2235 фронтовых бригад. Из них на Кировском заводе — 1175. Первыми фронтовыми бригадами на ММК стали коллективы, возглавляемые Б. И. Буйвидом и С. Ф. Погореловым.

В честь героических дивизий Красной Армии началось

соревнование промышленных предприятий области. По инициативе коммунистов на ММК проведены ударные вахты «За советский Орел», «За советский Белгород». На Челябинском угольном бассейне развернулось соревнование за звание «Стахановец Великой Отечественной войны», «Знатный мастер смены Великой Отечественной войны».

Страну облетел призыв: «Девушки, в забой!» С этой инициативой выступили работницы копейской шахты № 4—6 Е. И. Подорванова, А. И. Солдатова. Они организовали комсомольско-молодежную добычную бригаду в составе 35 женщин. Работали, не зная усталости, не признавая слов «трудно» и «невозможно», и выдали в четвертом квартале года сверх плана полторы тысячи тонн угля. Бригада заняла первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании, была награждена переходящим Красным знаменем ЦК ВЛКСМ и Наркомугля.

В Челябинске по почину Е. П. Агаркова было укрупнено 283 бригады, участка, цеха, переведено на другие работы 2100 человек. Всего в области 1081 бригада высвободила 3332 человека.

«Прошу зачислить добровольцем в Уральский танковый корпус…» — так начинались почти все 49 517 заявлений, поданных трудящимися области в ответ на решение создать добровольческий танковый корпус.

«Я клянусь, что все свои силы, все знания, всю кровь своего сердца отдам для победы над лютым врагом моего народа, — писал в партбюро строительного управления мастер И. Г. Ларичев. — Все в нашем роду Ларичевых — хорошие воины. Брат Семен сражается в танковых войсках на Центральном фронте. За мужество и отвагу он награжден боевым орденом. Брат Евстафий — доброволец-подводник, брат Федор — доброволец-моряк, брат Никита — разведчик, недавно погиб, выполняя задание командования. Сестра моя Евдокия, сорока четырех лет, заменила ушедшего на фронт мужа на посту матроса Волжской флотилии.

Памятью погибшего брата, честью своей славной трудовой семьи клянусь сражаться с врагом умело и храбро… Иду я на фронт не с пустыми руками. Хорошо знаю инженерно-саперное дело, стреляю метко из винтовки и пулемета. Буду разить немецкую сволочь в самое волчье сердце».

Обращаясь в ЦК ВКП(б), трудящиеся трех областей Пермской, Свердловской, Челябинской писали:

«Мы берем на себя обязательство отобрать в Уральский танковый корпус беззаветно преданных Родине лучших людей Урала — коммунистов, комсомольцев, непартийных большевиков.

Добровольческий танковый корпус мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой: танками, самолетами, орудиями, минометами, боеприпасами, произведенными сверх производственной программы».

Не было предела героической самоотверженности тружеников тыла. Отрывая от себя последнее, дополнительно вносили десятки тысяч рублей на формирование новых воинских подразделений.

Комсомольцы и молодежь области за два месяца внесли 55 837 тысяч рублей на строительство боевых кораблей для военно-морского флота. Горняки Кочкарских золотых рудников решили построить на свои сбережения эскадрилью боевых самолетов «Золотоплатиновая промышленность»: они собрали 500 тысяч рублей, полтора килограмма золота, 165 тысяч облигаций Государственных займов, золотые и серебряные изделия.

Призыв партии — возрождение опустошенных гитлеровцами земель, притом в короткий срок, — дело чести для нашей страны, для каждого советского человека — стал для южноуральцев программой действия.

«Мы, кировцы, решили взять шефство над Сталинградским тракторным заводом и оказать ему помощь в быстрейшем восстановлении производства танков, моторов и тракторов. Мы пошлем на Сталинградский тракторный завод 100 инженеров и техников, 200 квалифицированных рабочих, 100 единиц оборудования и обязуемся оказать заводу помощь в изготовлении моделей, инструмента, приспособлений для производства танков и моторов.

Из Магнитогорска отправили в Сталинград 21 вагон с предметами домашнего обихода.

Челябинский комсомол взял шефство над Сталинградским тракторным заводом. Состоялись комсомольско-молодежные воскресники по изготовлению инструмента, оборудования.

Пять эшелонов — 197 вагонов ушло в Донбасс: это станки, машины, оборудование, инструмент, строительные материалы, предметы домашнего обихода.

Металлурги Магнитки в обращении к трудящимся страны писали: «Возрождение южной металлургии является великим делом всего рабочего класса, всего народа… Мы берем шефство над Макеевским металлургическим и коксохимическим заводами».

Только в первые месяцы восстановительных работ макеевцы получили из Магнитогорска 10 вагонов технологического и энергетического оборудования, 16 вагонов различных сортов

металла, 8 вагонов хозяйственных товаров, 56 станков и многое другое.

В ответ шли горячие слова благодарности:

«Передайте трудящимся области благодарность Центрального Комитета КП(б)У, правительства и трудящихся Советской Украины за заботу и братскую помощь в дни восстановления заводов и шахт Донбасса».

А. Ф. Крыгин
НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Антон Федорович Крыгин с первых дней работал на строительстве Челябинского металлургического завода. И после окончания войны принимал участие в возведении многих цехов комбината. Неоднократно избирался членом парткома производственного строительно-монтажного объединения «Челябметаллургстрой», членом Металлургического райкома КПСС, депутатом городского Совета народных депутатов. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями. А. Ф. Крыгину присвоено почетное звание «Заслуженный строитель РСФСР».

Война застала меня в Донбассе, в родном Краматорске. Я работал на сооружении одного из предприятий начальником строительной конторы.

Война. Это так не вязалось с тихим воскресным днем, когда, казалось, ничто не может потревожить мирный труд советских людей. Но речь по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров В. М. Молотова была суровой реальностью. А вскоре война и для нас приняла еще; более реальные очертания: начались налеты вражеской авиации, затемнения, стекла окон крест-накрест перечеркнули полоски бумаги. Многие люди уходили на фронт.

Второго сентября 1941 года всех мужчин, работавших под моим началом в строительной конторе, привезли в район Кременчуга. Вместе с нами были погружены экскаваторы и другая техника, а также двадцать лошадей. Мы были приписаны к 5-й саперной армии. Строили различные оборонительные сооружения — противотанковые рвы, окопы, доты, дзоты, наблюдательные пункты. Спиливали лес, делали из стволов надолбы, возводили и взрывали мосты. Да сколько еще всякой другой работы довелось выполнить.

Под натиском превосходящих сил врага наши войска отступали. Вместе с ними отступали и мы. Шли по таким родным и знакомым донецким степям до станции Суровикино, что под самым Сталинградом. Отсюда я и был командирован на строительство Челябинского металлургического завода.

В то время он назывался Бакальским металлургическим, видимо, потому, что должен был работать на рудах Бакальского месторождения. Решение о строительстве его принято было еще

до войны. И вот теперь предстояло соорудить предприятие. На это отводилось невиданно короткое время. Фронту нужен был металл, много металла. Когда мы в феврале 1942 года прибыли на площадку будущего завода, здесь были только перелески, березовые колки, лежал глубокий снег. Ни дорог, ни жилья. Почти никакой строительной техники. Насчитывалось около 150 потрепанных автомобилей, но с обеспечением их горючим возникло немало трудностей, и все они были переведены на газогенераторное топливо.

Было несколько экскаваторов, других механизмов, а также несколько сот лошадей. В основном все работы выполнялись вручную. Рабочей силы сосредоточивалось много — десятки тысяч человек. Их надо было где-то расселить.

К концу 1942 года вокруг сооружаемого завода было уже 12 рабочих поселков с общей жилой площадью 40 тысяч квадратных метров, проложено 51 километр автомобильных и 64 километра железных дорог.

Интенсивно велось и строительство производственных помещений. Возводились электросталеплавильный, доменный, прокатный цехи, другие объекты.

«В уральской действительности через каждый завод, через каждую стройку просматривались самые насущные проблемы страны, — пишет в своей книге «Испытание на зрелость» Н. С. Патоличев, работавший первым секретарем Челябинского обкома КПСС — Челябинский металлургический завод — так он стал называться с 1942 года — яркое тому доказательство. Сказать, что строительство шло форсированно, было бы недостаточно точно: с первого дня оно приобрело характер штурма. Именно благодаря этому уже к концу 1942 года (а строить завод начали зимой, в лютые морозы) полностью были закончены строительные и монтажные работы по трем 30-тонным электропечам, прокатному цеху со станами «800», «450», «350», литейному, механическому, кузнечному, модельному и другим цехам».

У всех было одно стремление — быстрее выдать челябинский металл. И он был выдан 19 апреля 1943 года. В этот день был введен в строй действующих электросталеплавильный цех. Состоялся большой митинг, на котором присутствовали не только те, кто непосредственно участвовал в сооружении объекта, но и рабочие других подразделений. Ведь это была общая радость, которая к тому же подогревалась добрыми вестями с фронта: наша армия успешно завершила Сталинградскую битву, гнала гитлеровцев дальше на запад. Энтузиазм рабочих был велик — они увидели свой вклад в борьбу народа с врагом.

Я в то время работал старшим прорабом на строительстве прокатного цеха. Вручную копали котлованы, подавали материалы, монтировали оборудование. Основными «механизмами» были лопата и кирка, топор и кувалда.

Прокатный цех предстояло пустить в мае 1943 года. Однако в самом начале строительства случилась непредвиденная задержка. Мы уже вывели фундаменты под колонны цеха, и вдруг оказалось, что цех должен быть на 50—80 метров севернее. Надо наверстывать упущенное. Возможно, такое случилось потому, что проектирование шло на ходу. Бывало так, что утром конструкторы выдают чертежи, а во второй половине дня по ним уже ведутся работы. Таковы были темпы стройки, не терпевшей промедления.

В конце концов отставание мы наверстали. Помог энтузиазм людей, которые объединялись в каком-то едином порыве. Память сохранила примеры поистине героической работы. Вспоминаю каменщика Бахмайера. Мастерок в его руках так и играл. Казалось, все приемы работы доведены до совершенства. А он все находил и находил возможности для увеличения выработки. В иные дни выполнял по пять норм.

Строительством руководил замечательный человек — Александр Николаевич Комаровский. Познакомился я с ним, когда он еще был командующим 5-й саперной армией. Главным инженером стройки был В. А. Сапрыкин, опытный специалист. Эти два человека удивительно дополняли друг друга, они руководили стройкой в теснейшем и постоянном контакте.

Комаровский часто бывал на объектах, знакомился с положением дел, искал пути ускорения строительства. Приехал он однажды и к нам на прокатный. Время было горячее, перед сдачей пролетов под монтаж оборудования. Прошел, глянул опытным глазом. И вдруг обращается ко мне:

— Товарищ Крыгин, что нужно, чтобы прокатный цех был в таком состоянии, что его можно сдавать под монтаж?

Я подумал и ответил:

— Надо, чтобы в течение десяти дней сюда бесперебойно поставлялись лес, кирпич, металл, другие материалы.

Александр Николаевич пообещал, что все это у нас будет. И действительно, мы стали получать в нужном количестве все, что было необходимо. Дневали и ночевали на стройке, но выполнили обещанное. В полтора раза быстрее подготовили пролеты под монтаж. В этот день приехали А. Н. Комаровский и первый секретарь обкома партии Н. С. Патоличев. Посмотрели, что сделано. Вижу: удовлетворены. Комаровский пожал руку и коротко сказал:

— Спасибо!

Само время накладывало отпечаток на действия строителей. Все понимали, что недодать металл — значит недодать оружия защитникам Родины, значит сделать более долгим путь к победе.

Готов один пролет — начинали монтаж оборудования, подготовлен даже небольшой участок — тоже начинали установку. Вспоминаю, так действовал наш мастер на монтаже оборудования Нейман. Он был грамотным специалистом, хорошо разбирался во всех тонкостях монтажа, знал условия эксплуатации механизмов, их назначение в технологическом процессе. С ним было легко работать. Он быстро находил нужные решения, помогал устранять все неувязки.

Немало было примеров поистине героической работы, когда люди проявляли, не боюсь этого слова, чудеса находчивости. Можно смело сказать, что во время строительства завода были внедрены тысячи рационализаторских предложений.

Вот только одно из них. Это было в ответственный период, когда завершалось устройство фундаментов под оборудование. Требовалось в теле фундаментов сделать так называемые шанцы — полости для болтов: предстояло начинать установку механизмов стана «800». Работами руководил прораб Горбенко.

Для формирования полостей применялись деревянные коробки. Но вопрос был не только в том, чтобы их установить в проектное положение. Как извлечь их после затвердевания бетона? Проблему помог решить главный механик «Прокатстроя» А. П. Лепский — человек инициативный и решительный. Коробки разрезали с угла на угол, перед установкой их обертывали бумагой, пропитанной солидолом. Затвердевал бетон — и половинки коробки легко вынимались. Две тысячи шанцев выполнено в фундаменте, и не сделано ни одной ошибки! Это настоящая победа человеческого разума.

В мае 1943 года прокатаны первые слитки. И тут уж мы ходили именинниками. Снова был митинг. Выступавшие говорили, что достигнута большая победа, что челябинский металл поможет нашим доблестным войскам быстрее гнать врага на запад. Присутствовали и представители фронтов, вручали лучшим коллективам знамена.

Надо сказать, что митинги были часто, их проводил политотдел, которым руководил полковник А. Г. Воронков. На митингах мы получали, можно сказать, заряд энергии.

Однажды были изготовлены бракованные колонны. И тоже митинг. Но на нем говорились гневные слова осуждения бракоделов. Каким жизненным уроком стал для них этот митинг…

А. Г. Воронков часто посылал духовой оркестр политотдела на те объекты и участки строительства, где шла наиболее ответственная, напряженная работа. Оркестранты исполняли бодрые марши, и настроение людей поднималось, и работа, как говорится, спорилась. Вспоминается, велись крупные штукатурные работы. Сюда был направлен оркестр. Лучшие отделочники добились рекордной выработки — оштукатурили по сто квадратных метров поверхности. Воронков по этому поводу полушутя говорил, что достигнутые рекорды — заслуга оркестра…

После пуска прокатного цеха я был послан на строительство доменного. Работал там начальником участка. Довелось руководить работами на сооружении важных участков первой доменной печи — рудной эстакады, загрузочного устройства, скиповой ямы. Трудностей пришлось преодолеть немало. Но в канун Первомая 1944 года первая доменная печь Челябинского металлургического выдала первый чугун. Горновые разделали летку, тугая струя металла устремилась по литейной канаве и тяжело ударила в дно ковша. Это была крупная победа.

В небольшом музее производственного строительно-монтажного объединения «Челябметаллургстрой» есть сохранившийся экземпляр многотиражной газеты, издававшейся политотделом, за 12 июля 1944 года. Приведу дословно одну из корреспонденции:

«В июне коллектив строителей работал значительно лучше, чем в мае, выполнив план строительно-монтажных работ на 110 процентов.

Дни освобождения Советской Белоруссии от немецких захватчиков, дни стремительного продвижения на запад войск Прибалтийского и Белорусских фронтов на стройке ознаменовались могучим производственным подъемом. С каждым днем увеличивается число двухсотников, трехсотников и многосотников.

Каждый день на стахановские фронтовые вахты становятся все новые и новые люди. Трудовой доблестью, высокой производительностью строители салютуют доблестным войскам Красной Армии. 8 июля, встав на стахановскую фронтовую вахту, три стахановца-многосотника Степанов, Кун и Грюнвальд оштукатурили 1920 квадратных метров наружных стен восьми одноэтажных домов, выполнив втроем работу за 60 человек. Свой производственный рекорд они посвятили доблестным войскам Маршала Советского Союза Рокоссовского.

В седьмом стройотряде (начальник стройотряда Чупров, зам. начальника отряда по политчасти Челышев и секретарь

парторганизации Ваймер) за последний месяц число двухсотников и многосотников увеличилось до 1824 человек. В стройотряде нет ни одного рабочего, который бы не выполнял норму.

Это замечательное патриотическое движение должно быть поддержано всеми партийными организациями и хозяйственными руководителями. Создать все условия для высокой производительности труда — неотложная задача всех организаций стройки. Строители, салютуйте героическому фронту производственными рекордами, высокой производительностью труда!»

Двухсотники, трехсотники, многосотники. Для сегодняшних дней звучит непривычно. В то время так называли передовиков, выполнявших выработки на двести, триста и более процентов.

А на заводе вступали в строй действующих все новые и новые сооружения. 2 августа 1944 года выдала первый кокс первая коксовая батарея, и с этого момента доменный цех стал работать на технологическом топливе, изготовленном непосредственно на заводе, перестал быть в зависимости от поставщиков.

Многие коллективы получали поздравления от Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина, были награждены знаменами ГКО. Передовикам вручались государственные награды. Был отмечен и мой скромный труд: я получил орден «Знак Почета» и медаль «За трудовое отличие».

Вместе с заводом росли и жилые кварталы района. 29 августа 1942 года был сдан первый дом. В дальнейшем жилье строилось интенсивно. По мере вступления в строй цехов рос коллектив, увеличивалось число работающих. И не случайно в корреспонденции, о которой я говорил, рассказывалось о рекорде, который был достигнут на строительстве жилых домов для металлургов.

Я уже писал о смекалке рабочих и специалистов, их повседневных находках рациональных решений на строительных площадках производственной зоны. Материалов на стройке не хватало, поэтому использовались все возможности, все подручные средства. К примеру, нас здорово выручал березняк, который приходилось вырубать и выкорчевывать на месте будущих цехов. Из этого березняка сооружались кузницы, мастерские, навесы для арматурных участков, порой из них изготовляли и опалубку. Березовые стволы ложились и в полотно дорог, сооруженных на строительстве завода и в жилых поселках.

Вместе с тем мы стремились оказать посильную помощь фронту материалами, которые, казалось бы, никакого отношения к нам не имели. Были построены установки для выпуска

демпферного гипса. Его мы отправляли на Белорусский и 1-й Украинский фронты, в госпитали. И было радостно получать благодарности от работников госпиталей, от выздоравливающих бойцов, которые обещали еще сильнее бить врага.

И теперь, когда прохожу по территории комбината, не перестаю удивляться тому, как он разросся, какую силу набрал. Но все-таки самые дорогие воспоминания — о том прекрасном и трудном времени, когда он зарождался. Ведь именно тогда по воле партии на челябинской земле появилось предприятие, которое впоследствии не без оснований стали называть Магниткой качественных сталей. Это время никогда не забудется.

Р. Ф. Шнейвайс
СРЕДИ ОГНЯ

Рафаил Фадеевич Шнейвайс — участник Великой Отечественной войны с первого до последнего дня. Был политработником — заместителем начальника политотдела полка бронепоездов, военным комиссаром особого бронепоезда. После окончания высших офицерских курсов танкистов стал комбатом в 1402-м полку самоходной артиллерии 2-й гвардейской армии. Воевал на Брянском, Центральном, Калининском, 3-м Белорусском фронтах. Был дважды ранен. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и другими.

После войны работал инженером на Магнитогорском металлургическом комбинате, с 1947 года — в газете «Челябинский рабочий» заместителем редактора. Ныне Р. Ф. Шнейвайс — персональный пенсионер республиканского значения, заслуженный работник культуры РСФСР. Он — автор (литературный псевдоним Н. Карташов) девяти книг.

Первые дни войны

Тяжелое — забудется,
Хорошее — останется,
Что с Родиною сбудется,
То и с народом станется.

Иосиф Уткин

В середине июня сорок первого года наш четвертый отдельный дивизион бронепоездов, который дислоцировался в Брянске, ночью подняли по боевой тревоге. Начались учения — обычные, ранее запланированные.

Я был тогда политруком, секретарем парторганизации дивизиона. На учения выехал с бронепоездом, которым командовал капитан Андрей Руденко. Это опытный командир. Великорослый, широкоплечий, немногословный. Сейчас он двинет в путь всю махину, которую мы называем «Борисом Петровичем» — БП.

Бронепоезд почти без остановок шел, пробиваясь сквозь пелену дождя. Если посмотреть на него из леса, который образовал как бы зеленый коридор, то и не понять — есть ли кто-нибудь за этой стальной броней, окрашенной в зеленый цвет.

Но это — кажущееся безлюдье. Все, что в эти часы и минуты происходит в бронеплощадках, на бронепаровозе, контрольных платформах и на проселочных дорогах, по которым, направляясь в грязном месиве, буксуют наши разведчики-бронемашины, все это — боевая и политическая подготовка. «Тяжело в ученье — легко в бою» — суворовский завет стал нашим лозунгом, мерой поведения, воинской жизнью, учебой.

Через смотровые щели, через триплексы видно, что уже заиграл рассвет, промелькнуло пока еще безлюдное сонное село. Бронепоезд громыхает по железнодорожным мостам, пересекает линию Волго-Днепровского водораздела — реки Рессета, Вытебеть, Цон. Сосновые и сосново-дубовые леса, ель, береза, осина, боры-брусничники, переходящие в полосу травяных боров…

Все это — Брянщина. Отчий край. Ратная доблесть этой земли уходит в седое прошлое, еще к походу князя Игоря через Севск в Половецкие степи — брянская земля дала легендарного Пересвета, зачинателя Куликовской битвы. (Об этом надо рассказать бойцам, совсем еще юным, как один, стриженным под машинку, только-только начинающим познавать, что такое

срочная служба. Напомнить урок истории: Пересвет — это мерило всенародного мужества и объединения!)

Накануне учений мы говорили на партийном собрании, что такое боевая готовность. Пока — в учебно-тренировочных целях. А завтра?

Кто бы мог подумать, что это «завтра» ворвется в нашу жизнь так скоро — сегодня!

…В боевой рубке командира радист Сергей Михайлик «ловит эфир». Когда капитан Руденко выходит на паровоз, радист передает его приказания в бронеплощадки. В его распоряжении целая система связи и сигнализации: световая, звуковая, телефонная.

Вдруг взволнованный голос Михайлика:

— Товарищ капитан!

— Слушаю.

— Товарищ капитан, война…

По радио передавалась первая сводка Главного Командования Красной Армии о первом дне Великой Отечественной войны:

«С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря…»

Не верилось в страшную реальность: может быть, в те минуты не хватило мужества, чтобы поверить. А там, на наших границах, уже восемь часов идет бой — как там? Ответ на этот вопрос был получен только через несколько дней.

«К концу первого дня, — говорилось в вечернем сообщении Совинформбюро 29 июня 1941 года, — и весь второй день войны только передовые части наших регулярных войск имели возможность принимать участие в боях, и только на третий, а кое-где на четвертый день войны наши регулярные войска успели войти в соприкосновение с противником».

Пришли свежие газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда». Политработники, коммунисты читали вслух бойцам Заявление Советского правительства, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», сводки Главного Командования, статьи, отчеты о митингах.

Врезались в память, в сердце слова академика П. Л. Капицы: «Нас заставляют драться — будем драться. Мы знаем, что борьба эта будет тяжелой, потребует от всех нас больших жертв, но весь мир увидит, что никогда в истории человечества не было страны столь объединенной, столь сплоченной, как Советский Союз. Мы, граждане подлинно демократического государства, отдадим все свои силы и способности этой борьбе».

Взволновали слова человека, с которым не раз довелось мне

встречаться в Магнитке, академика И. П. Бардина: «Нет таких врагов у советской земли, которые бы не были побеждены».

В «Известиях» напечатано стихотворение В. Лебедева-Кумача: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, с фашистской силой темною, с проклятою ордой. Пусть ярость благородная вскипает как волна…»

Ярость благородная! Да, именно эти слова выражали наши чувства, наши переживания. И наше яростное нетерпение немедленно, сейчас же идти навстречу врагу, вступить с ним в схватку. В эти первые дни войны командованию части, в партбюро поступили десятки заявлений с просьбой отправить в действующую Армию.

В клубе нашей части появился большой плакат и на нем — слова Владимира Маяковского:

Лезут?
Хорошо.
Сотрем
в порошок.

Эти пророческие слова поэта выражали глубокую веру в победу над врагом. Это была и вера в правоту нашего дела, нашего образа жизни, нашей цели.

Сводки Совинформбюро передавали: «Наши части прикрытия, переходя в контратаки, задерживают противника до подхода наших главных сил». Но что скрывается за этой фразой, тогда не очень ясно представлял себе. Да и размышлять было некогда: захлестнули, закрутили дела, связанные с развертыванием дивизиона в учебный полк, отправкой бронепоездов на фронт.

Где в этот час мое место — секретаря партбюро учебного полка, что главное? Комиссар полка батальонный комиссар Иван Жорин, — у него огромный опыт политической работы в армии, — как бы размышляя, неторопливо отвечает на мои вопросы.

— Важно вот что учесть: три четверти политсостава формирований укомплектовывается за счет мобилизованных из запаса. На первых порах они будут испытывать большие трудности и нуждаться в помощи. Надо, чтобы рядом с ними были коммунисты, кадровые военные, политбойцы. Надо отбирать людей, расставлять по дивизионам, бронепоездам, бронеплощадкам. Укрепить партийные, комсомольские звенья.

Жорин помолчал, задумавшись.

— Только ты не робей, — сказал он, продолжая разговор, — действуй смелее и решительнее, ориентируйся по обстановке. И

еще вот что, политрук. Фронт приближается. Если понадобится, пошлем в качестве комиссара.

Такой был у нас откровенный разговор.

Скоро в наш полк начали прибывать бронепоезда, которые мы отправили на западную границу за несколько дней до начала войны. И тогда, слушая рассказы фронтовиков, вдумываясь в их тяжкий опыт, можно было более ясно представить, что происходило в первые дни войны, что значило выполнить приказ — задержать противника до подхода главных сил.

Я прочел в «Красной звезде» корреспонденцию Константина Симонова «Части прикрытия». В ней есть такие строки:

«Военный язык лаконичен. В приказе сказано — задержать противника. Но слово «задержать» в нашей армии значит — задержать во что бы то ни стало, слово «драться» в нашей армии значит — драться до последней капли крови.

Части прикрытия — это значит части, которые приняли на себя первый удар врага, первыми прощупали его стратегию, тактику, первыми на ходу, во время боя, научились новым приемам борьбы с ним.

Они задержали врага, они совершали иногда дорого обходившиеся ошибки, они исправляли эти ошибки, накопили новый боевой опыт, которым сегодня и завтра воспользуется вся армия для разгрома врага».

Да, первый боевой опыт бронепоездов имел огромное значение для всех нас. Мы тщательно изучали его, готовясь к новым боям. Но главный вывод вот в чем: бронепоезда в современной войне могут действовать эффективно и наносить тяжелые удары по врагу.

Всем нам казалось, что вот-вот подоспеют к линии фронта резервы и положение стабилизируется. Но в начале июля вернулся в Брянск один из сформированных нами бронепоездов, разбитый и истерзанный. Оказалось, что сражался он под Смоленском. Смоленск горит. Дорогой моему сердцу город, где прошли мои школьные годы, где начал свой трудовой путь.

Древний, славный город Смоленск воюет, он встал на пути фашистских полчищ. И, пожалуй, не было среди нас, политработников, ни одного, кто в эти тяжкие дни мыслями не возвращался в 1812 год, когда там же, на смоленских возвышенностях, велось ожесточенное сражение с наполеоновскими войсками. Видимо, потому в моей фронтовой планшетке вместе с другими вырезками из июльских газет сорок первого сохранилась вот такая цитата из дневника поэта-партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова:

«Огромна наша мать-Россия. Изобилие средств ее дорого уже

стоит многим народам, посягнувшим на ее честь и существование, но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее. Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»

Немецкие самолеты бомбили Брянск. Пришлось отбиваться от фашистских стервятников и нашим бронепоездам.

Километрах в десяти от Брянска, в самой гуще леса, находился штаб Брянского фронта, которым командовал генерал-лейтенант А. И. Еременко. Здесь же и Политуправление фронта. Командир полка майор П. Бончев, начальник штаба капитан А. Проценов, батальонный комиссар И. Жорин и я были вызваны в штаб. Там нам обрисовали положение.

Мелкие подвижные группы партизан в августе сорок первого действовали в районе Жуковки. Немцы выбросили впереди своих наступающих частей парашютный десант с танками, орудиями, минометами и зажали в кольце партизанские группы.

И вот боевой приказ полку: бронепоезду пробиться к партизанам и помочь вырваться из окружения. Бронепоезд повели командир младший лейтенант Кобызев и комиссар политрук Мельников. Комиссар полка решил, что с бронепоездом выеду и я.

— Экипаж сформирован из молодых бойцов, опыта у них нет, — сказал мне Жорин. — Надо помочь политруку Мельникову.

Как и все бойцы и командиры бронепоезда, я аккуратно вложил в левый кармашек брюк маленький железный цилиндрик — с именем, фамилией, группой крови, номером полевой почты.

Около полуночи бронепоезд покинул Брянск. Нас окружал лес. Бронепоезд на тихом ходу шел по фронтовой магистрали. Станции разбиты снарядами. За огородами, за картофельными полями, на опушке леса — фашисты. Из единственно сохранившейся комнаты в здании станции выходит проводник и садится на паровоз.

И вот мы среди партизан — хозяев Брянского леса. Вместе с командиром и комиссаром бронепоезда иду за проводником. Входим в бревенчатую избу. Нас встречает командир группы — мужчина средних лет, гладко выбритый, одетый в военную форму. Глаза его радостно поблескивают.

— В самый раз прибыли, в самый раз. Ну, не будем времени терять. Прошу…

Он показывает на карте расположение противника в лесу. Условились: ночью бронепоезд обстреляет фашистов, наведет панику, а партизаны будут бить их на дорогах.

В полночь, после разведки, бронепоезд выезжает из леса на открытую позицию. Кобызев командует:

— Приготовиться! Огонь!

Снаряды понеслись на немецкие артиллерийские позиции, на скопления вражеских войск. Чтобы уничтожить бронепоезд, враг направил танки, авиацию. Начала обстрел немецкая тяжелая артиллерия.

— Маневрировать! — приказал командир.

Новый взрыв. Запахло порохом, дымом, в ушах зазвенело. Бронепоезд остановился. Люди в бронеплощадке несколько минут сидели в оцепенении. Чей-то котелок метался по настилу, громыхая и прыгая. Я поднял его, положил на санитарные носилки, подошел к телефону.

— Что случилось, командир? — впрочем, никому уже не надо говорить, что случилось, все ясно: — Путь разрушен? Стало быть, так: с ремонтной бригадой пойду я. Согласен? И комиссар пойдет? Ну вот и хорошо.

Всю ночь восстанавливали путь. Пришлось дважды отражать атаки диверсионных групп противника. А под утро немцы предприняли еще одну попытку атаковать ремонтников. Бой был коротким и жестоким. Бронепоездники ударили так неожиданно и с такой отчаянной решимостью, что немцы дрогнули и бросились назад, беспорядочно отстреливаясь.

Только на рассвете бронепоезд двинулся вперед. Я по-прежнему сидел в первой бронеплощадке. Чтобы как-то побороть сон, начал перебирать документы убитого немецкого лейтенанта. С трудом удалось разобрать его письмо какому-то «господину директору»: «Мы сомкнем через Брянск и Тулу за Москвой последнее кольцо вокруг Советов. Вы будете почти удивлены, что я вам все так открыто рассказываю. Но это действительно так, и когда вы получите это письмо, все то, о чем я пишу, станет действительностью».

На какую-то долю секунды перед глазами всплыла картина: офицер лежит, уткнувшись лицом в мох. «Последнее кольцо», — перечитал я. Мы вам, гады, покажем «последнее кольцо».

Сделав свое дело, бронепоезд на полном ходу вырвался из зоны действия немецкого огня. В лесу собрали экипаж и благодарили за смелость, за героизм, беззаветную преданность Родине.

На следующий день к нам в полк, в Брянск, приехал корреспондент фронтовой газеты «На разгром врага» старший политрук Иосиф Уткин. Комиссар полка Жорин тут же переадресовал его мне: он всех журналистов, которые приезжали в полк, старался направить ко мне.

С поэзией Иосифа Уткина я был знаком и любил ее. Его «Повестью о рыжем Мотэле» зачитывались в школе. А о его стихотворении «Гитара» очень много спорили. Мне нравилась уткинская романтика: основу ее составляли суровость и мужество, готовность к подвигу.

Поэта я впервые увидел в году двадцать восьмом, в Москве. Работал я на заводе «Каучук» и готовился к поступлению в Институт стали. Уткин, Жаров и Безыменский, популярные комсомольские поэты, отправились тогда «галопом по Европам» (так они озаглавили свои очерки в «Комсомольской правде»). Гостили в Италии, в Сорренто у А. М. Горького. И, вернувшись в Москву, выступили перед молодежью в Колонном зале Дома Союзов.

После этой встречи я стал частым гостем в литературном отделе «Комсомольской правды», который возглавляли Иосиф Уткин и его помощник Джек Алтаузен. Здесь можно было увидеть Михаила Светлова, Александра Безыменского, Александра Жарова, начинающего Виктора Гусева. И нашего кумира Владимира Маяковского.

И вот — новая встреча с Иосифом Уткиным. На станции Брянск-первый у площадки бронепоезда стоял высокий, с отменной выправкой старший политрук. Из-под козырька офицерской фуражки с красным околышем выбивался на лоб каштановый чуб. Да, это уже был совсем не тот Уткин, который, как говорили в мои школьные годы, был похож на молодого Байрона.

Поздоровались. Уткин спросил:

— Мне батальонный комиссар Жорин сказал, что вы в прошлом журналист, верно?

— Верно.

— Где работали?

— В «Магнитогорском рабочем». А потом был инженером-металлургом.

— В армии по мобилизации?

— Нет. Я в полку с тридцать девятого.

— Значит, войны успели хлебнуть?

— Пришлось.

— Были у партизан, говорят?

— Был.

— Расскажите. Со всеми подробностями — хочу написать для фронтовой газеты.

Я улыбнулся.

— Вы чего улыбаетесь?

— Иосиф Павлович, а ведь я вас раньше видел и слышал, в

Москве, после Европы.

— Вот как, — оживленно сказал Уткин. — Ну, и как?

Вспомнили о литературном отсеке «Комсомольской правды», о жарких литературных спорах, о поэтической публицистике и сатире Владимира Маяковского.

Говорю Уткину:

— Будь другая обстановка, прочел бы отрывки из «Поэмы о рыжем Мотэле». Да, пожалуй, и «Гитару» не забыл.

— Спасибо. Но сегодня нам не до гитар. Давайте о партизанах.

Не думал и не гадал, что буквально через несколько дней вновь, и уже в последний раз, встречу Иосифа Уткина на передовой под городом Почепом. Здесь готовилось наступление — прорыв фронта Гудериана.

Наш бронепоезд прибыл в район Почепа, замаскировались в лесу. Сюда начали подходить части прорыва. В основном там были молодые, необстрелянные солдаты, и поэтому где-то в тайниках души родилась тревога.

Тут-то я и увидел Уткина. Он был в шинели, с вещевым мешком за плечами, с автоматом на ремне. Я спросил его:

— О нашем рейде к партизанам не успели еще написать?

— Нет. Но вот стихотворение о партизанах написал, прочту на митинге.

Митинга никакого не было. Просто в лесу перед бойцами с кратким, горячим словом выступил бригадный комиссар Шлихтер. А в заключение он сказал:

— Товарищи, к вам обращается поэт Иосиф Уткин.

Уткин несколько секунд стоял перед строем в какой-то задумчивости. Потом сказал:

— Бригадный комиссар заявил сейчас, что, мол, выступит поэт Уткин. Хочу добавить, товарищи, что я, как и вы, воин, защитник Родины. И то, что хочу вам сказать перед боем, я выразил стихами…

И он начал читать стихотворение «Уничтожайте их повсюду». Оно было полностью напечатано 28 августа 1941 года во фронтовой газете «На разгром врага»:

Стреляйте с крыш!
Палите в окна!
Садите в фортку!
Бейте в дверь!
Пусть от свинца
повсюду дохнет
Многоголовый этот зверь!

Уничтожайте их повсюду,
Как в дом пробравшихся
клопов!
Крошите грязную посуду
Тупых арийских черепов!
Пусть лес горит!
Пусть пуля свищет!
Пусть гадам дышится
с трудом!
Пока мы к цели
не придем,
Пока от гадов не очищен
Советский край,
родимый дом.

После митинга я подошел к Уткину и спросил:

— Товарищ старший политрук, у вас какие планы? Может, с нами, в огневой налет?

Уткин чуть-чуть помолчал, потом сказал решительно:

— Нет, я с пехотой. Выступал на митинге, призывал к мужеству и стойкости. Стихи им читал. Пойду с ними… Ну, желаю вам удачи.

Мы попрощались и разошлись. Он — к пехоте, а я — к бронепоезду.

Немцы открыли по наступающим ураганный огонь из тяжелых минометов. Наши цепи залегли. Политработники личным примером подняли бойцов в атаку. Одним из первых пошел в атаку Иосиф Уткин. Его тяжело ранило — осколком оторвало три пальца правой руки. Оперировали его в Брянске, сделали протез, и он вернулся в строй. Поэта наградили орденом Красной Звезды. Он погиб в авиационной катастрофе в ноябре 1944 года, возвращаясь из Бухареста. Так оборвалась жизнь удивительного поэта, прекрасного человека и бесстрашного воина.

В начале войны я записал несколько строф его стихотворения, написанного тогда. Вот эти строки о старом партизане:

И хотя борьба трудна,
Но уже далече где-то
В свете пламени видна
И ему и нам победа…

Вернулись в Брянск. На машине еду в расположение полка. Идет дождь, и сквозь пелену, словно впервые, разглядываю город. Промчалось несколько автомашин с красноармейцами, из-под глубоких капюшонов плащ-палаток виднеются темные каски. «Стало быть, едут на фронт», — решаю.

Вот и знакомый мост, носящий имя Игната Фокина — брянского рабочего, погибшего в Октябрьскую революцию. А кругом — разрушенные дома. Да, таким я не знал Брянск.

Немецкий генерал Гудериан бешено рвался в город, мечтая отсюда двинуться и на Москву. На подступах к нему он оставил 500 разбитых танков. Получен приказ: передислоцировать наш полк в Тамбов, чтобы он в более спокойной обстановке мог выполнять свое основное дело — готовить резервы бронепоездников. 25 августа полк в полном составе прибыл в Тамбов и разместился на базе завода.

И еще одна новость: в автобронетанковых частях создаются политотделы. Был создан политотдел и в нашем полку. Начальником назначен старший политрук с редкой фамилией — Жив, его заместителем и секретарем партийной комиссии — я.

Удивительный человек этот Семен Жив. Он был неистов, всему отдавался сполна, ничего не оставляя про запас. Политработа в армии, особенно во время войны, — тяжкий, неустанный труд, и Жив, открытый, прямой, честный, показывал нам пример такого самоотверженного труда.

Он был моим учителем и другом. Я наблюдал его и в боевой обстановке, и в учебной работе. От всего, что он делал, веяло особой подбадривающей силой и энергией.

Вспоминаю свой первый разговор с Живом, уже начальником политотдела.

— Видишь, какое положение, — говорит Жив, — к нам прибыли на пополнение 1-й Киевский Краснознаменный дивизион, 12-й отдельный дивизион, 54-й отдельный Тифлисский бронепоезд… Прибудут через день-два другие дивизионы… — И после долгой паузы сказал: — Всех надо готовить к предстоящим боям. Подбирать политсостав, политбойцов, укреплять партийные организации: лучших, отличившихся в боях, принимать в партию. Надо рассказать бойцам, что они направляются на самые ответственные и трудные участки фронта. Пусть наши люди знают, какое почетное боевое задание они получают. И вот еще что: накапливать, отбирать, изучать боевой опыт.

С этого и началась новая страница моей боевой биографии.

Линкор на колесах

Так лети, бронепоезд,
Ярким пламенем кроясь, —
Враг запомнит удары бойцов.
Вновь орудия к бою!
Вы достойны, герои,
Славы Родины, славы отцов!

Всеволод Азаров

Год сорок второй начинался с больших ожиданий. Красная Армия наступала, громя фашистские полчища на Западном фронте. Пришли радостные вести с юга — десанты в Феодосии и Керчи. Керченский полуостров в наших руках.

Июль сорок второго. В газетах, по радио вновь зазвучало грозное, тяжелое слово: «Выстоять!» И строки приказа: «Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Ни шагу назад!»

Именно в эти дни я должен был явиться в Главное политическое управление Красной Армии. Начальник управления кадров бригадный комиссар Дубинский задал мне несколько вопросов о службе в армии, о семье. Потом сказал:

— Вы назначены военным комиссаром особого 686-го бронепоезда 57-го дивизиона бронепоездов. Отправляйтесь к месту службы сегодня же. Дивизион формируется на Павелецком вокзале. Вопросы есть?

— Есть, товарищ бригадный комиссар. Прошу объяснить, почему дивизион назван особым.

Дубинский улыбнулся.

— Есть причина. Уважительная… Хочу предупредить вот о чем. Впервые получаете на вооружение, кроме обычной, реактивную артиллерию — «катюши». Слыхали?

— Слышал.

— Отлично. Вам доверяется техника первостепенной важности. Это — военная и государственная тайна. Доступ к ней — только для экипажа установок, командира и комиссара. В любых условиях враг не должен получить никаких данных об этом вооружении. И еще: бронепоезду придаются две площадки ПВО с полуавтоматическими пушками. Сила, а? Действуйте, товарищ комиссар, желаю успехов.

…Вот он — «мой бронепоезд», особый, 686-й. Четыре орудия, двенадцать пулеметов, реактивная установка, зенитная пушка —

поистине «Линкор на колесах». Ни я, ни командир бронепоезда капитан Василий Сазонов не только не знали устройство и огневые возможности «катюши», но не были осведомлены о главном — тактике ее использования в бою.

Экипаж «катюши» возглавлял младший лейтенант москвич Юрий Соколов. За три дня до начала войны Соколов окончил артиллерийское училище, затем — гвардейский минометный полк и оттуда на Павелецкий вокзал. Вот и вся биография. Внимательно пригляделся к этому 18-летнему парню и, подчиняясь своему жизненному опыту, определил, что человек он крепкий, надежный, романтик по натуре.

Соколов посвящал меня и Сазонова в тайны «катюши». Внятно и четко говорил:

— Предназначается для уничтожения живой силы и огневых средств противника, расположенных открыто или в легких укрытиях, для уничтожения танков и других мотомеханизированных средств в местах сосредоточения, для подавления ближайших артиллерийских и минометных батарей.

Вопрос Соколову: почему установку назвали «катюшей»?

— Фольклор, — говорит он, скупо улыбаясь. — Наверное, влияние оказала любимая народом песня — вот и закодировали. Возможно, И другое: на первых установках стояла заводская марка — буква «К».

Познакомился я с членами экипажа. Большинство уже участвовало в боях, за плечами — опыт войны. Хотя все были молоды, но пережито столько, что каждому хватило бы на целую жизнь.

Только командир установки Юрий Соколов не нюхал пороха. Но это нисколько не мешало ему в общении с подчиненными. Чувствовал себя уверенно, использовал редкие минуты отдыха для песни, шутки.

— Золотой парень, — сказал я Сазонову о нем. А командир сдержанно ответил:

— Бой покажет.

Несколько месяцев ушло на формирование, подготовку, сплачивание экипажа 686-го особого бронепоезда. Изучали материальную часть, проводили учения.

Перед самым отъездом на фронт был отозван капитан Сазонов. Я считал это большой потерей. Кто заменит умного, сдержанного, имеющего боевой опыт офицера? На его место прибыл молодой офицер старший лейтенант Павел Евликов.

В начале ноября был получен приказ о выезде на Калининский фронт, в состав 3-й ударной армии. Из Москвы на Великие Луки — определила Ставка маршрут армии. Перед 3-й

ударной, в которую входил и наш 57-й особый дивизион бронепоездов, поставлена задача — разгромить великолукскую группировку противника и тем самым создать благоприятные возможности для освобождения республик Советской Прибалтики. Была и другая цель: сковать здесь, на самом западном участке огромного фронта, крупные силы врага и не позволить фашистам снять и перебросить на Сталинградское направление ни одного полка.

Город был окружен нашими дивизиями, зажат железным кольцом. Многочисленная группа немецких войск оказалась отрезанной от своих основных сил. Командир гарнизона барон подполковник фон Засс отклонил предложение о капитуляции. Ведь Гитлер наградил его Железным крестом и посулил переименовать Великие Луки в город Зассенштадт.

Напрочь забыли фашисты историю. Не раз здесь, у этого старинного русского поселения, биты были и ливонские псы-рыцари, и литовские бароны, и польские воеводы. Сколько подвигов в летописи города! Именно за воинскую доблесть и верность Родине городу был пожалован герб: три больших лука на красном поле.

И вот зимой сорок второго года снова у стен города идет ожесточенное сражение. 57-й особый дивизион бронепоездов во взаимодействии с частями 8-го национального Эстонского корпуса буквально прогрызает оборону фашистов. Чем туже наши войска стягивали петлю вокруг блокированного гарнизона, тем ожесточеннее он сопротивлялся. Немцы непрерывно, и с востока, и с запада, контратакуют наши войска, но без всякого успеха.

Боевой приказ: 686-му и 693-му бронепоездам вместе с подразделениями старшего лейтенанта Андреева и младшего лейтенанта Бубнова захватить переезд перед семафором и опорным пунктом в деревне Зеблище.

Наш бронепоезд шел впереди. А сзади, на удалении, действовал тяжелый 693-й, который возглавлял старший лейтенант И. В. Иголкин и комиссар старший политрук В. А. Кунаков.

Я находился в бронеплощадке старшего лейтенанта Ивана Москалева. Тридцатилетний офицер, имеющий немалый фронтовой опыт, командовал уверенно и спокойно. Орудийный расчет старшего сержанта Василия Чугунова действовал четко.

Мысли мои время от времени обращались к человеку, который руководил боем. Как он там — новый командир Евликов.

Бронепоезд шел вперед, ощетинившись орудиями и пулеметами, посылая неистовый огонь по противнику. Делал остановки, уходил в выемки, маскируясь. И я знал, что в эти

минуты телефонист-связист Степан Рогаленко тянет линию к командному пункту командира пехотной дивизии Героя Советского Союза полковника Дьяконова. Уже пятый раз совершает он этот поход. 18-летний паренек, воспитанник дивизиона, рискует жизнью, и сердце мое чувствует щемящую боль.

Передовая — вот она. Издалека все звуки мешались, а здесь уже различаешь, когда строчит пулемет, пролетел снаряд и взорвался рядом глухо. И ракеты видны каждая в отдельности, а не сплошным голубым маревом.

Из-за туч выходило бледное солнце. Пехота залегла: противник не дает поднять голову.

— Сержант Яковлев, — приказывает Москалев, — засеките вражеские огневые точки.

— Есть! — разведчик Яковлев перебирается на верх бронеплощадки.

Меня вызывает по телефону Евликов.

— Пехота просит поддержать ее огнем «катюши». Немцы ведут плотный огонь — надо их прижать. Только вот светает. Риск.

Мне понятно, что скрыто за словом «риск». Стрелять с закрытых позиций — опасно, ведь нашу пехоту от немцев разделяют каких-нибудь полтораста метров, выходить в огневой налет — тоже опасно, так как бронепоезд может встретить шквальный огонь вражеской артиллерии. Нужны быстрота и точность. Говорю Евликову:

— Риск, понятно, есть — и так и этак. Но нет времени долго думать. Что решил, командир?

— Залп «катюши».

— Согласен. Иду к Соколову…

Соколов был спокоен. Тщательно выбрал позицию, доложил Евликову и получил добро. Теперь для него не было ничего важнее, чем точно рассчитать команды. Потом рука легла на рукоятку пульта установки. Поворот — и с рамы «катюши» молнией сорвались снаряды. Что-то могучее и оглушающее загрохотало — к вражеским позициям, исторгая пламя, с ревом устремились мины. Почти в то же мгновение прозвучал оглушительный взрыв. И там, у переезда, ночное небо озарилось пламенем.

Пехота овладела переездом, выбила немцев из деревни Зеблище.

…Военный совет армии возложил на молодых офицеров — лейтенанта И. Смирнова и старшего лейтенанта М. Шишкина задачу: вручить ультиматум о капитуляции Зассу.

Ровно в 14.00 наши войска прекратили огонь. Заговорили радиоустановки:

— Внимание! Внимание! Идут советские парламентеры! Внимание!

Смирнов и Шишкин с белым флагом пошли рядом. Мы видели в бинокль, как немцы завязали им глаза и провели к проволочным заграждениям. Потом мы узнали, что фон Засс заявил: в переговоры не вступает, пакет не принимает. Оставалось одно — штурм.

Уточняли: где же, в каком здании находится штаб фон Засса. Смирнов и Шишкин рассказали: когда с них сняли повязки в штабе начальника гарнизона, на противоположной стороне улицы они увидели дом из темно-красного кирпича. Разведчикам удалось установить точное расположение штаба.

Теперь надо узнать подходы на железнодорожных путях. Оказалось, что путь бронепоездам преградили 16 вагонов. Их решили вывести за семафор. Разведчики сообщили, что некоторые вагоны стоят на земле, скаты врезались в мерзлую землю. А до немецкого дота — метров пятьдесят. Надо скаты откирковать, вагоны поставить на рельсы, и только лишь тогда можно вывести вагоны.

Вместе с командиром бронепоезда идем докладывать командиру дивизиона капитану Б. А. Текучеву. Борис Андреевич встречает нас улыбкой и протягивает бумагу. Это приказ о присвоении мне строевого звания старшего лейтенанта. Институт военных комиссаров, введенный в начале войны, был теперь упразднен. Должность комиссара заменена должностью заместителя командира по политической части. И я теперь — тоже заместитель командира бронепоезда по политической части. Другое воинское звание, но это чисто внешнее различие не меняло сути моей комиссарской деятельности — быть достойным полпредом партии в армии.

Евликов докладывает об итогах разведки, о проклятых 16 вагонах на пути.

— Нужны добровольцы. Трудное и опасное дело.

Обращаюсь к Текучеву:

— Товарищ капитан, разрешите возглавить добровольцев.

— Не разрешаю, — почти резко говорит командир дивизиона. — Нет крайней необходимости.

— Но…

— Никаких «но»! И, пожалуйста, лишний раз не напоминайте мне, что посылаю людей на опасное задание. Иначе начну думать не о выполнении боевого приказа, а о том, что у добровольцев есть отцы и матери, что их ждут. Что сами солдаты — это юноши,

только начинающие жизнь…

Добровольцы нашлись. Ночью ползком добрались до места. Кирками очистили скаты, руками убрали землю с пути. Потом с помощью домкратов поставили на рельсы вагоны.

Вагоны надо было убрать с путей: очистить дорогу к станции. И ведь не простое это дело подобраться к ним бронепоезду в пятидесяти метрах от немецкой артиллерии. Обнаружат — расстреляют в упор, прямой наводкой.

В этой операции многое, очень многое зависело от находчивости, смелости бригады бронепаровоза — старшего машиниста Василия Калина, помощников машиниста Михаила Савоськина и Павла Сафонова. Все они — коммунисты, испытанные в боях, большие мастера своего дела.

Вместе с нами поехал и Текучев. Помощник машиниста освободил с левой стороны паровоза сидение для командира дивизиона. Я — в первой площадке.

С большой осторожностью пробирался бронепоезд. Снег замел пути, на каждом метре могла взорваться мина. Зенитчики на открытых площадках притаились с гранатами и автоматами в руках, готовые отразить неожиданное нападение. Но вот уже в темноте можно различить силуэты вагонов. Помощник командира железнодорожно-восстановительной команды младший сержант А. Думенко ползком пробрался к составу. Вернувшись через несколько минут, доложил:

— Вагоны порожние и на ходу. Попробуем взять все.

Осторожно сцепили бронепоезд с составом и потянули. Раздался скрип и лязг, бронепоезд задрожал, но потом тихо пошел вперед. Какова же была наша досада, когда на разъезде обнаружилось, что вывели всего десять вагонов, шесть остались на путях. Пришлось все начинать сначала.

Бронепоезд идет вперед. Неожиданно взрыв — мина! Меня сильно тряхнуло, ударился затылком о броню. Несколько минут ничего не видел. А когда пришел в себя, бросился к телефону.

— Что? — спросил я, услышав голос Калина.

— Командир дивизиона контужен. Старший лейтенант Евликов ранен.

— Что с паровозом?

— Ставить надо на рельсы. Есть повреждения: оборвало водоприемную трубу. Закрыл тендерный запорный клапан. Надо спешить. Вызвал по рации черный паровоз и восстановительную команду.

Поздно было размышлять, почему прошли вагоны и мина не взорвалась, а сейчас вот сбросила с пути скаты бронепаровоза. Надо срочно принимать меры, чтобы выйти из опасного места.

Немцы уже всполошились, в небе одна за другой взлетали ракеты, затрещали пулеметы, осыпая нас градом пуль. Обнаружив бронепоезд, по-видимому, решили, что это — десант.

Капитан Текучев сидел на снегу — его защищала от вражеских пуль куча угля. Около него хлопотала фельдшер Александра Струк. «Небольшенькая» девушка, она удивительно соответствовала моим представлениям о «сестре милосердия»: добрые глаза, мягкий украинский говор.

— Как капитан? — обращаюсь к ней. На мой вопрос тихо, но внятно ответил сам Текучев:

— Капитан жив. Надо вот что…

И он приказал артиллерийский огонь пока не открывать. Вспышки пламени могут демаскировать нас и служить хорошей целью для противника. Экипажу вооружиться гранатами, автоматами и окапываться по всем правилам обороны.

Все попытки немцев атаковать бронепоезд отбивались шквальным огнем.

Подошел черный паровоз. На руках унесли Евликова. Текучев, контуженный, лежа на плащ-палатке, спокойно руководил боем. Тяжело доставалось восстановительной команде, которую возглавили Думенко и Савоськин. Пришлось лежа вести работы под непрерывным огнем. К счастью, все обошлось, и оставшиеся шесть вагонов вывезены. Путь к железнодорожному узлу свободен.

И снова атака

И кто в каком ни возмужал году,
А получая партбилеты, знали,
Что нам покой не писан на роду, —
Ни льгот, ни выгод никаких не ждали…
Для коммуниста легкой жизни нет.
Готовься не к парадам, а к походам
И помни: ты от самого народа
Сегодня получаешь партбилет.

Александр Яшин

В одной из землянок собралось партийное бюро дивизиона. На повестке дня вопрос: прием в партию командира дивизиона капитана Б. А. Текучева.

На коленях у всех автоматы. Только секретарь партбюро — пожилой, усталый капитан свой автомат прислонил к стенке. Он зачитывает заявление Текучева и рекомендации коммунистов. Почти каждая начинается словами: «Знаю товарища Б. А. Текучева по его участию в боевых действиях…» Коммунисты говорят о героизме и бесстрашии Текучева, о его преданности товарищам.

Текучев, еле-еле оправившийся после контузии, сидел на опрокинутой табуретке у камелька и подбрасывал щепки в огонь. Он открывал дверку, и огонь озарял его суровое, усталое лицо. Говорил спокойным, ровным голосом и только, когда крепкие руки с треском разламывали щепку, чувствовалось его внутреннее волнение.

— Всей душой я с партией. И думал: это безразлично, нахожусь ли формально в ее рядах или нет. Но я ошибался. Понимаю, сейчас в обстановке жестокой борьбы, во время войны, я должен быть в рядах партии. Именно здесь человек будет черпать силу, знания, умение, здесь он закалит свою волю, свой характер. Мне довелось воевать, и я хорошо знаю вдохновляющую силу призыва: «Коммунисты, вперед!»

Текучев был единодушно принят в партию.

…Близился 1943 год. Мы готовились к Новому году. Запаслись даже кое-чем трофейным. Нередко по вечерам, когда

уже темнело, немецкие самолеты на бреющем полете сбрасывали окруженному гарнизону на парашютах боеприпасы и всяческую снедь — тут и датская ветчина, и норвежские консервы, и бельгийский шоколад… Некоторые из этих посылок попадали в наши руки. Было и вино, название которого так и не могли понять. Само собой, постарались наши кулинары — приготовили жареную печенку с картошкой. Бойцам и командирам раздали посылки из тыла.

С радостью необыкновенной и тихой читали письма из дома. Старались читать их в сторонке, не на виду, чтобы болью не задеть сердца тех, кто писем не получил.

Из политотдела прислали листовку, в которой были такие слова:

Не в залах дворцов возле
елок зажженных,
Не в пляске веселой
кружась, —
В морозных окопах, в полях
заснеженных
Мы встретим 12-й час!

И вдруг приказ: бронепоездам выйти в огневой налет, отразить контратаку врага в районе узла. Атаку отбили. Потом начали штурм опорных пунктов вокруг депо. Пехота овладела водонапорной башней, несколькими кирпичными зданиями. Из землянок, блиндажей, дзотов потянулись пленные. Горело депо, какие-то станционные здания. Приступили к делу саперы — началась опасная работа по разминированию.

Бой за железнодорожный узел продолжался еще два дня. И, наконец, узел взят. В плен захвачен начальник гарнизона Засс с 57 офицерами. Только из центра города доносится гул боя: это горстка фашистов, засевших в старинной крепости, продолжала сражаться.

Буквально ворвался к нам в землянку корреспондент «Известий» капитан А. Кузнецов.

— Ну, старший лейтенант, здорово сработано. Мы же все видели. Понимаешь, видели! — быстро говорил он. И вдруг крепко обнял меня, затормошил: — Послушай, обещал детали, подробности — рассказывай… Только не мне одному. На вокзале Александр Фадеев, Борис Полевой, еще кое-кто из наших. Пошли.

Как идти, когда ноги не держат. Да и хлопот немало по бронепоезду. Текучев говорит:

— Сходи на часок.

На вокзале стоял бригадный комиссар Александр Фадеев, высокий, худой, обросший щетиной, в видавшей виды шинели. Борис Полевой, как мне сказали, пошел туда, откуда доносился гул боя, слышна была автоматная трескотня.

Фадеев обращается ко мне:

— Хочется попасть на допрос фон Засса. Поэтому спешу. Прошу, старший лейтенант, расскажите, понимаете, самое существенное. Не о боевых действиях, понимаете, бронепоездников — это в общих чертах нам известно, а о поведении, героизме экипажа… Люди, люди, понимаете. Самое-самое…

Я начал рассказывать. Фадеев слушал, а Кузнецов и корреспондент «Гудка» Марфин быстро записывали, примостившись на каких-то ящиках.

Когда я кончил рассказ, Фадеев задал еще несколько вопросов, уточняя фамилии отличившихся бойцов. А потом неожиданно:

— Вы, старший лейтенант, из каких мест?

— С начала тридцатых годов жил, работал, учился в Магнитке…

— Урал, стало быть. У меня, понимаете, такой к вам вопрос: что в вашем бронепоезде уральское, то есть сделано на Урале?

Я несколько растерялся.

— Знаю твердо: броня — Магнитки, «катюши» — из Челябинска, пушки — уральские. Экипаж — на одну треть с Урала.

Фадеев слушал внимательно, с какой-то тихой радостью, будто рассказывал я ему о чем-то исключительном, очень важном.

— Вот-вот, — весело, с задором сказал он. — Уральская броня, пушки, «катюши». И люди есть с Урала. Какое счастье, что у нас есть такой край… Читали?

Фадеев протянул мне свежий номер «Правды».

— Вот — подчеркнутое.

Это был номер «Правды» за 3 января 1943 года. В передовой статье говорилось, что Урал взял на свои могучие плечи главную тяжесть снабжения Вооруженных Сил нашей Родины. И уральцы выдержали! К старой неувядаемой славе своей прибавили они новую, бессмертную.

Вернул газету Фадееву.

— Нет-нет, возьмите, — сказал он. — Дайте почитать свежую газету своим товарищам. Благодарю вас, старший лейтенант. Передайте броневикам наше журналистское поздравление. Будем, понимаете, писать. До новых встреч.

Он ушел, а Кузнецов и Марфин все еще продолжали терзать

меня вопросами. Наконец я не выдержал:

— Товарищи дорогие, вы же все видели!

О борьбе за узел и наших бронепоездах было написано немало. С. Марфин вскоре прислал мне несколько номеров газеты «Гудок» (за январь 1943 года), в котором были опубликованы его «Письма из Великих Лук. Борьба за узел».

С Кузнецовым я встретился в марте сорок третьего в Ярославле, куда мы прибыли, чтобы отремонтировать материальную часть. Он приехал в депо на небольшой станции Всполье. Принес газеты «Северного рабочего», в которых были опубликованы его корреспонденции — «Бронепоезд». На Всполье я простился с этим чудесным человеком. И только после победы узнал, что Кузнецов погиб за десять месяцев до окончания войны. Он захоронен в братской могиле вместе с фронтовыми друзьями-журналистами Петром Лидовым и Сергеем Струнниковым — они погибли от одной фашистской бомбы.

Александр Фадеев писал в «Правде»: «Нужно представить себе систему укреплений в этом, расположенном на возвышенности городе: минные поля, проволочные заграждения вокруг него, сплошной ливень автоматного, минометного, артиллерийского огня! В таких боях, как бой за Великие Луки, сотни и тысячи людей достигают исключительных вершин духовного подъема и не щадят своей жизни.

…Первой ворвалась на окраину города штурмовая группа во главе с лейтенантом т. Кулагиным. Они забросали гранатами немецкий дзот, яростно строчивший из пулемета по наступающим подразделениям, убили офицера и несколько солдат, и вот первый окраинный дом оказался в их руках. Невиданный подъем овладел их сердцами.

Старший сержант т. Винаговский вытащил из кармана свой красный кисет, распорол его и водрузил на первом занятом доме как знамя.

— Город будет навеки наш! — сказал он торжественно, и четыре его товарища, за ними другие ринулись в глубину города…»

Сделаю небольшое отступление и перенесу место действия на Урал восемь лет спустя.

…В 1951 году, приехав как сотрудник «Челябинского рабочего» в Магнитогорск, я встретил на квартире известного тогда сталевара Владимира Захарова писателя Александра Фадеева. Он очень о многом меня расспрашивал, просил назвать интересных, с моей точки зрения, людей Магнитки.

Потом мы вспоминали бои за Великие Луки.

— Александр Александрович, — обращаюсь к Фадееву, — вы

успели тогда на допрос фон Засса?

— Успел, понимаете. Фон Засс — это рафинированный пруссак. Вышколенный, жестокий, беспощадный. Он все намекал на Гаагскую конвенцию о военнопленных. Требовал ординарца. В общем, сукин сын и палач. Всем, в том числе и Зассу, было ясно, что дальнейшее сопротивление гарнизона бессмысленно. Я спрашивал Засса: «Неужели вы не хотите выступить по радио и передать приказ прекратить сопротивление?» А этот фон-барон отвечает: «Я этого не могу сделать. Защищаться до последнего — приказ фельдмаршала фон Клюге»…

Фадеев долго молчал. О чем он думал, что вспоминал? О том ли, как наш боец прилаживал в Великих Луках красный флаг над освобожденной старой русской крепостью? Или совсем о другом — о задуманном им романе «Черная металлургия», который поглотил сейчас все его мысли? Но я был в тот час благодарен писателю за этот разговор на квартире сталевара.

Вспоминая о штурме Великих Лук, думаю прежде всего вот о чем: я видел человеческие характеры в их высшем проявлении. Воинская доблесть, патриотизм — эти качества наш народ несет из поколения в поколение и в тяжких испытаниях доказал, что нет таких сил, которые могли бы потушить это великое горение. Когда-то в Великих Луках была англичанка Этель Лилиан Войнич, и в ее романе «Оливия Лэтам» описано многое из того, что она видела на берегах Ловати. Не здесь ли родился и образ Овода?

Долг живых

Нет — я говорю вам — в мире стали,
Чтоб народ наш сталью не сломил!
За Россию все мы нынче встали,
Без нее нам свет не будет мил…

Александр Прокофьев

13 января 1945 года войска 3-го Белорусского фронта начали Восточно-Прусскую операцию.

Наша армия ринулась вперед на Кенигсберг. Забудутся ли когда-нибудь эти дни и ночи? Изгладится ли из памяти все то страшное, трагическое…

Навстречу танкам и самоходкам вышли наши люди: отцы и матери, сестры и братья — советские люди, угнанные в рабство на немецкую каторгу. Они выходили из конюшен, подвалов, огороженных колючей проволокой лагерей. Изможденные, со слезами на глазах. Мы встретили девочку, которая показала нам ручонку: на ней было клеймо — пятизначное число. В городке Тапиау к нашим машинам подошла группа украинских девушек из Житомирской области и рассказала о невольничьем рынке в этих местах. Их покупали, как покупают скот на ярмарках.

На окраине местечка Шудиттен, на дороге от скотного двора к барскому дому, стоял столб, к нему была прибита дощечка с надписью по-русски: «Поворот кругом! Русским хода к господину нет».

Наш 13-й гвардейский корпус, с севера обходя столицу Пруссии, нацеливался на порты Фишхаузен и Пиллау, все глубже врезаясь в Земландский полуостров. Бои развернулись с еще большим ожесточением.

…В начале апреля сорок пятого я возвращался из госпиталя после ранения в свою часть, которая стояла под Кенигсбергом. Пристроился на попутный «виллис» и поехал по местам, где зимой шло жестокое сражение. Кое-где на стенах домов, на мостовых и заборах еще сохранились надписи: «Мы победим — с нами бог!», «Будем драться с фанатическим бешенством!». А на стене разрушенной фабрики я прочел: «Убей девять русских».

Шофер рассказывал фронтовые новости. К вечеру, когда до цели осталось километров пятьдесят, машину остановил старший лейтенант-танкист.

— Вы куда, — спросил он, — не в хозяйство Лопатина?

— Так точно! — весело откликнулся шофер. — Садитесь, мигом подбросим. Вы, по всему видать, из медсанбата? Он здесь недалече…

— Да, малость поцарапало, — охотно откликнулся старший лейтенант и полез в машину. — Здравия желаю, товарищ капитан! — поздоровался он со мной. — Старший лейтенант Космодемьянский, следую из медсанбата в хозяйство Лопатина.

— Здравствуйте, старший лейтенант! Стало быть, нам по дороге…

Я присматривался к старшему лейтенанту: «Не брат ли Зои Космодемьянской?» Он был очень молод. Чувствовалась отличная воинская выправка и та внутренняя дисциплина, которая всегда угадывается по мельчайшим деталям.

Мы разговорились. Александр Космодемьянский рассказал, что он действительно брат Зои. Твердо решил мстить фашистам за сестру, за лишения и страдания, нанесенные нашему народу гитлеровцами.

В мае 1942 года он стал курсантом танкового училища. А в сорок третьем, уже будучи командиром танка «КВ», участвовал в разгроме 197-й немецкой пехотной дивизии — той самой, солдаты и офицеры которой в октябре сорок первого в деревне Петрищево истязали Зою.

В феврале сорок пятого года самоходный артиллерийский полк получил в Челябинске прямо с завода эшелон «тяжелых дредноутов» — СУ-152. Командиром одной машины был старший лейтенант Космодемьянский. Военные дороги привели в Литву, здесь он был ранен, награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени. А в боях в Восточной Пруссии вновь был ранен. Космодемьянский, к его огорчению, не попал в свою часть. Старшего лейтенанта назначили командиром самоходной установки 350-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерииского полка…

Вернувшись в полк, я не застал многих командиров, бойцов, друзей — сказались февральские и мартовские бои. На переднем крае — затишье. Шли дожди, стояли туманы. Но это затишье было кажущимся. Шла тщательная разведка. В результате полностью изучена вся система обороны противника.

Гитлеровцы соорудили вокруг Кенигсберга три оборонительные позиции с дотами и противотанковыми препятствиями. Первая — несколько полос сплошных заграждений и минных полей, на ней находилось 24 мощных форта, в каждом из которых размещался многочисленный гарнизон. По городским окраинам проходила вторая позиция,

включавшая в себя подготовленные к обороне каменные здания, мощные баррикады и долговременные железобетонные огневые точки. Наконец, третью позицию, опоясывавшую центральную часть города, составляли толстостенные бастионы, равелины и башни. В самом центре — старинная цитадель, окруженная рвами, которую обороняли несколько тысяч эсэсовцев. Гарнизон крепости Кенигсберг, комендантом которой был опытный гитлеровский военачальник генерал Отто Лаш, насчитывал 130 тысяч человек, 4000 орудий и минометов, более ста танков и штурмовых орудий, 170 самолетов.

В полк прислали разведывательные схемы с точно нанесенными целями, перспективные фотопанорамы, схемы фортов, дотов и дзотов с их подробным описанием. У комбатов был план Кенигсберга с наименованием улиц, номерами кварталов и целей. Мы все это тщательно изучали, используя для тренировок захваченные противотанковые рвы, доты и траншеи.

Был построен макет Кенигсбергской крепости с изображением всей системы обороны, со световой имитацией артиллерии, пулеметов. Под руководством штаба армии все офицеры знакомились с макетом и держали экзамен на правильность уяснения обороны противника и своих задач.

На одной из таких тренировок я вновь встретился с Александром Космодемьянским.

— Гутен морген, товарищ капитан, — весело сказал старший лейтенант, подходя ко мне. — Вот и опять свиделись. Пока перекур — выйдем на волю, а?

Мы вышли из землянки. Ох, как солнечен, мягок был этот апрельский день! И такая кругом неправдоподобная тишина, такое чудовищное молчание. Будто и не было войны и этой зловещей крепости, которую не сегодня, так завтра возьмем штурмом.

— Как самочувствие, старший лейтенант?

— Скорее бы в дело, — ответил, вдруг нахмурившись, Космодемьянский. — Получил от матери письмо, и каждое слово жжет душу.

Мы разговорились — кто, откуда. Я говорил о том, как строили Магнитку, как учились, работали. Потом — как воевал.

— И под Москвой?

— Пришлось. На Можайском направлении. В тех местах, где погибла Зоя.

Саша рассказал, что он моложе Зои почти на два года, но в школу пошли вместе и девять лет просидели за одной партой — ученики 201-й московской школы. Жили они в маленькой комнате в доме № 7 по Александровскому проезду. После смерти

отца трудно было. Мать — учительница, достаток небольшой. А тут — война.

И вот газета «Правда» от 27 января 1942 года. На третьей странице — очерк Петра Лидова «Таня» и здесь же — фотография погибшей девушки…

— Прибежали ко мне домой товарищи, показывают снимок… Смотри, говорят, какая же это Таня! Не Таня, а Зоя… Не знаю, как сердце мое не разорвалось. Я так любил сестру — добрую, умную, серьезную. Простившись с матерью перед уходом на фронт, она вписала в свою книжечку слова Салтыкова-Щедрина: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России…» Видите, товарищ капитан, я их помню, как слова присяги.

Космодемьянский помолчал, задумался. Потом добавил:

— Скорее бы в дело… Что война кончится, ясно. Но не завтра кончится, еще крови польется ой-ой сколько. Вон какая махина перед нами. Ничего, одолеем, разгрызем и этот орешек. Очень хочется мне на стене форта «Королева Луиза» написать: «Отомстим за Зою!» Вот только эти три слова.

Разговор со старшим лейтенантом Александром Космодемьянским взволновал меня. Я вспомнил его во всех деталях чуть-чуть позже. И вот при каких обстоятельствах.

Мы должны были, овладев фортами, врезаться острым клином в предместья, выйти к северному вокзалу и ринуться в городские кварталы на соединение с 11-й гвардейской армией, наступавшей с юго-востока. Встреча атакующих дивизий — у городской цитадели.

День выдался туманный, сумрачный. Замаскированные на исходных позициях, готовые к броску, стояли наши машины, залегла пехота.

Десять ноль-ноль! Тысячи снарядов, мин и бомб обрушились на Кенигсберг. В воздухе стоял сплошной гул моторов сотен самолетов. Иногда казалось, что канонада утихает, но через несколько секунд смерч огня и стали становился еще более мощным. Три часа продолжалось это огненное кипение. Артиллерия прокладывала путь пехоте и танкам.

Вместе со штурмовым отрядом старшего лейтенанта Осина мы двинулись вперед. Шли стрелковые подразделения, пушки, танки, самоходки, подрывники-саперы. Каждый делал свое дело.

6 апреля 1945 года начался стремительный и мощный штурм звериного логова фашизма, которое Гитлер объявил лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа».

Почти одновременно взвились ракеты и принят радиосигнал

атаки. Моторы заведены, маскировка снята. Передаю своей батарее: «Внимание, делай, как я!» Самые тяжелые секунды — перед атакой — прошли, и теперь наступили минуты, часы, а может быть, и дни привычной боевой работы, полной напряжения воли, физических сил, риска, расчета, отваги, храбрости и умения.

Войска первого эшелона 13-го гвардейского корпуса почти на всем фронте наступления преодолевали соединявший форты противотанковый ров. Только форт № 5а оставался в руках неприятеля.

Ударили прямо по форту. Гарнизон яростно огрызался. Гвардейцы падали на землю, обливаясь кровью. И вдруг появляется самоходная артиллерийская установка, на ней — группа солдат, одетых в прорезиненные костюмы. Командир самоходки открывает люк и дает знак саперам: «Вперед!» Я тут же узнал его — это был комбат-1 нашего полка мой друг Иван Александрович Патрушев. Тракторист из Кировской области, храбрый и мужественный офицер, коммунист Патрушев был удивительно изобретателен и смел. Саперы пытались навести штурмовые мостики, а мы, самоходчики, прикрывали их огнем. Подошли «тридцатьчетверки», и огонь по форту стал ураганным.

Смотрю: стоит танк, катки разнесло снарядом, гусеница расстелилась дорожкой. На борту — высокий, крепкий молодой танкист без шлема, с забинтованной головой, заляпанный пластами липкой грязи. Стоит во весь свой могучий рост и что-то чинит. Подъехал к танку вплотную, кричу танкисту:

— Тебе что, жизнь надоела!

Танкист — ожесточенный, потный — посмотрел на меня, сказал:

— Димка Карпета всех фашистов переживет! Мы, магнитогорские, из стали отлиты. За здорово живешь нас не возьмешь.

Я только и запомнил его гордое: «Мы, магнитогорские!»

Самоходки, забрав десант, ринулись вперед, за ними — вся штурмовая группа.

Форт был зажат железным кольцом. Но гарнизон, укрывшись внутри главного сооружения, продолжал сопротивление.

Командир 87-й гвардейской дивизии генерал-майор К. Я. Тымчик через парламентеров послал гарнизону ультиматум: «Коменданту форта. Русское командование предлагает вам сложить оружие и вместе с гарнизоном сдаться в плен. Если вы добровольно сдадитесь, командование Красной Армии гарантирует вам полную безопасность. До окончания войны вы останетесь в русском плену. После этого вы вернетесь на Родину.

Личная собственность солдат гарнизона будет сохранена…»

Ровно в 3 часа 7 апреля опустились подъемные мосты, заскрипели железные ворота, и с поднятыми руками один за другим вышли 192 немецких солдата и пять офицеров.

На следующий день штурмовали форт «Королева Луиза» — вытянутый по фронту пятиугольник, обнесенный земляным валом в семь метров. Окружен рвом глубиной до пяти и шириной в 30 метров. Боевое покрытие кирпичное в три метра толщины, с земляной подушкой в пять метров.

И вот под огнем наведены штурмовые мостики. Из укрытия вырвалась тяжелая самоходка. Экипаж прямым выстрелом своего орудия выбил ворота форта и первым ворвался во внутренний двор. Командовал самоходкой Александр Космодемьянский. А вскоре на стене форта, у самых ворот, появилась надпись, выведенная мелом: «Отомстим за Зою!»

Бой не затих. Нам было дано время только на заправку горючим и боеприпасами. Командир полка привез весть, что вражеская оборона прорвана и сейчас наступает ответственный момент уличных боев.

— Комкор просил меня передать всем экипажам благодарность за отвагу и мужество и поручил представить отличившихся к награде.

Действовали штурмовые группы, атакуя каждый дом, каждую улицу, каждую площадь. Тяжелые бомбардировщики и штурмовики до поздней ночи не покидали небо. Город горел, и черные клубы дыма вырывались из многоэтажных каменных домов. То там, то здесь появлялись группы немцев — с поднятыми руками, трусливо оглядываясь, брели в плен.

Иван Патрушев со своей батареей первым ворвался на окраину города. Действуя смело и решительно, отразил контратаку противника. Его ранило, но Патрушев продолжал руководить батареей. Когда немцы подбили машину, лейтенант с автоматом в руках продолжал отбивать вражеские контратаки.

Так дрались самоходчики!

Выбив немцев из одного городского квартала в районе цитадели, мы неожиданно выскочили на площадь. Перед глазами высились стены средневекового замка. У круглой полуразрушенной башни — бронзовый памятник кайзеру Вильгельму I, а немного поодаль — памятник канцлеру Бисмарку. Кто-то уже успел мелом на черном полированном мраморе пьедестала написать: «Взят в плен гвардейцами подполковника Рубцова 9.IV.1945 г.»

Через несколько часов мы обнимали и пожимали руки гвардейцам 1-й гвардейской дивизии полковника

П. Ф. Толстикова. Наши самолеты сбрасывали листовки с обращением маршала А. М. Василевского к немцам с требованием о капитуляции.

В 21 час 30 минут 9 апреля пал последний очаг сопротивления в районе бассейна Обер Тайх. Сдался в плен комендант Кенигсбергской крепости Отто Лаш. Советские войска захватили 92 тысячи пленных, 3,7 тысячи орудий и минометов, 128 самолетов, 90 танков… Гитлер в бессильной ярости заочно приговорил Лаша к смертной казни.

Столица нашей Родины салютовала героям штурма Кенигсберга 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Была учреждена медаль «За взятие Кенигсберга».

…Несколько дней спустя, уже за Кенигсбергом, в весеннем лесу отличившимся солдатам и офицерам вручали ордена. И. А. Патрушеву присвоено звание Героя Советского Союза. Я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Тогда же мы узнали, что пал смертью героя Александр Космодемьянский. Армейская газета «Защитник Отечества» сообщала подробности.

В письме матери героя Л. Т. Космодемьянской командир полка писал: «Вы отдали Родине самое дорогое, что имели, — своих детей. Война и смерть — неотделимы, но тем тяжелее переносить каждую смерть накануне нашей Победы».

…Я очень обрадовался, увидев идущего по лесу Дмитрия Карпету — того самого танкиста, которого встретил во время штурма форта. На его груди был орден Красной Звезды. Он шел по лесу, гордо неся свое крупное, могучее тело, улыбаясь, возбужденный свершившейся радостью.

— Сержант! — окликнул я Карпету.

— Слушаю, товарищ капитан… Здравия желаю! Я вас сразу признал.

— Поздравляю с наградой. Читал о вас в армейской газете. Знай наших, магнитогорцев!

Карпета обрадовался:

— И вы из Магнитки?

— Оттуда… Садитесь, сержант.

Мы сидели на поваленной, истерзанной осколками и пулями сосне и беседовали. Карпета рассказывал о своей нелегкой, несмотря на молодые годы, жизни. Приехал с отцом в Магнитогорск из Кустанайской области, поступил в 13-е ремесленное училище, а в сорок втором — в доменный цех. И тут все как-то пошло у Димы «наперекосяк». Затем — фронт.

— О войне грустно рассказывать, товарищ капитан. И больно… — сержант глубоко вздохнул, помолчал. — Про войну

что сказать? Вы ее и сами хорошо знаете. Тут надо или очень долго или совсем коротко. Воевал в Польше, потом здесь, в Восточной Пруссии. Изменила меня война, всю душу перевернула. Здесь понял главное: для чего стоит жить и что такое настоящая жизнь. Увидел и дружбу настоящую… — Потом добавил доверительно: — Я, товарищ капитан, вот о чем думаю: как там наши, в тылу? Туго им, ох, туго! Магнитка броню катает — надо же! Танки кто нам дает? Рабочий класс. Воюю и помню, кто нам победу обеспечивает. Эх, жаль — времени в обрез, договорить некогда! Ну, ладно, живы будем — договорим, товарищ капитан.

Договорили мы с Дмитрием Ивановичем Карпетой ровно через тридцать лет. В начале апреля 1975 года я был в Магнитогорске, созвонился с ним и приехал к нему на квартиру.

Карпета открыт и приветлив, радушен. Ему — пятьдесят, но мне кажется, что передо мной все тот же могучий парень на танке у форта № 5а в Кенигсберге.

Карпета рассказывает, что было дальше. После окончания войны вернулся в Магнитогорск, пошел работать в доменный цех — начал с четвертого горнового.

— И знаете, повезло мне, страшно повезло, — говорит Карпета. — Мастером на доменной печи, где я работал, был Николай Ильич Савичев. Знали его, наверное. Он в этих местах родился, вырос, стал известным человеком, Героем. Первый магнитогорский чугун выдавал. Маленький, сухонький, со спины посмотришь — мальчишка. А сколько в человеке этом было силы, выдержки! Сколько доброты и терпения! Из-за этой доброты и терпения я к нему привязался. А может, потому, что и он, Савичев, фронтовиком был, примерно по тем же дорогам прошел, что и я. Полюбил я его. Савичевскую школу прошел. Так что по всем приметам я в счастливой сорочке родился. И на войне не сгинул, и сейчас не в хвосте плетусь.

Карпета работал тогда мастером, был парторгом бригады. Заговорили о том, как идут дела в цехе.

— Гордые у нас дела: обязательства свои перевыполняем, настроение хорошее. — Карпета помолчал, походил по комнате. — Все, о чем тогда мечтали, — все сбылось. Но есть у нас, пришедших с войны, долг живых. Долг перед павшими. Нам нельзя успокаиваться. Немало такого, с чем совесть мириться не может. Еще очень многое сделать надо — для страны, для народа. Вот я и говорю: долг живых…

Простившись с Карпетой, я шел по залитому вечерними огнями проспекту Металлургов. Вдали, за заводским прудом, угадывались очертания домен, заводских корпусов. Шел и думал

о словах Карпеты: долг живых! До чего просто и точно сказано. Ведь есть же у всех нас долг перед людьми, не услышавшими салюта Победы.

В. В. Ясиновский
СВЯТАЯ ЯРОСТЬ

Виктор Васильевич Ясиновский, окончив в 1943 году Орловское бронетанковое училище, был направлен в Челябинскую танковую бригаду Уральского добровольческого танкового корпуса. Командовал танковым взводом, танковой ротой. Дошел до Берлина.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими, в том числе чехословацкой «За храбрость», польской «За Одре-Нейсе-Балтик» и ГДР «За содружество».

После войны служил в Группе советских войск в Германии. Ныне гвардии полковник в отставке В. В. Ясиновский живет в Челябинске.

В первых числах марта 1943 года выпускники Орловского бронетанкового училища имени М. В. Фрунзе, — находилось оно в Дегтярске Свердловской области, — ждали направления на фронт. Вскоре стало известно, что формируется добровольческий Уральский танковый корпус — создавали его уральцы на свои средства. Нужны командиры.

Курсантов направили кого в Пермь, кого в Свердловск. Меня с друзьями Михаилом Акиньшиным, Иваном Пупковым, Михаилом Коротеевым и другими — в Челябинск.

Сегодня мы знаем, что гвардейская Челябинская добровольческая танковая бригада прошла 3800 километров по дорогам войны, из них 2000 с боями, без отступления, без поражения — только вперед! Только вперед! Сокрушали Берлин, освободили Прагу. Тогда мы этого еще не знали. Но каждый знал, что с честью пройдем через огонь войны, выдержим все испытания. Каждый верил в победу.

В Челябинске я принял танковый взвод второго батальона, но ни танков, ни экипажей еще не было.

Помню, поехали с Мишей Акиньшиным (и еще кто-то из офицеров был) на ЧГРЭС подбирать экипажи. Добровольцев десятки, сотни. Какое желание было у людей бить врага!

Мы были уверены, что наша танковая бригада станет мощной боевой единицей. Иной она не могла быть! К этому обязывало само наименование соединения — Особый добровольческий

Уральский танковый корпус. С каким самопожертвованием вносили челябинцы свои скромные средства на вооружение и снаряжение бригады! Сколько вкладывали душевного тепла и надежды! С каким упорством создавали сверх плана на своих рабочих местах все необходимое для добровольцев. Но главная трудность — танков не хватало. Танки получали с завода, выпущенные из сэкономленного металла в нерабочее время, а рабочий день тогда длился 12 часов. И люди оставались после работы.

У каждого подразделения были шефы, у нашей роты — кондитерская фабрика. Шефы приходили каждое воскресенье, приносили подарки. Первые дни солдаты ходили в своей одежде. Однажды после бани выдали новенькое, только что сшитое в мастерских обмундирование. Мы радовались, как дети.

Учеба шла напряженная, днем и ночью, по 15—16 часов. Саперное дело, строевая подготовка, вождение боевой машины. Воины бригады учились с большим желанием.

В день первомайского праздника добровольцы принимали присягу, а в июне бригаду провожали на фронт. Меня, Михаила Акиньшина, Павла Бучковского оставили на заводе: надо было получить еще танки. Работали на конвейере, испытывали машины. Недели через три выехали к своим в Подмосковье. Везли танки и три вагона продуктов.

Боевой путь добровольцев начался от деревни Борилово. Этот первый бой Челябинской танковой бригады на Орловско-Курской дуге — одном из самых грандиозных сражений Великой Отечественной войны — описан в книге «Огненные версты» комбригом М. Г. Фомичевым, да и в других воспоминаниях.

Сорок лет прошло с тех пор! Сколько потом было боев, однажды одиннадцать раз за день ходили в атаку, разве каждую упомнишь! А бой у Борилово помнится до мелочей, будто вчера происходило. Суровым было наше боевое крещение.

Мой взвод находился на правом фланге. Это значило идти вперед и прикрывать батальон. Один танк назывался «Челябинский пионер». За право воевать на этой машине в бригаде шло соревнование. Победителем вышел экипаж Павла Бучковского. Павел — комсорг батальона. Механик-водитель у него златоустовец Василий Агапов, награжденный орденом Красного Знамени за бои на Хасане. Исключительно сильный был экипаж.

На третьем танке командир тоже товарищ по училищу абазинец Псху Али, весельчак, всеобщий любимец.

Шли боевым порядком по полю, по высокой и густой ржи. Мой танк выбрался на бугор — вдали Борилово. Осмотрелись —

впереди, слева, вражеская пушка. Развернули башню, врезал пару снарядов и своим глазам не поверил — пушки как не бывало. Не деревянного макета, а настоящей, вражеской пушки не стало. Значит, можем воевать!

Потом из пулеметов косили пехоту, утюжили вражеские окопы. На нашем фланге наметился успех. Вышли к реке. Какая глубина, как переходить — не знали. Прошли вдоль с километр. Вижу — в воду идет колея, место наезжено — значит, пройдем! Перебрались на другой берег, река там делает поворот. Опять вдоль реки. Справа насыпь, ее бы осмотреть — не догадались. Оттуда нас и подбили. Порвали гусеницу. В болотистом месте танк осел глубоко и сильно накренился влево.

Передал по рации приказ Бучковскому и Псху Али: «Обойти насыпь! Продолжать наступление!» — а сами осматриваемся. Заметили наверху солдатские каски. Мотором башню не развернуть — танк на боку, развернули вручную, обстреляли насыпь.

От немцев танк на расстоянии выстрела. Мы для них хорошая мишень. Очевидно, у гитлеровцев не было противотанковых средств, иначе с нами бы разделались. Несколько раз они пытались подползти и забросать нас гранатами, но всякий раз безуспешно. Мы вытащили револьверные заглушки, в отверстия вставили пулемет и автомат и зорко следили за подступами к машине. На насыпь посылали снаряды. По броне танка постоянно тюкали пули.

Где находятся наши? Через маломощную рацию не могли с ними связаться. В наушниках писк, шум, треск и бесконечные позывные. Приказы, команды, русская речь, немецкая. Стало темнеть. Заряжающий Георгий Яковлев говорит:

— Командир, танк надо охранять!

Открыли люк, Яковлев положил диски за башню, стал вытаскивать пулемет и осел, обмяк, выпустил из рук оружие. Мертвого Яковлева втащили в танк.

Место заряжающего занял радист. Через оптический прибор я стал искать, откуда был выстрел. Видимость плохая, сумерки, но все-таки удалось разглядеть под одиноким деревом метрах в трехстах справа, сзади, окопчик и на бруствере три каски. Для маскировки. Там и сидел снайпер.

Потихоньку стал разворачивать башню. Радист свернул с осколочного снаряда колпачок, зарядил пушку. Как ни медленно разворачивали орудие, фашист все-таки заметил, нервы его не выдержали, он выскочил и бросился наутек. Снаряд разорвался прямо над ним. Получай, гад!

Всю ночь через каждые пять-семь минут мы вели огонь в

разных направлениях. В танке создалась большая загазованность. К утру — светало рано — стрельба прекратилась. Замышляют что-нибудь? Потом увидели, что в сторону деревни движутся какие-то фигурки. И не наши и не гитлеровцы. Механик-водитель догадался:

— Жители в деревню возвращаются!

Открыли люк, вылезли. Георгия Яковлева похоронили под деревом. Поклялись отомстить. Яковлеву еще и тридцати лет не исполнилось, был он из Челябинска, работал председателем завкома профсоюза ЧГРЭС. Прошли по насыпи. Раненых и мертвых немцы унесли с собой, но по всему было видно, что потери враг понес немалые. Советский танк делал свое дело.

Соединили гусеницу и начали буксовать. Привязали бревна — полетела коробка передач. Потом пришла ремонтная летучка. Оказывается, бригада ушла вперед, на Злынь. А когда догнали своих, услышали горькое сообщение: оба экипажа нашего взвода Псху Али и Павла Бучковского погибли.

Танк Бучковского уничтожил три вражеские пушки, два пулемета, десятки гитлеровцев. В разгар боя влетел в воронку и застрял. Окружили фашисты, предлагали сдаться, обещали сохранить жизнь, но экипаж отстреливался до конца.

После боя у обгоревшего остова машины нашли пистолет с запиской в стволе. Бучковский просил передать челябинским пионерам, что воинский долг экипаж выполнил, просил отомстить за них.

Танк Псху Али подорвался на мине. Позже вновь полученному танку дали название «Псху Али», но он вскоре сгорел. Больше имена людей давать танкам не стали.

В том первом бою бригада понесла большие потери. Никогда потом таких потерь не было. У Борилово каждый отвоеванный метр — это проволочное заграждение, минное поле, глубокий овраг. Нелегко было наступать на Орловской земле, за два года оккупации немцы создали мощные оборонительные полосы и рубежи. За поражение под Москвой и разгром в Сталинграде они намеревались взять реванш.

У нас было огромное священное желание бить врага, но боевого опыта еще не было. И все-таки бригада поставленную командованием задачу выполнила. Мы на деле показали свою верность и преданность Родине.

На следующую ночь заняли оборону на западной окраине Злыни. Позиции выбрали правильно, хорошо окопались. Там, под Злынью, мы были одни, наша бригада вырвалась вперед.

Утром артобстрел по нам, «юнкерсы» сверху, и на позиции поползли «тигры» — новый тяжелый танк фашистов, за ними

средние танки с десантом.

Первоначальный замысел врага прорвать оборону на стыке батальонов не удался. Не пропустила противотанковая батарея старшего лейтенанта Шабашева. Несколько хваленых «тигров» превратилось в зловещие костры, остальные отошли назад. И снова атака. Не знаю, то ли вслух, то ли про себя, я твердил: «Ну что ж, гады, идите! Идите! Мы вас встретим!»

У меня погиб на фронте старший брат, погиб отец. Коммунист с 1929 года, один из первых председателей коммун на Ростовщине. Он был комиссаром партизанского отряда на Кубани. Я воевал за них. И за товарищей — Павла Бучковского, Псху Али, Георгия Яковлева.

Сколько в тот день ни контратаковали нас фашисты, с позиций не сбили. Мы получили благодарность от командира корпуса и от командующего 4-й танковой армии, в которую входил Уральский добровольческий танковый корпус.

Командиром тогда был генерал-лейтенант танковых войск Василий Михайлович Баданов, ветеран первой мировой и гражданской войн. Его благодарность для нас — большая честь!

За те бои бригада была удостоена гвардейского звания. Вот что написали потом добровольцы трудящимся Челябинской области: «Мы участвовали в великом летнем сражении под Орлом и Брянском. В этих боях мы завоевали большую честь Советского правительства и Наркома обороны — нам присвоено звание гвардейцев. Сейчас мы воюем под знаменем, на котором изображен великий Ленин. Это знамя мы с честью несем на поле битвы за Советскую Родину».

Был я командиром танка комбрига Михаила Георгиевича Фомичева, ныне он генерал-лейтенант в отставке, дважды Герой Советского Союза. Случалось бывать с ним и в уличных боях, жечь гитлеровские «пантеры», крушить вражескую технику. Подрывались на мине.

Бригада тогда вступила в бой за село Старомищизна на Украине. Фомичеву надо было срочно связаться с командным пунктом взаимодействующей стрелковой дивизии. И вот возвращаемся в бригаду. День был ясный. Видели, что в небе кружила «рама». Потом появились бомбардировщики. Я насчитал их десятка три. Заходят для бомбометания.

Фомичев торопил, для командира неизвестность хуже всего. У обочины дороги увидели разбитые санитарные машины. «Все погибли!» — молнией пронеслось в мозгу. Поодаль стояли палатки и люди около них. Отлегло от сердца: успела медицина выгрузиться до налета фашистских стервятников.

А навстречу понуро тянулись пленные, отходили в сторону,

уступали танку дорогу.

— Не тот стал немец! Не тот! Не похож на оголтелого, образца сорок первого года! — сказал Фомичев.

Иные фашисты отваживались приветствовать, махали руками. Фомичев в книге «Огненные версты» написал, будто бы я крикнул: «Ниже головы, гады!» Может, и крикнул, сейчас не помню.

В штабе бригады в деревне Сороки долго не задержались: нужно было ехать в батальон. На броню сели начальник политотдела бригады М. А. Богомолов, старшина с мешком продуктов.

Сороки и деревня, за которую шел бой, на возвышенностях. Между ними низина и ручей. Грязь непролазная, горючее доставляли самолеты. Застрять даже на танке проще простого. Спускаемся в низину, а по нам фашисты из орудия. Фомичев приказывает: «Быстрее! Быстрее!» Надо проскочить простреливаемый участок, укрыться за склоном.

Вижу мостик через ручей и на нем четкие следы гусениц. Думаю: какой-то батальон здесь перебрался. Но едва танк вполз на мостик — оглушительный взрыв. На миг потерял сознание, а когда пришел в себя, соскочил с танка, смотрю: где комбриг? Фомичев в трясине, рука у него в крови. Без фуражки. Богомолов, старшина тоже в трясине. С брони всех разбросало. Механик-водитель и стрелок-радист убиты.

…Получен приказ — идти на Львов. Наша бригада в передовом отряде корпуса.

По бездорожью, сминая лесные завалы, небольшие вражеские заслоны, — это был неожиданный и смелый маневр, — через трое суток вышли на южную окраину Львова. Раннее утро 21 июля. Не давая возможности врагу разобраться, откуда и какие силы русских войск прорвались, вступили в уличные бои.

Фомичев показал на двухэтажное здание:

— Там будет штаб бригады!

При штабе кроме танка комбрига еще две машины: одна со знаменем бригады, другая с штабной рацией. Они в моем подчинении, надо их укрыть, организовать охрану, а Фомичев уже торопит: скорее в бой. Мчимся в батальоны. Мое дело башню крути, чтоб хоть люком прикрыть командира — пули вокруг свистят. А он то и дело: «А ну, Ясиновский, пару снарядов туда!.. Сюда!.. Обходи левее!.. Давай прямо!»

Трудные были бои в Львове: узкие улицы, танкам негде развернуться. От танкистов требовалось особое мастерство ведения ближнего боя. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись. Мы несли потери и в технике, и в людях.

Шли бои на улицах Львова, а в это время вражеская

группировка, вырвавшаяся из окружения в местечке Броды, отрезала бригаду от своих. И двое суток не только подкрепления, связи с корпусом не было. Корпусные разведчики не могли пробиться в город.

О тех днях мы часто вспоминаем с моей женой Анной Ивановной. Была она в медсанвзводе нашей бригады, тоже доброволец. Фельдшер Аня Худякова.

Медсанвзвод расположился на окраине Львова в огромных печах старого кирпичного завода. Толком не успели и мало-мальски оборудовать перевязочную, как стали поступать раненые. Их приносили на руках, привозили на машинах, на танках. Пулевые ранения, осколочные, ожоги.

В медсанвзводе три врача, фельдшера, медсестры — всего тринадцать человек. Надо бы раненых, после оказания первой помощи, отправить в госпиталь, а в окружении о каком госпитале можно думать. Скоро раненых стало не на что класть, кончились простыни, а вокруг красная кирпичная пыль лежит толстым слоем. В ближних домах собирали подушки, одеяла. Последнее отдавали жители.

Кончились медикаменты, перевязочный материал. Аня с Тоней Загайновой пошли искать здание, где располагался немецкий госпиталь. Нашли. Там на кроватях, на полу валялись пристреленные своими же немецкие раненые.

Семь суток шел бой в городе, семь суток девушки не знали ни дня ни ночи. У Тони Загайновой на руках появились мозоли от шприца.

…По желанию трудящихся Львова в городе на высоком постаменте установлен танк. А на своих собраниях рабочие, служащие приняли письмо и послали его на Урал. Очень памятно и дорого нам, добровольцам, это обращение. Вот несколько выдержек из него: «Дорогие товарищи уральцы! С большой радостью сообщаем вам, что уральские гвардейцы-добровольцы первыми ворвались в город Львов. Это вашими танками и самоходными орудиями, пушками и минометами уничтожали гитлеровцев на улицах Львова уральцы-танкисты…

Мы гордимся гвардейцами, героями-воинами.

Мы гордимся уральцами-богатырями труда, кующими грозное и могучее оружие. В первых сообщениях по радио, в первых газетах, дошедших до нас в дни освобождения, мы услышали ваше слово к Государственному Комитету Обороны — ваш полугодовой рапорт об успехах промышленности области. Так предстала перед нами великая сила — сила советского народа, неразрывная и несокрушимая связь тыла и фронта».

Правительство высоко оценило боевые заслуги танкистов.

Многие воины были удостоены звания Героя Советского Союза. Присвоили это высокое звание и комбригу Фомичеву.

Его вызвали в штаб армии, а я в это время был переведен в батальон. Фомичев был недоволен, однако не отозвал. Наверно, понимал молодого офицера. Хотелось мне быть рядом с боевыми товарищами. Мне тогда перед Аней было стыдно, что я не в первом ряду!

Однажды, было это в Германии, — тогда делали броски по семьдесят-сто километров в сутки, — шли колонной, передают приказ:

— Ясиновский! Вместе со взводом к комбригу!

Выехали в голову колонны. Фомичев стоял у своего танка, ждал. Я спрыгнул, подошел, доложил как полагается. Он провел меня метров на пятьдесят вперед, показал на колючую проволоку в три ряда.

— Заминировано фугасами. Саперов ждать некогда. Первым пойдешь со своим взводом!

В таких случаях командиры говорят: «Пройдешь — будет награда! Не пройдешь — вечная слава!» Если Фомичев решил пожертвовать танковым взводом, значит, другого выхода не было. Долго всматривался в колючую проволоку, в бурую мерзлую землю. И вдруг осенило! Говорю механику-водителю: «Видишь столбы с подвешенной проволокой? Строго по столбам! Подминай!» — И ведь прошли! А за нами все остальные!

Висло-Одерская операция, в которой было уничтожено и выведено из строя более 60 вражеских дивизий, длилась всего лишь двадцать три дня. Сами гитлеровцы говорили, что подобных сражений Европа не знала со времени гибели Римской империи.

Наша бригада принимала участие в этой операции. Река Одер была последним, сильно укрепленным водным рубежом на пути к Берлину. Мы вышли к реке в последних числах января у города Штейнау. В эту пору Одеру полагалось быть скованным льдом, а он оказался вспученным, лед от берегов отошел, местами переломался.

Попытка захватить мост с ходу не удалась. Фашисты мост взорвали, бросили на нас авиацию, вели яростный огонь.

В 24.00 все танковые батальоны комбриг вывел к реке, выстроил в два эшелона в 300—400 метрах от Одера. Сигнальная ракета — и массированный огонь по городу минут 30—40. И в то время, когда фашисты приходили в чувство от нашего «подарка», бригада совершила марш-бросок на север, километров на 15—20, и ночью с ходу форсировала Одер.

Второй танковый батальон перебирался через реку первым. Нам было приказано наступать на Герцогсвальдау. Мы туда

подошли с юга, а овладеть городом не удалось. Командир батальона капитан И. С. Пупков доложил обстановку Фомичеву. Комбриг приказал закрепиться и держаться до подхода основных сил.

Днем гитлеровцы несколько раз накрывали нас артогнем, пытались атаковать, но безуспешно. А уже в сумерках на позиции двинулись шесть «тигров» и пехота. Дуэль с «тиграми» — дело не простое. Мы укрывались за домами, меняли огневые позиции, огонь вели прицельный. «Тигры» были выкрашены в белый цвет, а снега уже не было. Один танк мы подбили, но загорелся и наш танк. Прикрыли свою машину огнем, дали возможность экипажу подальше уйти.

Через некоторое время подбили второй «тигр», потом третий. Однако и наши две машины горят, одна из них — командира батальона. «Тигры» идут медленно, тоже меняют позиции. Хитростью выманив еще один фашистский танк, мы его подбили. Но ведь и у нас осталось всего четыре машины, из них один с заклиненной башней.

Командир батальона просит у комбрига разрешение отойти метров на 300—400 к отдельно стоящей усадьбе.

Разрешение получено. Пупков приказал мне прикрывать отход. Наши танки отошли к усадьбе, заняли оборону, можно уходить и мне. Но я, прекратив огонь, начал наблюдать, что предпримут фашисты. Через несколько минут один из «тигров» стал менять позицию, подставил бок. Мы этот момент не пропустили, послали бронебойный снаряд — танк загорелся.

Потеряв пять мощных машин, противник не решился продолжать атаку. А утром к нам подошло подкрепление, и мы стали готовиться к наступлению на Герцогсвальдау.

Я уже командовал ротой, принял ее от Пупкова: он был назначен на батальон. Шли на Лукенвальд. На пути — населенный пункт. Фомичев поставил задачу: разведать его (по имеющимся данным, немцы уже ушли оттуда), пройти, не задерживаясь, и на Лукенвальд: завязать бой на окраине и держаться до подхода бригады. В роте было только четыре танка, придали еще два.

Шли тихо, кругом темень, мой танк передовым. Сижу на люке механика-водителя, чуть-чуть посвечиваю фонариком. На краю дороги у населенного пункта машина, посветил — наш студебеккер с нарисованными артиллерийскими значками. Идем на малой скорости. На улице — тишина, никого не видно. В конце завалы из леса и камней, проход есть, но узкий. Мой танк прошел, второй, приданный танк. Остальные остались за завалом. И вдруг впереди вижу машины и около них людей. Стучу

механику-водителю: «Останавливайся!» Механиком был Иван Гасенко, живет он сейчас в Чесменском районе.

Подошел командир второго танка Иван Чернов. Слушаем. Немецкая речь! Говорю Чернову: «Заводи потихоньку, разворачивайся и назад! Быстрее!» Мой танк идет последним. Опять по той же улице. Немцы откуда-то появились, ходят, стоят около домов, на нас не обращают внимания. Приняли за своих.

К населенному пункту уже подошел наш батальон. Стали решать, что делать.

— Я пойду по шоссе, открою огонь с фланга. Ты тем же маршрутом — с боем! — сказал комбат.

Головным шел танк Чернова, из пушки и пулемета бил прямо. Мой танк — бьет влево, третий — вправо. Так ежиком и идем.

Открыли огонь и фашисты. По танку Чернова выстрелил фаустник, но фаустпатрон ударил в тротуар, бронированная махина перескочила через огонь. Мы послали снаряд в дом, из которого стреляли. Приказываю Гасенко держаться правой стороны, и с правой-то из-за угла ударил фаустник, прямо под башню нашего танка, прожег броню, перебил проводку. Танк заглох.

Фашистов из населенного пункта мы выкурили, а в Лукенвальд я не попал. Из-за ранения. Почти месяц провалялся в госпитале.

Но к берлинской операции успел. Наша бригада вошла в Берлин с юга. Там Трептов канал — преграда мощная, понтонов не наведешь. Но саперы сумели сделать деревянный мостишко, по нему проскочили. Сбили оборону на той стороне — и с ходу в улицу. Тут нас и накрыли американские самолеты. В планах командования не было учтено, что челябинцы вырвутся далеко вперед! Сейчас можно шутить, тогда же Фомичев по рации ругался крепкими словами. Пришлось отойти, а на другой день эту улицу брали в тяжелом бою.

Бригаду повернули на Потсдам. На пути разрушенные немецкие города. Не наша это вина, не мы начали войну. И все-таки безмерен гуманизм советского солдата; ненависти к гражданскому населению, жестокости к пленным не было.

Со мной такой был случай на Украине. Бригада получила короткий отдых. Танки быстро рассредоточились. Экипаж готовил обед, я зашел за дом, там сразу начиналось ржаное поле. Светило солнце, пьянящий запах теплого хлеба, вот бы упасть в эту рожь! И вдруг прямо передо мной в десяти шагах немцы. Два. Поднимаются изо ржи, обросшие, худые, руки вверх. Показал, куда идти. Сказал своим:

— Ребята, может, покормим?

Немцы удивлялись:

— Герр офицер кушайт с зольдат?!

И все твердили:

— Гитлер капут! Война капут!

Для этих немцев война уже кончилась, а у нас еще много всякого было впереди. Приходилось освобождать концентрационные лагеря, видели страшные зверства фашистов.

Герой Советского Союза Д. Д. Лелюшенко — командовал он 4-й танковой армией — в своей книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» написал: «63-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника М. Г. Фомичева, действуя в качестве передового отряда 4-й танковой армии, разгромила вражеский гарнизон в Бабельсберге (южное предместье Берлина) и освободила из концентрационных лагерей семь тысяч узников разных национальностей». Это только под Берлином.

Шли последние дни войны. В одном из ночных боев с прорывающимися на запад к американцам предателями-власовцами меня тяжело ранило. Прагу освобождали без меня.

Из документов военной поры, 1944 год

Клятву выполнили

«Трудящиеся Челябинской области внесли свой вклад в дело экономической победы над врагом… Урал принял на свои плечи основную тяжесть вооружения Красной Армии, стал могучей кузницей грозного для врага оружия… Урал превратился в решающий арсенал Родины, в становой хребет оборонной мощи Советского государства.

Год назад, собравшись на областной партийный актив, мы поклялись обеспечить дальнейший подъем промышленности на Южном Урале. Счастливы доложить, что свою святую клятву выполнили.

В 1944 году промышленность Челябинской области сделала новый значительный шаг вперед: план выполнен на 102 процента, продукции произведено на 9,3 миллиарда рублей — на полтора миллиарда рублей больше, чем в предыдущем году. Производительность труда на промышленных предприятиях нашей области выросла по сравнению с прошлым годом на 20 процентов. У нас есть коллективы, где производительность труда за этот год увеличилась на 50 и даже на 75 процентов…

Мы обещали в 1944 году увеличить добычу руды на 1 миллион тонн. Свое обещание мы выполнили.

Мы обещали увеличить производство кокса на 400 тысяч тонн. Мы перевыполнили свое обязательство, дали стране на 769 тысяч тонн кокса больше, чем в 1943 году.

Мы обещали увеличить выплавку чугуна на 600 тысяч тонн. Мы выполнили это обязательство, увеличив выплавку чугуна на 673 тысячи тонн.

Мы обещали закончить строительство трех новых домен и сдать их в эксплуатацию. Свое обещание мы выполнили. В 1944 году мы построили и задули две домны на Челябинском металлургическом заводе и одну — на Саткинском металлургическом заводе. До конца года только эти новые домны дали стране 200 тысяч тонн чугуна». (Из письма собрания областного партийного актива Государственному Комитету Обороны.)

Воодушевленные историческими победами Красной Армии, магнитогорцы вместе с кузнечанами выступили инициаторами

Всесоюзного социалистического соревнования за досрочное выполнение плана года и обязались увеличить выпуск продукции по сравнению с 1943 годом. Обязательство перевыполнено. Выдано больше: руды железной на 735 тысяч, кокса — на 600 тысяч, чугуна — на 465 тысяч, стали — на 470 тысяч, проката — на 360 тысяч тонн. Производительность труда выросла на 21,8 процента.

Было развернуто социалистическое соревнование: «Поможем Красной Армии добить фашистского зверя и водрузить над Берлином знамя Победы».

«Трудовой героизм металлургов Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов, скоростные сооружения домен — все это создавало новые возможности для разгрома врага». (Жуков Г. К. «Воспоминания и размышления». М., Политиздат, 1971, с. 485).

«Победы на фронте ознаменуем победами в тылу» — стал лозунгом строителей треста № 22. В массовое соревнование включилось более 80 процентов работающих.

Молодой коммунист каменщик Титов выполнил план на 217 процентов, сложил семь двухэтажных домов жилой площадью 2930 квадратных метров. Каменщик Белозерцев выполнил годовой план на 221 процент, сложил 8,3 одноэтажных дома.

«Мы гордимся тем, что наших боевых товарищей на фронте вдохновляет зарево трудовых салютов Урала», — писали члены фронтовой комсомольско-молодежной бригады имени гвардии старшего лейтенанта Героя Советского Союза М. И. Тарасова, созданной на Челябинском станкостроительном заводе имени С. Орджоникидзе. Бригаду возглавляла Мария Кирильченко.

Между бригадой и Героем-гвардейцем установилась тесная дружеская связь. Челябинцы сообщали, что ежемесячно выполняют производственную программу на 160 и более процентов и славное имя Героя Советского Союза носят с честью.

Бригаду имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского на Уральском автомобильном заводе возглавлял Н. Жуков. Коллектив ежемесячно выполнял производственное задание на 140—200 процентов. Все совмещали несколько профессий, обслуживали несколько станков.

Бригада Николая Ягодкина — одна из лучших комсомольско-молодежных фронтовых бригад на Златоустовском машиностроительном заводе. Все 14 человек владеют вторыми профессиями, за полгода бригада высвободила 9 человек. Трудовой девиз: «С меньшим числом — дать больше продукции». Коллектив ежедневно выполняет производственное задание на 200—280 процентов.

Строители и монтажники Челябинской ТЭЦ закончили

монтаж самого мощного в стране турбогенератора. «В военное время с его неизбежными трудностями, — писала газета «Правда», — челябинцы смонтировали турбогенератор в 100 тысяч киловатт-часов за 82 дня. До войны, строительство и монтаж такой турбины на одной из станций страны длился более года… За истекший год челябинские энергетики в пять раз увеличили мощность электростанций».

Стал уверенно набирать производственные темпы Челябинский металлургический завод — гигант качественной металлургии. По сравнению с 1943 годом увеличил выпуск электростали в 2,7 раза, проката — в 3,2. Объем валовой продукции возрос в 3,5 раза.

С конвейера Уральского автомобильного завода сошли первые партии автомобилей. Газета «Правда» писала: «Ко всей разнообразной боевой продукции, потоком идущей с Урала на фронт, прибавляется еще один вид боевой продукции — уральские автомобили. Марка уральского металла, уральских танков, уральского вооружения и боеприпасов всегда была высокой, высокой будет и марка уральских автомобилей. Иначе нельзя — ведь это Урал».

Шахта № 4—6 треста «Копейскуголь» за декабрь дала Родине 11891 тонну сверхпланового угля. Коллективу присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

17 месяцев подряд Кировский завод занимает первенство во Всесоюзном соревновании танкостроителей и завоевывает по производству танков и танковых моторов переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны. 27 декабря с главного конвейера сошел последний тяжелый танк в счет государственной программы года. По сравнению с 1943 годом, выпуск боевых машин возрос в 3,3 раза. Производительность труда поднялась на 33 процента. За 11 месяцев завод сэкономил более 24,5 миллиона киловатт-часов электроэнергии — за счет внедрения рационализаторских предложений.

Удельный вес молодежи среди тружеников промышленности, строительства и транспорта превышал 50 процентов. На ММК среди рабочих ведущих профессий до войны молодежи было 19 процентов, а в 1944 году — 61; на Кировском заводе — 35 процентов.

Молодые металлурги Магнитки выдали за год сверх плана более 100 тысяч тонн стали, около 70 тысяч тонн проката, из которых можно построить 3500 тяжелых танков «ИС». Комсомольско-молодежные бригады Челябинского угольного бассейна добыли около 250 тысяч тонн сверхпланового угля.

«Создадим молодежный фонд помощи детям фронтовиков» —

с таким предложением выступили комсомольцы и молодежь Советского района Челябинска. Всего в области на средства комсомольско-молодежного фонда открыто девять детских домов и один санаторий, установлено 600 стипендий учащимся — детям фронтовиков. Установлены стипендии в школах всем детям воинов Уральского добровольческого танкового корпуса и танковой бригады имени Челябинского комсомола. К 26-й годовщине Красной Армии комсомольцы области вручили детям фронтовиков свыше 30 тысяч подарков, комплекты одежды и обуви.

В адрес Магнитогорского горкома ВЛКСМ была получена телеграмма от Государственного Комитета Обороны:

«Передайте комсомольцам, молодежи и трудящимся города Магнитогорска, собравшим 1 миллион 38 тысяч рублей, подарки, вещи и продовольствие в фонд помощи детям фронтовиков и воспитанникам детдомов, наш горячий привет и благодарность Красной Армии».

Вот что писали из Курской области:

«…Огромное, даже трудно передать какое значение имели предметы ширпотреба, присланные из Челябинска. Тысячи семей у нас не имели ни чашки, ни ложки. В доме хоть шаром покати — все разграбили немцы. Теперь эти семьи добрым словом вспоминают челябинцев. Магнитогорцы прислали нам два вагона огнеупора. Мы начали строить стекольный завод. Катавивановцы послали комплектную электростанцию на 140 киловатт. Ее получил Белгород. В этом старинном, красивом городе, варварски разрушенном немцами, пока горит не больше трех электрических лампочек. Станция катавивановцев осветит весь город… Наш край снова станет богатым, красивым, каким он был до войны».

«Дорогие товарищи челябинцы! — писали трудящиеся Донбасса. — С чувством сердечной благодарности мы принимаем вашу братскую помощь. К нам уже поступили сотни вагонов с оборудованием, станками, инструментом, строительными материалами, предметами домашнего обихода… Восстановлены досрочно десять основных шахт».

Бойцы 63-й гвардейской Челябинской добровольческой танковой бригады писали в Челябинск:

«Каждый из нас свято следует лучшим традициям и оберегает честь тружеников и воинов-уральцев, памятуя, что наши боевые знамена овеяны вековой славой Урала. Самоотверженность, отвага, героизм и воинское мастерство — таковы характерные черты всех наших уральцев-добровольцев.

Большой и дорогой наградой для нас является благодарность освобожденных советских людей. Жители Львова в своем письме

к нам, освободителям города, пишут:

«В веках будет греметь слава о вас, наших спасителях, не забудут вас наши дети и внуки».

Эта благодарность львовчан в равной степени относится к вам, дорогие земляки-уральцы. Добровольческий танковый корпус вы создали ради освобождения советской земли, ради освобождения от немецкого рабства. Вы дали нам силу, а мы принесем вам победу.

В предстоящих боях мы еще лучше будем выполнять свою клятву трудящимся Урала».

7 ноября, в день 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, газета «Челябинский рабочий» писала:

«Кончится война. Замолкнут пушки. На полях сражений вновь заколосятся хлеба. Еще более прекрасными и величественными встанут из праха развалин и пепелищ разрушенные фашистскими варварами города… Вернутся с фронта герои, увенчанные славой победы. И расскажут они о своих боевых делах, жарких схватках с врагом, стремительных маршах и рейдах, об атаках и смелых маневрах… О боевых подвигах уральских танкистов-добровольцев расскажет челябинцам Герой Советского Союза гвардии полковник Фомичев — командир Челябинской танковой бригады… О том, как разила врага магнитогорская сталь, расскажет магнитогорцам бывший сталевар, а сейчас офицер Алексей Грязнов. Колхозникам Аргаяшского района их земляк, Герой Советского Союза сержант Газиз Мурзагалитов расскажет о том, как со своим оружием первым переправился через Днепр и мужественно отбивал атаки фашистов.

— Это самый памятный день в моей жизни! — скажет Газиз. Есть о чем рассказать и бойцам трудового фронта, трудящимся Южного Урала.

Еще задолго до войны, здесь, на склонах лесистых гор, в спокойных зауральских степях, среди величественных и строгих скал, по воле партии были заложены основы военного могущества нашей страны. С первого дня войны Урал стал кузницей советского оружия, арсеналом нашей победы…

Каждый день нашей жизни по-своему замечателен, по-своему памятен. На фронте, в цехах заводов, на лесах новостроек, в забоях, на колхозных полях, в лабораториях ученых создается сейчас великая книга — летопись нашей борьбы, наших побед. Каждый день открывает новую страницу в этой книге. И на каждой странице — рассказ о замечательном дне нашей кипучей, полной великих народных усилий жизни.

Придет момент — он уже близок! — когда в этой великой

летописи труда и побед будет открыта особенно замечательная страница. На этой странице будет рассказ о самом радостном, самом великом дне нашей жизни — дне окончательной победы. Этот день останется в памяти многих поколений, на многие столетия. Во имя приближения этого дня, во имя победы над кошмаром гитлеризма с беззаветной храбростью сражаются уже за пределами нашей страны воины Красной Армии. Во имя победы стоят на боевом посту бойцы трудового фронта — металлурги, танкостроители, угольщики, боеприпасники, горняки Южного Урала».

Н. И. Карпенко
МЕТАЛЛ ПОБЕДЫ

Нина Ильинична Карпенко (Мошарова) работала в Сталинграде на металлургическом заводе «Красный Октябрь». В октябре 1942 года была эвакуирована в Челябинск. Поступила на металлургический завод табельщицей в строящийся доменный, затем — электросталеплавильный цех. В 1943 году стала первой на заводе женщиной-сталеваром. Бригада, в которой она трудилась, шла в числе передовых. Многими наградами была отмечена Н. И. Мошарова за свой труд. Всего свыше двадцати лет проработала она на Челябинском металлургическом заводе.

Этот день, 19 сентября 1942 года, я, пожалуй, никогда не забуду. Жили мы в Сталинграде, работала я с отцом на металлургическом заводе «Красный Октябрь». Начинала там рассыльной, потом стала табельщицей, разметчицей. Я любила завод, свою работу.

Война все разметала, исковеркала. Как ни далек был поначалу враг, а подкатился-таки к моему городу. 19 сентября нам объявили приказ об эвакуации на Урал. Куда — конкретно не говорили. А слухов ходило немало. О том, например, что работать будем тоже на металлургическом заводе, а вот действует ли он или только еще строится, толком никто не знал.

Ночью на лодках под страшной бомбежкой переправили нас через Волгу. Скарба с нами почти никакого, одежонка, как говорится, подбита на ветру.

У меня и поныне часто перед глазами длинный ряд теплушек, в них — до отказа людей. За время пути раз пять налетала фашистская авиация, бомбила наш эшелон, поливала свинцом из пулеметов. На сколько тогда смертей насмотрелась!

Медленно тащился наш эшелон. В Челябинск прибыли 25 октября. Оказалось, что завода практически еще нет, его надо строить.

Поселили нас в бараках в поселке, получившем впоследствии название «Коксохим». Длинные двухъярусные деревянные нары. Заиндевелые углы, а по стенам вода течет. И все-таки было главное: мы на месте, можно приступать к работе…

В отделе кадров меня оформили табельщицей в доменный цех. Не об этом, конечно, я мечтала. Но живого, боевого дела

много было на субботниках. Их устраивали на Мельничном тупике, где вдоль железнодорожных путей в дощатых сараях готовилось к монтажу оборудование строящихся цехов. И на стройплощадках горячо. Как писал один поэт:

Вгрызались в грунт упрямые лопаты,
И не было покоя топору.

Уже летом 1942 года четко обрисовались очертания будущего завода. Строители гордились, что электросталеплавильный цех по мощности должен стать самым крупным в Европе. А масштабы прокатного! Только сказать — длиной около 500 метров. Монтировались две доменные печи, вывезенные из Липецка. Строились чугуно-меднолитейный, кузнечный, коксохимический цехи. И одновременно возводились жилые дома для металлургов.

Ни до, ни после я не видывала строительства таких масштабов. А какие темпы! Уже 7 февраля 1943 года руководители строительства и завода докладывали Государственному Комитету Обороны о том, что первая очередь ЧМЗ готова к сдаче в эксплуатацию.

Меньше месяца проработала я в доменном цехе, упросила отпустить в электросталеплавильный. Что было поделать с собой. Доменный цех когда еще вступит в строй, а электросталеплавильный — вот он, еще немного — даст так нужную фронту сталь.

И этот день наступил! Памятный, поистине исторический день.

19 апреля 1943 года. Вечер. Гудит наша печь № 1, кипит в ней сталь. Гостей в цехе больше, чем рабочих. Вон первый секретарь обкома партии Н. С. Патоличев, начальник строительства А. Н. Комаровский, директор завода Я. И. Сокол, начальник цеха И. Я. Айзеншток… Все радостно взволнованы, то и дело посматривают на часы.

21 час 05 минут. Раздается команда: «Пускать!» Сталевар Семен Ефимович Черных что-то говорит своим подручным, и они бросаются к печи. Трудно передать словами, что творилось, когда по желобу пошла первая челябинская сталь. Вот вспыхнула красная ленточка, перекинутая через желоб (вместе с ней была протянута тонкая лента из алюминия), — вверх брызнули тысячи ярких искр. И цех буквально содрогнулся от криков «ура!» и аплодисментов. А металл уже льется в ковш, и так вокруг становится светло, что хорошо виден укрепленный вверху, над нашими головами, транспарант со словами: «Все для фронта, все для победы!»

Я, как и другие, долго находилась под впечатлением от этой первой заводской плавки. Все ее участники воспринимались мной, как герои, хотя были они обыкновенными, очень скромными людьми.

С тех пор прошло уже больше сорока лет, но я хорошо помню, что первую плавку готовили сталевары Семен Ефимович Черных и Павел Михайлович Кочнев, подручные сталевара Михаил Петрович Зимин и Афанасий Васильевич Чугунов. Завалку электропечи шихтой выполнял машинист завалочной машины Иван Осипович Бынин, а пультовщицей была Варвара Ивановна Кудряшова. Технологический процесс плавки осуществлялся обер-мастером Иваном Никитовичем Емелихиным, мастерами Константином Архиповичем Михайловым и Александром Ивановичем Спасским. Химический состав той первой нашей стали делала лаборант Татьяна Николаевна Балаба, канаву под слив металла собирали Иван Никифорович Азопкин и Николай Николаевич Андреев. Ковшевым был Федор Михайлович Корнеев, а разливал металл обер-мастер Георгий Михайлович Бородулин.

А потом произошло еще одно событие, которое круто изменило мою судьбу.

В цехе работало три электропечи. По службе мне приходилось наведываться к сталеварам, выяснять с ними различные вопросы. Но даже когда и не было такой необходимости, какая-то сила меня направляла к электропечам. Огонь манил, завораживал. Могла часами любоваться отблесками пламени, бушевавшего за печной заслонкой, следить за четкими движениями сталеваров. И вот однажды задала себе вопрос: «А я бы разве не сумела?»

В ту далекую пору все операции, связанные с выплавкой металла на электропечи, были физически нелегки, потому что требовали немалого ручного труда. По это меня, женщину, и не пугало, физических нагрузок не боялась. Была я здоровой, крепкого сложения.

Когда поделилась своим сокровенным с подружками, они посмеялись. И многие годы спустя, мои подруги по работе и комсомолу Маша Родионова и Алевтина Сарафанова напоминали, как отговаривали меня, ссылаясь на то, что не женское это дело — сталь варить. А я кипятилась, обижалась.

— Как по-вашему, женское дело — водить поезда? — наседала я. — Не женское. А вот в железнодорожном цехе есть женщины-машинисты. И водят они поезда ничуть не хуже мужчин.

Действительно, в железнодорожном цехе завода были две женщины — машинисты паровоза: Екатерина Колбина и Людмила

Подсевалова (Сергеева). О последней даже был снят документальный фильм «Почетное право», она еще до войны, когда работала на Магнитогорском металлургическом комбинате, стала первой в стране девушкой-машинистом внутризаводского транспорта. На ЧМЗ приехала в сорок третьем, возила изложницы с горячим металлом.

Пошла я к начальнику цеха И. Я. Айзенштоку, сказала: хочу работать подручным сталевара.

— Почему именно подручным? — удивился он.

Я начала объяснять:

— Во-первых, я крепкая. Во-вторых, даже от печей сейчас уходят мужчины на фронт. Кто их заменит?

Из комсомольско-молодежной фронтовой сталеварской бригады имени Героя Советского Союза Василия Зайцева, которую возглавлял Михаил Зимин, в Уральский добровольческий танковый корпус ушел Дмитрий Чернов. Это был один из первостроителей завода, отличнейший подручный. Помнится, прощаясь, он говорил: «Буду беспощадно истреблять фашистов, давить их гусеницами танка, а вы, сталевары, бейте гадов нашей челябинской сталью!»

И механик-водитель Дмитрий Николаевич Чернов воевал достойно. Войну закончил в Праге. Был награжден орденом Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Демобилизовавшись, вернулся на ЧМЗ, снова стал сталеваром. К наградам за ратный подвиг добавились награды за геройский труд — орден «Знак Почета», медали «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть».

Были мне известны и другие факты. В феврале сорок третьего строители и металлурги сформировали добровольческий лыжный батальон. В его составе из нашего цеха на фронт отправился А. А. Докучаев, из отдела снабжения — М. П. Синюков. В числе добровольцев были работники механического цеха — слесарь А. М. Кульшарипов и токарь А. М. Овчинников, бригадиры З. Г. Ракитин и А. Я. Рераховский, слесари Л. П. Транин и М. А. Кучуков. Они, к нашей великой печали, не вернулись с полей войны, и в музее комбината на мраморной плите золотом горят теперь их имена. На комбинате их помнят, гордятся ими. В сорок третьем они помогли мне испытать себя на гражданскую зрелость.

…И еще об одном веском аргументе заявила я тогда начальнику цеха:

— Я сталинградка. Фашисты разрушили мой родной город. Я хочу мстить им за это моим металлом!

Глаза у начальника цеха потеплели, говорит:

— Давай свое заявление, подпишу…

Михаил Петрович Зимин был первым, кто увидел меня в печном пролете в сталеварской робе.

— С каких это пор табельщики стали носить спецовку? — спросил он иронически.

Я объяснила, что теперь буду работать на его печи. Зимин был настолько поражен, что не нашелся сказать ничего другого, как только протянул:

— Так ты же баба…

Пришлось действовать решительно.

— Говорите, что делать! Шутить будем потом…

Зимин был отличным сталеваром, за свой труд в годы войны он удостоен ордена Ленина. Но что было делать: профессию сталевара считал привилегией одних мужчин и не хотел, чтобы я оставалась в бригаде. Пришлось искать заступничество у старшего мастера Ивана Никитовича Емелихина.

А потом Зимин сдался. Видел, конечно, что я старалась вовсю, что ничуть не отставала от других. Словом, была доброй помощницей не только у второго подручного Николая Деревянова, но и у первого, Ивана Чмона. Они мне всегда доверяли, надеялись, что не подведу. И за всю войну не было такого случая.

На заводе быстро узнали, что на первой электропечи подручным сталевара работает девушка. Но всерьез очень немногие принимали это. Шло время, а я не только не помышляла уходить, а даже продвигалась по служебной лестнице, от третьего подручного ко второму, от второго — к первому. Однажды к нам на печь пришел редактор заводской многотиражной газеты «Челябинский металлург» Г. Романов, попросил написать в праздничный номер о том, что мной руководило, когда я бралась за такую неженскую работу, какие у меня планы на будущее.

Заметка получилась небольшая, назвала ее «Мщу за Сталинград». Были там такие строки:

«Я сталинградка. Подлые гитлеровские звери разрушили мой родной город. Я решила мстить им за это, мстить стахановским трудом. На ЧМЗ я первое время работала табельщицей в электросталеплавильном цехе. Но меня тянуло ближе к производству. И вот я стала работать у печи. Много труда и энергии пришлось приложить, но они не пропали даром. 27-ю годовщину Великого Октября встречаю как первый подручный сталевара».

Когда я согласилась написать в газету, конечно, и не думала, к какому это результату приведет. Просто хотелось рассказать о

своих чувствах. А резонанс получился широкий. В газете появились отклики. Авторы их говорили о своей большой любви к Родине и готовности принести как можно больше пользы ей. Токарь Леня Шашков из механического цеха писал, например: «Буду двухсотником». И через несколько дней газета «Челябинский металлург» сообщала, что он выполнил сменную норму на 210 процентов.

Взволнованное письмо пришло от вальцовщика стана «800» Николая Куцая: «Вместе со всем народом мы, комсомольцы, советская молодежь, будем работать с еще большей энергией, мобилизуя все силы, чтобы обеспечить полностью Красную Армию всем необходимым для разгрома врага».

Таких патриотических писем в редакцию газеты приходило много.

На заводе гремела слава комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Одну из первых создал формовщик сталинградец Иван Лихорадкин. Его и еще нескольких товарищей командировали на Ашинский металлургический завод: им предстояло отлить шесть шлаковых чаш для нашего электросталеплавильного цеха № 1, готовившегося выдать первую свою плавку. Задание было выполнено в срок.

Бригада И. П. Лихорадкина состояла из шести человек, норму выполняла не ниже 220 процентов. Когда один из формовщиков из-за болезни был вынужден оставить цех, бригадир предложил впятером выполнять тот же объем работы. Коллектив поддержал его.

11 января 1944 года в красном уголке прокатного цеха состоялся первый слет стахановцев завода. Бригаде И. П. Лихорадкина — победительнице в заводском социалистическом соревновании металлургов за 1943 год — было присвоено звание «Фронтовая комсомольско-молодежная бригада имени Александра Матросова».

Отличилась и наша сталеварская бригада Михаила Зимина. В первый день своей работы как комсомольско-молодежная она выполнила сменное задание на 143 процента. А к 26-й годовщине Октября мы выдали скоростную плавку — металл был сварен за семь часов, вместо 10 часов по норме.

В канун 27-й годовщины Октября в многотиражке появилось обращение к металлургам Петра Орлова и Семена Леонтьева, работавших на прокатном стане «350». Они призывали заводчан встать на ударную вахту, посвященную всенародному празднику, и ежедневно выдавать сверхплановый металл.

Петр Евсеевич Орлов и Семен Илларионович Леонтьев тоже были из Сталинграда, с металлургического завода «Красный

Октябрь». Еще до войны стали хорошими прокатчиками. А на ЧМЗ возглавили бригады, которые соревновались между собой. Весь коллектив следил за их трудовым соперничеством. За месяц каждая из бригад прокатала сверх задания более 200 тонн металла. П. Е. Орлов был награжден орденом Ленина, С. И. Леонтьев — двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Самым первым на заводе звания Героя Социалистического Труда был удостоен Давыд Иванович Петров. Работал он на стане «350» в первом прокатном. И как работал! У печи действовал виртуозно, другого слова, пожалуй, и не придумаешь. Почти три десятилетия был он сварщиком-нагревальщиком металла. Уже многие годы на пенсии, а прокатчики все еще вспоминают о мастерстве Давыда Ивановича.

Такой же вот яркий след оставил на заводе другой Герой Социалистического Труда — доменщик Иван Алексеевич Пятигорский.

Из той старой гвардии немногие сейчас стоят у огня. Среди них Иван Александрович Полетаев — удивительнейшей судьбы человек, начинал когда-то работу на Сталинградском металлургическом заводе «Красный Октябрь». С первых месяцев войны ушел на фронт. Воевал и под Москвой, и у стен своего родного города. В Челябинск приехал с нашим эшелоном, осенью сорок второго.

Иван Александрович работал нагревальщиком металла. И сейчас он старший мастер участка нагревательных колодцев третьего обжимного цеха. Человек он творческий, внедрил столько рационализаторских предложений и изобретений, что экономия от них составила не один миллион рублей. Одному из первых на заводе ему присвоено звание «Заслуженный рационализатор РСФСР».

Иван Александрович — почетный металлург, заслуженный наставник молодежи РСФСР. За свой труд награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть». «Народным орденом труда» Болгарии — за участие в пуске и освоении прокатных станов Кремиковского металлургического комбината.

Меня радует трудовое долголетие Ивана Александровича Полетаева. И еще радуюсь тому, что на Челябинском металлургическом комбинате в настоящее время насчитывается около трехсот рабочих династий, и самая многочисленная — Полетаевых! Вместе с Иваном Александровичем трудятся его брат, сестры, сыновья, дочери и другие члены славной рабочей фамилии. Общий их трудовой стаж составляет почти 500 лет!

Я часто вспоминаю своих товарищей по военной поре. Мы

работали на Победу. И нас на многое хватало. Помню, в марте сорок четвертого первый секретарь Челябинского обкома партии Н. С. Патоличев обратился к комсомольцам и молодежи нашего завода с открытым письмом. Оно было напечатано в газете «Челябинский рабочий»:

«Ваш завод изготовляет ответственные запчасти к тракторам и шефствует над Багарякской МТС. Областной комитет партии обращается к вам с просьбой — помочь выполнить в срок и качественно заказы сельского хозяйства, усилить деловую помощь подшефной МТС и совхозу».

Помочь труженикам сельского хозяйства — означало обеспечить продуктами питания и рабочих промышленности, и нашу героическую Красную Армию, гнавшую врага с родной земли. Комсомольцы-металлурги на собраниях и митингах обсудили письмо Н. С. Патоличева. Решение принималось одно — конкретными делами ответить на обращение первого секретаря обкома партии.

Молодые металлурги не подкачали. Накануне Первомая комитет комсомола завода рапортовал обкому партии: для подшефной Багарякской МТС изготовлено 7 тысяч штук деталей, из них 3 тысячи болтов разных размеров, 2,5 тысячи шпор для колесных тракторов, 600 шпилек, головок блока и столько же гаек. И все это было сделано в часы, свободные от основной работы.

Удивительное было время, время массового героизма. Челябинский металлургический внес в нашу победу над врагом ощутимый вклад. Потребителями челябинского металла были авиационные и танковые заводы, наш металл шел на самые ответственные детали танков и самолетов. Подсчитано теперь, что в каждом третьем танке и боевом самолете, изготовленных в конце войны, была челябинская сталь!

Я горжусь, что трудилась на прославленном заводе, на самом переднем крае — в сталеварской бригаде, плавила сталь победы.

Живу я сейчас на Украине, но связи со своим предприятием не теряю. Переписываюсь с родственниками, товарищами, с кем работала в трудные военные годы, с музеем комбината. Они сообщают, как живет мой комбинат, об его успехах. С каждым годом увеличивается вклад Челябинского металлургического гиганта в экономический потенциал страны. И, получая добрую весточку из города моей юности, взволнованно и радостно думаю: «Хороших оставили мы наследников, достойных продолжателей наших дел!»

М. С. Гроссман
ВЕЛИКОЕ СОДРУЖЕСТВО ФРОНТА И ТЫЛА

Знаменосец первого полка Московской Пролетарской дивизии, член ее комсомольского бюро, руководитель литературного объединения, Марк Соломонович Гроссман уходит добровольцем на фронт. Война с белофиннами, затем четыре года — «от звонка до звонка» — Великая Отечественная. Писатель газеты 2-й гвардейской армии «В атаку!» (тогда была такая должность), он изо дня в день печатал свои материалы, добытые в боях и на передовой. Последние стихи военного времени подписаны «гвардии майор» и помечены «Берлин, 9 мая 1945 год».

Первые стихи и рассказы (как говорит сам поэт, написаны они «в пору юности, постигавшей управление электрокраном») напечатаны полвека назад в газетах и печатном литературном журнале «За Магнитострой литературы». Вместе с Б. Ручьевым, Л. Татьяничевой, А. Ворошиловым, А. Ударовым и другими рабочими-литераторами выступал в клубах, на строительных площадках великой стройки.

После войны М. С. Гроссман вернулся на Урал. Неоднократно избирался руководителем Челябинской писательской организации, Им издано около 40 книг. Награжден орденом «Знак Почета», медалями «За отвагу» (двумя), «За боевые заслуги» и другими.

Тридцатого декабря 1941 года меня отыскал посыльный в траншеях Карельского полка 26-й Златоустовской Краснознаменной стрелковой дивизии и передал телефонограмму редактора газеты Северо-Западного фронта «За Родину». На клочке бумаги полковой телефонист записал: «Приказано явиться 31.12.1941 восьми ноль-ноль редакцию газеты».

«Явиться» за сотни верст на полустанок Рядчино, близ Валдая, «к восьми ноль-ноль», по лежневкам и болотам, занесенным снегами Северо-Запада, можно было разве с помощью дьявольской силы или авиации. У меня не было ни того, ни другого. Однако повезло. В тыл уходили аэросани, непрочное сооружение, утыканное пулеметами, и мне удалось забраться внутрь саней.

Я наивно полагал, что редакция вызывает меня на празднование Нового года, но, оказалось, ждала еще большая радость: на фронт прибыла делегация Челябинской области.

Опускаю подробности встреч с друзьями и знакомыми, совместные поездки на передовую, вопросы, вопросы, вопросы. Значительно важнее дать слово газете «За Родину», чьи страницы воистину были опалены огнем неслыханной, ожесточенной войны.

Второго января 1942 года газета вышла с «шапкой» на первой полосе: «Красноармейское спасибо, товарищи челябинцы!»

Рядом с заголовком набрано крупным курсивом: «Трудящиеся Челябинской области прислали к нам свою делегацию и эшелон с новогодними подарками. Да здравствуют славные советские патриоты, окружающие горячей любовью и заботой Красную Армию, кующие в тылу победу над врагом!»

В передовице «Одна цель, одна задача» было сказано:

«Товарищи челябинцы, примите наше красноармейское спасибо! На ваши заботы мы ответим новыми делами доблести и геройства. Мы обещаем вам еще сильнее, еще беспощаднее громить гитлеровскую свору, чтобы приблизить день нашей победы!»

На той же первой странице напечатано сообщение:

«Приезд делегации от трудящихся Челябинской области.

Вчера к одной из прифронтовых станций подошел большой эшелон. На покрытом инеем вагоне лозунг: «С новым победоносным годом!» Это прибыли подарки бойцам, командирам, политработникам нашего фронта от трудящихся Челябинской области.

В 44 вагонах рабочие, колхозники и интеллигенция Челябинской области прислали героическим защитникам Родины свои новогодние подарки. Среди подарков — мед, уральские пельмени, печенье, мясо, сало, масло, фрукты и вино.

Из первого вагона выходит делегация трудящихся. Она выносит огромного деда-мороза. Этот новогодний подарок фронту несут лучшие люди области — П. Н. Кравченко, отец дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Г. П. Кравченко, депутат Верховного Совета СССР К. И. Айкашов, мастер-стахановец С. С. Яворская, шахтер Г. Н. Карамазин, знаменитый машинист-орденоносец И. П. Блинов и другие.

Собравшиеся на вокзале бойцы и командиры радостно приветствовали дорогих гостей из области, где куется грозное оружие для победы над врагом.

Вчера вечером делегация беседовала с членом Военного совета фронта корпусным комиссаром тов. Богаткиным и

начальником политуправления фронта бригадным комиссаром тов. Ковалевским.

Сегодня делегация выезжает в части и соединения фронта».

Под этим сообщением стоял следующий материал:

«Бейте врага еще крепче! Письмо трудящихся Челябинской области.

Дорогие товарищи бойцы, командиры, комиссары и политработники Северо-Западного фронта!

Взоры трудящихся Челябинской области, как и всего советского народа, обращены к фронту, где решается вопрос жизни и смерти народов нашей страны, судьба всего человечества…»

В этом письме от имени трудящихся области говорилось:

«Челябинская область дает все необходимое фронту. Страшные для врага могучие танки, минометы, пулеметы, винтовки, мины, гранаты, бомбы, снаряды, патроны, штыки, клинки, алюминий для самолетов, сталь для танков, хлеб для снабжения Красной Армии, уголь для транспорта и военной промышленности — все это мы даем Красной Армии с каждым днем в возрастающем количестве…

Никогда еще история не знала такого единства народа и армии, такой монолитной сплоченности миллионов и миллионов людей, поднявшихся на защиту своего Отечества. В этом единстве — основа наших побед в настоящем, залог еще больших побед в будущем…

Клянемся вам, наши братья-фронтовики, что челябинцы не подкачают!..

Бейте же врага еще крепче, колите штыком, настигайте меткой пулей, разите бомбой, рвите на клочья снарядами и минами, давите танками. От всего сердца желаем скорой и окончательной победы над лютым врагом человечества, над фашизмом.

Примите наши скромные новогодние подарки и наши новогодние пожелания полной победы на фронте, здоровья и сил вам, друзья!»

На следующий день, третьего января 1942 года, газета «За Родину» отвела целую страницу челябинцам.

«Клянемся вам, наши братья-фронтовики:

Дадим все для победы над врагом!» — обещала «шапка» полосы.

Были помещены статьи машиниста-орденоносца И. Блинова, мастера завода имени Д. Колющенко М. Калистратова, знатного копейского горняка Г. Карамазина, мастера Танкограда П. Попова.

Весь «подвал» страницы занимала статья руководителя челябинской делегации секретаря Челябинского горкома партии Н. Шувалова. В ней рассказывалось о героизме тружеников Иванова, Пастушенко, Белякова, Порвеца, Серебрякова, Зубина, Омельченко, о машинисте Челябинского депо Агафонове, мастере завода имени Д. Колющенко Крестьянове, стахановцах завода Шахматове, Калистратове, Гончаренко.

Четвертого января газета «За Родину» помещает на первой полосе в отделе «Вчера на нашем фронте» корреспонденцию одного из наиболее оперативных сотрудников газеты А. Розена (Б. Любимова):

«Челябинцы в гостях у бойцов:

Третьего января ранним утром в Н-ское соединение (в 11-ю армию генерал-лейтенанта В. И. Морозова. — **М. Г.**) прибыла группа делегатов от трудящихся Челябинской области, привезшая бойцам новогодние подарки.

В составе группы мастер-стахановец Челябинского тракторного завода тов. Попов, мастер одного из заводов тов. Махнев, инженер тов. Серебряков, рабочий тов. Лавроненко и представитель газеты «Челябинский рабочий» тов. Пьянков. Делегацию приняли представители командования, рассказавшие гостям о героях Отечественной войны, о лучших людях соединения, отважно сражающихся с врагом.

Вчера же делегаты направились в части, на передовые позиции. Здесь состоялась теплая встреча с Героем Советского Союза Мамедовым и его боевыми друзьями».

В этот же день, четвертого января, газета печатает на первой странице, рядом с передовой, стихотворение любимого поэта бойцов Михаила Матусовского «Великая дружба»:

Броню и железо, свинец и литье
Везут по дорогам, рожденным войною.
Страна моя, мать моя, сердце мое,
Я слышу дыханье твое за спиною.
Заботу, привет согревающий твой
Я чувствую в каждом движенье и взгляде —
В письме и посылке моей фронтовой,
В челябинском танке, в уральском снаряде.
Железная дружба, святая война
Народы страны воедино сплотила.
И Родина наша, как крепость, сильна
Великим содружеством фронта и тыла.

Девятого января была помещена большая первополосная

информация о посещении уральцами редакции газеты.

«За Родину» сообщала:

«В частях и подразделениях, где побывали делегаты трудящихся, с огромным подъемом прошли митинги. Бойцы поклялись не щадить сил для истребления фашистских оккупантов. Исключительный подъем вызвали сообщения делегатов об успехах на трудовом фронте. Эвакуированные в Челябинскую и Свердловскую области заводы, по меткому выражению одного из делегатов, «давно уже снялись с колес и стали на полный свой фундамент».

Вторая полоса того же номера газеты была отдана рапорту Северо-Западного фронта. Фронт-герой докладывал:

«Слушай, Свердловск, Челябинск, Куйбышев!

Говорит Северо-Западный фронт!»

На странице публиковались выступления сержанта И. Сазонова, политрука А. Голикова, танкового экипажа младшего лейтенанта Тихонова и многих других фронтовиков. На той же полосе были напечатаны корреспонденции моих товарищей по редакции батальонного комиссара Александра Исбаха, младшего лейтенанта Ивана Николаева и капитана Ивана Елизарова.

Мне хотелось бы привести здесь полностью небольшую заметку Ивана Елизарова о машинисте — герое Урала Иване Петровиче Блинове. Оба они — и автор заметки, и герой ее — были мои друзья, мы хорошо знали друг друга и радовались каждой встрече.

Иван Елизаров (он вскоре погиб в тяжелом бою) писал в заметке «Встреча земляков»:

«Замечательная встреча произошла в соединении, где комиссаром тов. Лыткин. Члены делегации трудящихся Челябинской области знатный машинист-орденоносец Иван Петрович Блинов и работница Златоустовского завода имени Ленина Анна Лосева беседовали с бойцами на передовых позициях. Когда делегаты осматривали добротно сделанные пулеметные гнезда, машинист Блинов увидел бывшего своего помощника младшего лейтенанта Дмитриева.

Трудно передать словами радость Блинова и Дмитриева и всех, кто присутствовал при этой волнующей встрече. До войны Дмитриев работал с Блиновым на одном паровозе на Южно-Уральской железной дороге. Их работой гордилась вся Южно-Уральская. В дни войны Дмитриев ушел на фронт. Недавно ему присвоено звание среднего командира.

— Приеду домой, — говорит Блинов, — расскажу землякам о наших героях, о моем бывшем помощнике — младшем лейтенанте Дмитриеве, об отважном воине Придеине и о многих

других челябинцах, которые сражаются с фашистами на Северо-Западном фронте. Расскажу товарищам о том, что оружие, которое они куют в тылу, находится в надежных руках».

Прошло почти два месяца. И вновь на первой полосе нашей газеты появляется сообщение:

«Приезд делегации Челябинской области.

Вчера на наш фронт прибыла делегация трудящихся Челябинской области во главе с заведующим военным отделом обкома ВКП(б) С. В. Зиновьевым. В составе делегации М. К. Афанасьев (диспетчер завода имени Кирова), А. М. Бурдина (техник цинкового завода), С. А. Клисс (старший мастер завода «Челябкомпрессор»), З. И. Ишмаева (секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ), П. С. Пономарева (колхозница, «Березов мыс» Карасевского сельсовета), К. А. Кунгурцев (председатель Максимовского сельсовета), М. Н. Воронина (начальник цеха Троицкого жиркомбината) и другие, всего 40 человек.

На вокзале делегация тепло встречена представителями командования фронта. Для встречи делегации выставлен почетный караул.

Заместитель командующего войсками Северо-Западного фронта генерал-майор Найденов и полковой комиссар Глазунов приняли делегатов и рассказали им о героической борьбе бойцов и командиров нашего фронта с германскими оккупантами. Делегаты Зиновьев, Ишмаева и другие заверили представителей командования фронта в том, что Челябинская область дает и будет давать все, что требуется для фронта.

Делегаты привезли с собой 68 вагонов с подарками от трудящихся области бойцам, командирам и политработникам Северо-Западного фронта».

Прошло еще два месяца. И снова, 28 апреля 1942 года, газета «За Родину» помещает сообщение:

«Приезд делегации трудящихся Челябинской области.

Вчера утром на наш фронт прибыла делегация Челябинской области.

Делегация привезла письмо фронтовикам от трудящихся области и 40 вагонов с подарками. Эшелон вели две паровозные бригады Южно-Уральской дороги. В письме сообщалось о подвигах гвардейцев труда из Челябинска, Магнитки, Златоуста, о людях заводов и сел, высказывалась железная уверенность:

«Эта весна будет для фашистов без солнышка, так как солнце победы и весной и летом будет светить нашей могучей Красной Армии, ее чудо-богатырям».

Это были в ту пору необходимые для бойцов слова — фронт вел тяжелые бои. Рядом с письмом челябинцев, в разделе

«Последние известия с нашего фронта», было напечатано мое сообщение «Атаки врага отбиты». В нем говорилось о том, что танки, пехота и авиация захватчиков перешли в наступление, и наши войска снова отбросили врага. Бойцы частей, в которых я провел прошлый день, 28 апреля 1942 года, уничтожили три самолета немцев, немало танков и пушек.

«Братья-пулеметчики» (в пулеметную команду входили почти все писатели редакции, но наводчиком был Михаил Львович Матусовский) — авторы веселого отдела газеты — специально к приезду делегации сочинили частушки.

Приезд земляков на Северо-Западный фронт зимой и весной 1942 года послужил материалом для моей повести «Засада».

Б. В. Пинегин
ДОРОГИ СОЛДАТА

Семнадцатилетним начал свой боевой путь Борис Васильевич Пинегин. Прошел рядовым по фронтовым дорогам от Курска до Будапешта и Вены. Служил в составе 75-й гвардейской стрелковой Бахмачско-Нежинской, затем 322-й гвардейской стрелковой дивизии, 136-й штурмовой авиадивизии. Награжден медалями «За отвагу», «За взятие Вены» и другими.

После демобилизации из рядов Советской Армии в ноябре 1950 года вернулся в Челябинск, работал электромехаником связи Управления Южно-Уральской железной дороги, строил АТС, прокладывал высокочастотную связь, затем перешел на ремонт поездной радиосвязи. Бывший солдат — один из лучших работников вагонного участка Челябинск-Главный. Труд его отмечен многочисленными грамотами и благодарностями.

В 1942 году я закончил Челябинское ремесленное училище связи № 14. Мы, монтеры-линейщики, следили за исправностью линий, хорошо лазили на когтях по столбам. Но скоро мои ребята-однокашники забузили: наши бьются насмерть под Сталинградом, а мы тут по столбам лазим — не дело. Будем проситься на фронт. Как раз в это время пришла похоронка на моего двоюродного брата, с которым я, можно сказать, вместе вырос. И вот пишем в военкомат одно заявление за другим. В конце концов, добились своего: троих из нас призвали. Это был январь 1943 года. Но вместо Сталинграда попал я в челябинские Красные казармы, на снайперские курсы.

Помню, выведет нас старшина для занятий на Миасс, к зданию, где сейчас филармония, уложит на ледяные кучи (тогда к мосту свозили глыбы льда с тротуаров). В руках снайперская винтовка. Мороз порядочный. И ноги до того заколевают, что начинаешь стучать ботинками по льду. Старшина ворчит: «Не шевелись, ты же убитый. Снайпер должен без движения лежать час, надо будет — два!» Лежали. Было нам по 17 лет, и очень хотелось попасть на фронт, бить проклятого врага.

Мамаша придет иногда, принесет вкусные лепешки из картофеля, тетка (она повар) — кусочек хлеба поджаренного.

Как-то утром старшина выстраивает нашу группу и командует: «У кого 8 классов и больше — выйти из строя!»

Оказалось нас человек восемь. Так мы попали в Урюпинское пехотное училище, эвакуированное в Пермь. Через шесть месяцев мы — добровольцы — в составе маршевой роты в новеньком обмундировании были направлены под Курск.

На станциях встречные эшелоны с ранеными, бинты, кровь. Тот без ноги, тот без руки. Жалеют нас: «Детки, вам бы еще с мамкой быть». Но мы не расстраивались. Мы уже тогда твердо верили в нашу победу. Правда, не знали, каким тяжелым будет путь к ней.

Восьмого августа прибыли на станцию Арбузово под Курск. И вот мы во втором эшелоне. Видимо, еще боялись пускать нас в бой.

В это время под Курск пришла 75-я гвардейская стрелковая дивизия из-под Сталинграда. Почетное звание она заслужила там. Нас в нее и включили. Я смотрел на бойцов-гвардейцев, как на старших братьев, на них равнялся во всем. С этой дивизией я прополз и прошагал не одну сотню километров по Украине. Продвигались мы в основном вдоль железной дороги, форсировали реки. Под бомбежками и обстрелами.

А началось все так. Наши взяли Орел и Белгород. И мы тоже с боями продвинулись километров на сто пятьдесят в направлении Сумской, затем Черниговской областей и попали в сильные бои под Бахмачем. Хорошо помню свой первый бой. Бежим по кукурузному полю, кругом свистят пули. Все бегут, и я бегу. Все стреляют, и я стреляю. Вперед! Вот и окраина, первые дома… Боевой опыт придет позже.

В Нежин наш полк ворвался первым. Москва салютовала в честь нашей дивизии, и она стала называться Бахмачско-Нежинской.

А в Семиполках собрали нас и объявили, что скоро будем освобождать Киев. Десну переходили вброд. Обмундирование связали в узлы — октябрь уже, вода обжигает — перебрались на ту сторону. Ивняк по берегу. Но ни обсушиться, ни закурить нельзя. Оделись и снова — вперед.

В числе первых выскочили к Днепру. Сейчас места, где форсировали, закрылись морем. Нам пришлось два раза переправляться. Там старый рукав Днепра, узенький и новый, широкий и полноводный, между Семиселкой и маленькими деревнями. Вот здесь нам было трудно. Противоположный берег высокий, с него все пристреляно. А на нашем только кустарник да камыш. Мы начали готовиться к переправе. Раздобыли лодки, штук десять-пятнадцать. Саперы разбирали старые домишки в ближних деревнях, сбивали плоты из бревен и досок.

Под утро — на реке еще туман — командир приглушенным

голосом строго повторил наказ: не курить, не разговаривать, грести тихо. И скомандовал: вывести лодки и плоты из камыша.

На плоту нас было восемь человек. В центре — батальонный миномет. Плот, конечно, дал осадку и двигался не очень ходко, хотя мы гребли изо всех сил палками, досками, прикладами, касками. Под прикрытием тумана прошли не меньше половины реки. Тишина. Уже кое-где стали различать высоченную стену берега. Но, видно, те, кто переправился, обнаружили себя. И началось! Река закипела. Огромные столбы воды поднимали разрывы снарядов.

Метрах в 30—40 от берега наш плот перевернуло, разбило. Я ухватился за бревно. Оно скользкое, а в руке вещмешок, в нем патроны, гранаты. Еле добрался. Только почувствовал почву — бегом вперед. С тебя течет, а надо дальше от берега, чтобы не скинули. И так — каждый! Начинается атака. Вперед! Ура! Но у врага все пристреляно. Приходится окапываться. Песок осыпается, в уши, в нос лезет. А плацдарм надо занять. Артиллерия с того берега расчищает нам путь, беспрерывно бьет по высоким огневым точкам. Но продвигаемся медленно, оружие-то у нас только легкое. Двое суток мы отбивали бешеные атаки врага. Наконец во фланг вышли другие части, и мы сломали сопротивление.

И вот тут-то меня контузило. Рядом ударила мина из немецкого шестиствольного. Они рвутся с таким оглушительным треском. И дальше — провал. Сколько я лежал, два-три часа, а может, сутки в воронке от снаряда, засыпанный полностью. Меня вытащили солдаты из соседней части. Видят — автомат, потянули, а ремень на руку у меня был намотан… Не слышу ничего, только по губам вижу, что-то они говорят. Отвели в медсанбат. Дня три там побыл. Вот тогда-то и вспомнил, что в день переправы мне исполнилось 18 лет. Однако не до этого было. Немножко стал слышать — и в бой!

Попал я уже в другую часть. Это была 322-я гвардейская стрелковая дивизия. Смяли мы днепровскую оборону, а дальше памятны сильные бои за Киев и ночной штурм горящего города. Потом снова шли вдоль железной дороги. Особенно яростное сопротивление — не меньше, чем на Днепре — встретили под Житомиром. Запомнился Радомышль. Только мы приготовимся в наступление, фашист — в наступление: контратаковал ежечасно, пускал танки большими группами. Здесь меня второй раз царапнуло осколком в грудь.

Житомир мы обошли с севера, от Радомышля. Бои были жестокие. Город два раза брали. Немцы никак не хотели отдавать такую важную магистраль, удерживали любой ценой. Танковые

контратаки бывали ежедневно по несколько раз. Но Житомир в конце концов мы взяли. И снова — упорнейшие бои под Шепетовкой, Полонной.

Сильно сопротивлялся противник в Сбараже. Контратаковал без конца. А ведь это февраль — март. Распутица страшная. Танки, машины, вспомогательные орудия, самоходки — вся эта техника отстала. Приходилось одной пехоте взламывать оборону врага.

Когда первый раз Тернополь взяли, там оказалось около 700 машин. Мы захватили огромные склады с оружием, продовольствием. А 11 марта ранним утром враг нас контратаковал, обойдя город с фланга. Завязался ожесточенный бой.

Заменив связиста, я побежал восстанавливать связь, тогда и был ранен разрывной пулей в правую ногу. Помню, увез меня на подводе прямо из боя пожилой дядька с бородой. «Сынок, давай!» — забросал меня соломой на телеге и помчал. Кругом стрельба, грохот.

Из медсанбата был я переправлен в тыл, город Кирсанов Тамбовской области. Гипс наложили. Пробыл я там до июня. Постепенно стал восстанавливаться нерв, двигаться пальчики: медсестра по несколько раз в день заставляла выполнять упражнения. Наконец сняли гипс, и я с палочкой явился на комиссию. Меня направили в запасной полк. Похоже, теперь я непригоден для пехоты. Многих посылали учиться. Какая у тебя специальность — неважно. Какую надо — такую и готовили. В то время, вероятно, требовались стрелки-радисты на штурмовик ИЛ-2. И я попал в школу воздушных стрелков. Был очень рад этому. У меня, бывшего пехотинца, любовное отношение к летчикам. Сколько раз они спасали нас от фашистских бомб и танков.

Проучились мы до февраля 1945 года, получили новую технику и поехали снова на фронт, под Будапешт. Однако первое время я летал не часто. Пилоты предпочитали опытных обстрелянных радистов.

Наши войска вынудили немцев оставить Будапешт. И фашисты озверели. Они стянули всю технику, какую могли, свои новейшие танки — «тигры королевские», самоходные орудия «фердинанд». И нанесли удар по Секешфехервару. Вот когда началась для нас отчаянная работа. Не раз слышал, как пехота прямо с командного пункта просила: «Товарищи, срочно, срочно, вылетайте еще, помогите!» И мы летали по много раз в день. Мы загружали свой «летающий танк» противотанковыми авиабомбами и шли на борьбу.

У меня пилотом был славный парень Гриша Чистовский, спокойный, уверенный. Действовали мы с ним слаженно, как один человек, и успешно.

День Победы встретили в деревне Гетцендорф, в 18 километрах от Вены, в помещичьем имении. Там была вся наша первая эскадрилья. В полутора километрах — аэродром. Среди ночи на 9 мая там началась стрельба. Все повскакивали. Что случилось? Кто-то услышал слово «капитуляция» на немецком языке — приемники-то у нас у каждого на тумбочке. Ребята стали обниматься. Утром пришел «батя», горячо поздравил и разрешил праздновать Победу. А рано утром 10-го получили приказ на срочный вылет. В Чехословакии, в горах, особая фашистская дивизия отказалась капитулировать.

Потом мы отчистили, отдраили и зачехлили все самолеты. И дали нам отдых. Первое время удивлялись тишине. Выходишь утром — кругом зелень и такое спокойствие. В канале купались, ездили в Венский лес. Памятно посещение Парламента. Зал огромный. Все раскидано: бумаги, документы, папки всякие рваные. Кожаные кресла, на каждой спинке — такой-то… Фамилии, титулы указаны. А на стене — огромный белый шелковый флажище, в середине тоже белым шелком нашита свастика. Содрали мы этот флаг…

Солдатская судьба переменчива. Шла война с Японией. Нас стали перебазировать на восток. Но до станции назначения не доехали. Война закончилась. И в Румынии эшелоны разгрузили. Там я еще некоторое время служил.

У меня сохранилось командировочное предписание, в котором говорится: «Всем военным патрулям и комендатуре. Гвардии младшему сержанту Пинегину Б. В. разрешается хождение по городу Бузэу в любое время суток. Имеет право задерживать всех подозрительных лиц гражданских, военных и проч…» И хотя это был 1946 год, приходилось идти под пули. Мы разгромили там фашистскую шайку и захватили пулемет, о чем у меня есть даже документ: «…Сдал в военную комендатуру города немецкий пулемет. Комендант г. Бузэу ст. л-т Фокин».

Потом служил в Одессе. Готовили стрелков, пилотов. Это была напряженная учебная работа — полеты, прыжки с парашютом. И только в ноябре 1950 года я приехал домой.

«Здравствуй, мама, возвратились мы не все…» Не могу спокойно слушать эту песню, вспоминаю те дни: мать еще жива была… Поступил я в Управление Южно-Уральской железной дороги. И вот уже 35 лет работаю там, сейчас занимаюсь ремонтом поездной радиосвязи.

В 1984 году в «Известиях» была помещена статья бывшего

командира 322-й стрелковой гвардейской дивизии: отмечалось 40-летие форсирования Днепра. И так у меня защемило. Написал в редакцию. Оттуда переслали мое письмо самому генералу Герою Советского Союза П. Н. Лащенко. И вот получаю теплый, задушевный ответ:

«Уважаемый Борис Васильевич! Я помню, с каким боевым порывом шли воины нашей славной 322-й стрелковой дивизии в бой за освобождение нашей Советской Родины. Нашей дивизии выпало тяжелое, но почетное солдатское дело — форсировать Днепр. И сейчас, спустя сорок лет, хочу сказать, Борис Васильевич, что форсирование этой водной преграды осуществлялось в тяжелейших условиях, изобилующих драматическими событиями, и потребовало от всех нас предельного напряжения сил, воли, мужества. 1089-й стрелковый полк, где вы служили, был одним из лучших полков нашей дивизии…»

Письмо для меня стало праздником. Вспомнилось многое. Будто вновь прошагал по военным дорогам, очень тяжелым, от Курска через всю Украину, через Венгрию, участвовал в боях за Секешфехервар и Балатон, в боях за Штеккерау и Вену. Судьба военная меня, рядового, бросала по многим участкам.

Ф. И. Коржаков
САМОЛЕТЫ ЛЕТЯТ К ПАРТИЗАНАМ

Федор Иванович Коржаков, окончив летное училище, служил в гражданской авиации. Когда началась Великая Отечественная война, его направили в 101-й авиационный полк дальнего действия, где он и сражался до конца войны под командованием Героя Советского Союза В. С. Гризодубовой. За боевые заслуги удостоен одиннадцати наград. В их числе два ордена Красного Знамени, два — Отечественной войны 1-й степени, медали «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина» и другие. После войны работал в гражданской авиации. Сейчас живет в своем родном городе Аше.

Погода в тот день в районе цели нас явно не баловала: облачность высотой 100 метров с моросящим дождем. Наступило обледенение. Чтобы найти место выброски груза, снизились до предела возможного. Но и это безрезультатно. Сигналов партизан по-прежнему обнаружить не смогли. Зато самолет засекли фашисты, открыв по нему зенитный огонь.

Один за другим вышли из строя оба мотора. Оставалось одно — совершить посадку. Однако во время приземления самолет зацепился за геодезическую вышку и врезался в землю…

Я из тех, кто с детства мечтал о небе. Не знаю, с чего это пошло, тем более, что в нашем ашинском небе самолет пролетал не часто. Но ни один уважающий себя мальчишка не пропускал его, чтобы не помахать летчику рукой, который, конечно же, не мог видеть этих знаков внимания и почитания. А когда однажды в Аше приземлился самолет и летчик согласился прокатить мальчишек, в числе которых был и я, небо покорило меня окончательно и навсегда.

Своего добился. Окончив летное училище, служил в армии борттехником. Демобилизовавшись, перешел в гражданскую авиацию, сам стал водить воздушные корабли. К началу войны имел два серебряных знака «За полет». Первый получил, когда налетал 300 тысяч километров, второй — за 500 тысяч.

На «гражданке» свела меня судьба с летчиком Михаилом Ивановичем Поповичем. Уроженец села Березнеговатого Николаевской области, он был отличным и смелым летчиком, человеком редкой скромности. Подружились мы крепко, мечтали о дальних перелетах, что тогда было в большом почете, о

прокладке небывалых воздушных трасс. Только недолго пришлось бороздить мирное небо. Началась Великая Отечественная война.

Ушел из гражданской авиации М. И. Попович. Каждый из нас тоже рвался на фронт, но получал неизменное и категорическое: «Придет и ваше время».

И время пришло.

— Создается полк из летчиков Гражданского воздушного флота, — сказали мне. — Попович приглашает в свой экипаж борттехником. Командир полка — Валентина Степановна Гризодубова. Как думаете?

О каком тут раздумывании могла быть речь. Летать с Поповичем — мечта. Несколько необычным было оказаться под началом женщины, которую в то время знали и почитали не только все советские люди, но и во всем мире.

24—25 сентября 1938 года советские летчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова совершили беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток, установив женский международный рекорд дальности. За мужество и высокое мастерство они были удостоены высокого звания Героев Советского Союза.

И вот теперь мне предстояло не только увидеть эту легендарную женщину, но и работать под ее началом. Друзья посмеивались:

— Полк амазонок. Лучше не придумаешь. Везет же людям…

Когда же я прибыл к месту назначения, оказалось: в полку триста мужчин и… одна женщина — Гризодубова. Это опытные летчики, техники, радисты, которые до войны работали на воздушных трассах страны.

В числе летчиков был и земляк — старший лейтенант Виталий Иванович Масленников. Роста среднего, подвижный, сухощавый, на лице шрам — след былых летных неудач. Родился он на Урале, окончил школу летчиков, работал инструктором, а в 1933 году добился назначения в полярную авиацию. Избороздил все небо Севера, научился отлично летать днем и ночью, в любую погоду. Он стал Героем Советского Союза.

Были тут и другие не менее опытные летчики: Иван Андреевич Гришаков, Борис Григорьевич Лунц, тоже ставший Героем Советского Союза, Александр Сергеевич Кузнецов, Василий Михайлович Федоренко. Все — крепкие духом, а главное, настроены воинственно. Под стать им штурманы, техники, воздушные радисты и стрелки. Большинство личного состава — коммунисты и комсомольцы. Таким был коллектив, в который я прибыл на должность борттехника в экипаж М. И. Поповича.

Авиационный полк дальнего действия под командованием В. С. Гризодубовой был призван доставлять партизанам оружие, боеприпасы, продовольствие и медикаменты, вывозить на Большую землю тяжелораненых, детей, женщин, помогать нашим военным частям, отрезанным от основных сил.

В июне 1942 года части 2-й ударной армии вели упорные бои в окружении под Ленинградом. Для снабжения их боеприпасами и продовольствием командование выделило оперативную группу из транспортных самолетов ЛИ-2. От полка Гризодубовой вошли в состав шесть экипажей.

Было время белых ночей. Как они хороши в мирное время! И какими ненужными казались тогда: лишали возможности скрытно подходить к линии фронта. Тщетно надеялись наши экипажи на появление спасительной облачности. Но погода, как назло, стояла весь июнь ясная. К тому же на маршруте и в районе выброски грузов патрулировали истребители противника. В первый же вылет из шести самолетов не вернулись с задания два.

На аэродром прилетела Гризодубова. Впервые увидел я ее. Среднего роста, с широко открытыми карими глазами. На ней ладно сидела военная форма. Валентина Степановна изучила тактику воздушного боя, противника и предложила изменить действия наших летчиков, чтобы свести на нет преимущества фашистских истребителей в воздухе.

Было решено маршрут к цели прокладывать над болотистой местностью и лесными массивами на малой высоте. Самолеты ЛИ-2 сверху оказались невидимыми на фоне леса, тогда как в условиях белых ночей наши экипажи прекрасно видели истребители противника. Кроме того, из пулеметов ЛИ-2 удобнее было вести огонь по противнику, когда тот находился выше. Выполнение важного боевого задания пошло успешно.

Применяя тактику, предложенную командиром, экипажи без потерь совершили более 100 самолето-вылетов, доставили окруженным частям десятки тонн боеприпасов и продовольствия.

В последних числах июня 1942 года противник прорвал нашу оборону на Брянском и Юго-Западном фронтах и развивал наступление на Воронеж. Полк Гризодубовой в полном составе летал бомбить фашистские войска южнее Курска. Каждую ночь вылетала и сама Валентина Степановна. Бывшие гражданские летчики отлично научились наносить бомбовые удары по врагу.

— Сегодня полк должен поработать так, чтобы фашистам стало жарко, — сказала Гризодубова перед вылетом 16 июля.

Вылетели все. Под фюзеляжем каждого самолета висели тяжелые фугасные бомбы. На подступах цели встретила сплошная стена зенитного огня. Длинными лентами тянулись в ночное небо

трассирующие снаряды. Они рвались впереди самолетов, выше, ниже. Гризодубова первой вышла к цели. За ней следом — другие летчики. Сбросили осветительные ракеты. Район расположения вражеских войск как на ладони. Полетели бомбы. На земле возникли десятки пожаров.

Когда возвращались обратно, увидели, что самолет соседнего полка стал подавать сигналы: «Иду на вынужденную посадку». Он приземлился на наш аэродром и загорелся. Вот-вот могли взорваться бензобаки и бомбы. Валентина Степановна первой бросилась на помощь. Обжигая лица и руки, мы открыли заклиненную дверь самолета, вытащили раненых. Опоздай на одну-две минуты — все было бы кончено. Чувствовали себя, однако, неловко. Стыдно было, что первой к горящему самолету, рискуя собой, бросилась женщина, наш командир.

В сентябре 1942 года полк поступил в распоряжение Центрального штаба партизанского движения. Брянский лес стал центром формирования и снабжения многих партизанских отрядов и соединений. Каждую ночь десятки самолетов привозили туда боеприпасы и людей.

Не раз и наш экипаж выполнял подобные задания, переправляя в различные зоны партизанского движения их руководителей, партийных работников, радистов, разведчиков. И на этих нелегких дорогах немало случалось чрезвычайных происшествий.

В начале октября полк получил задание от белорусского штаба партизанского движения обеспечить боеприпасами бригаду широко известного ныне Константина Заслонова. Сделать посадку на партизанском аэродроме Гризодубова приказала экипажу коммуниста М. И. Поповича.

Первый наш полет к Заслонову состоялся в самых неблагоприятных условиях. С трудом обнаружили площадку: четыре костра с севера на юг, головной костер дублировался миганием фонаря. Приземлились на ржаном раскисшем от дождя поле. Заслонов горячо благодарил экипаж за проявленный героизм. Дело в том, что на первых порах партизанам только сбрасывались парашютные мешки, посадки были большой редкостью. По неумению готовились такие площадки, что и посадка на них и взлеты были небезопасны.

На этот раз все обошлось благополучно. Штаб просил продолжать полеты к Заслонову регулярно. Фашисты сосредоточили против партизанской бригады большие силы, отряды вели тяжелые бои. И мы много летали туда.

Однажды при заходе на площадку нас обстреляли. Пули попали в плоскости самолета, но особого вреда не причинили.

Быстро разгрузили корабль, поместили в него 22 человека раненых. Между тем огонь по партизанскому аэродрому усилился. Бой шел совсем рядом. Заслоновцы стремились оттеснить противника. Наш самолет взлетел буквально на глазах фашистов и скрылся в ночной темноте.

Экипаж Поповича продолжал летать к партизанам. За нами прочно закрепилось «Заслоновский экипаж». После каждого полета Гризодубова неизменно спрашивала Михаила Ивановича:

— Ну, как там ваш Заслонов, бьет фашистов?

— Бьет, товарищ подполковник, — отвечал Попович, — только, говорит, патронов маловато.

— Старайтесь обеспечить его ими в достатке.

— Будет сделано, товарищ командир.

Накануне всенародного праздника — 25-й годовщины Великого Октября — экипажи Михаила Поповича и Виталия Бибикова вылетели с листовками в прибалтийские республики. О результатах этого полета рассказало письмо ЦК КП(б) Эстонии. В нем говорилось:

«Уважаемая товарищ Гризодубова! Разрешите горячо поблагодарить вас за проведенную в ночь с 5 на 6 ноября 1942 года летчиками вашей части успешную операцию по распространению листовок в Эстонской ССР. Эстонский народ услышал перед 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции по всей стране пламенные слова большевистской правды, доставленные туда нашими славными соколами». И далее: «Прошу от имени Центрального Комитета КП(б) Эстонии объявить благодарность экипажам самолетов, доставивших листовки в Эстонию, и сообщить имена командиров этих летчиков».

Однако об этой благодарности некоторым членам нашего экипажа узнать уже не довелось. Роковой вылет, с которого я начал эти воспоминания, состоялся в ночь с 6 на 7 ноября. Мы должны были лететь к Заслонову, но получили известие, что он не может принять самолет из-за боевых действий. Тогда Попович решил доставить боеприпасы другому отряду. Здесь и произошла катастрофа.

Когда я пришел в себя, увидел разбитый самолет, безжизненные тела командира Михаила Ивановича Поповича и штурмана Ивана Георгиевича Талалайкина. Остальные были ранены. В тяжелом положении был второй летчик комсомолец Алексей Михайлович Иванов. Он не мог двигаться, но как старший по званию принял командование на себя. Увидев приближающихся фашистских карателей, приказал мне и радисту Андрею Талаеву уходить в глубь леса, к партизанам. Мы не

хотели оставлять Иванова одного. Однако он был непреклонен в своем решении. Пришлось подчиниться. Какое-то время слышали выстрелы, различая «свои» и «чужие». Потом все смолкло.

Почти шесть суток шли и ползли по лесным трущобам, порой теряя сознание от боли и голода. И вот повезло: встретились с партизанами «дяди Вани» — Патружанского из соединения Ковпака. Врач Анна Павловна Прищепа основательно занялась нашим лечением, которое продолжалось долгих три месяца.

Разведчикам Ковпака удалось установить обстоятельства гибели летчика А. М. Иванова. Фашисты взяли его в плен (был он тогда без сознания), на допросах он упорно молчал, и его замучили. Поповича и Талалайкина похоронили местные жители.

Начав поправляться, мы с Андреем получили задание Патружанского: руководить работами отряда по строительству аэродрома, чтобы принимать самолеты с Большой земли. Дело шло споро. Первым совершил посадку наш товарищ Борис Григорьевич Лунц. С ним мы и возвратились в родной полк.

Встретили нас шумно, радостно. Объятиям, поцелуям, расспросам, казалось, не будет конца. Но Валентина Степановна Гризодубова распорядилась:

— В баню! В столовую! В постель!

Еще находясь среди партизан, я дал себе клятву заменить за штурвалом самолета погибшего командира. Об этом в первые же дни после возвращения и написал рапорт на имя командира полка. Просьбу Гризодубова удовлетворила, поручив мое обучение лучшим летчикам Гришакову, Рукавицыну и Масленникову. Со второй половины 1943 года я начал уже самостоятельные полеты. Всего сделал 160 боевых вылетов.

Помощь нашего полка партизанам была огромна. Из опубликованных ныне документов известно, что уже к июлю 1943 года украинские партизаны взрывчаткой, которую им доставили летчики Гризодубовой, пустили под откос 299 вражеских эшелонов, взорвали 309 железнодорожных мостов, уничтожили при этом десятки тысяч захватчиков, много боевой техники, оружия, боеприпасов.

А вот сообщение из белорусского штаба партизанского движения: «По неполным данным с вашей помощью с августа 1941-го по июль 1943 года истреблено высших фашистских чинов — 14, солдат и офицеров — 120 000, разгромлено войсковых штабов — 11, войсковых и полицейских гарнизонов — 118, произведено крушений воинских эшелонов — 1974, подорвано и сожжено станций — 10, железнодорожных мостов — 151.

Учитывая исключительную самоотверженность и отвагу

личного состава полка Гризодубовой, — при выполнении сложных заданий в боевых полетах к партизанам — считаем, что 101-й авиаполк дальнего действия заслуживает звания гвардейского полка».

В мае 1944 года, за участие в ликвидации блокады Ленинграда, полку присвоено наименование «Красносельский». Он был награжден орденом Красного Знамени и вскоре преобразован в 31-й гвардейский бомбардировочный авиационный Красносельский Краснознаменный дальнего действия. Для меня лично 1944 год памятен еще и тем, что коммунисты полка приняли меня в ряды ленинской партии.

Экипаж моего самолета совершал полеты в тыл противника с тяжелыми бомбами для разрушения его укреплений и уничтожения живой силы, сотни бомб сбросил на военные объекты Берлина, Кенигсберга и другие.

Войну я закончил командиром отряда тяжелых самолетов в звании гвардии капитана. Снова замялся мирными полетами. Однако пришел срок расстаться с авиацией, которой отдал более четверти века. Вернулся в родную Ашу, под ее чистое небо. Пусть же оно будет чистым и мирным над всей нашей страной, над всей землей.

С. А. Злодеев
НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Сергей Андреевич Злодеев работал на Златоустовском металлургическом заводе. В 1938 году был призван в ряды РККА. С первых дней войны на фронте, в боях. Раненым попал в плен. Бежал. Сражался в рядах белорусских партизан — в Пинском партизанском соединении. Награжден орденом Ленина, польским Крестом Храбрых, медалями. Ныне живет на станции Кропачево Южно-Уральской железной дороги.

В нашем семейном архиве бережно хранится: снимок из армейской газеты за 1941 год. На нем: далеко растянувшаяся колонна красноармейцев на, лыжах. Под снимком подпись: «Взвод тов. Фомичева у финиша».

Гляжу на себя молодого, здорового, улыбающегося и вспоминаю тот 150-километровый учебный лыжный переход. Срок службы подходил к концу. Позади учеба в полковой школе, которую закончил с отличием, позади все армейские сложности. Впереди — скорая встреча с родными и близкими, златоустовскими друзьями-металлургами, работа у полюбившейся до армии жаркой мартеновской печи…

Встрече этой, однако, пришлось отодвинуться на многие годы. Наш полк оказался в числе тех, кто с первых же дней войны принял натиск фашистов. После нескольких кровопролитных боев, принесших большие потери, был получен приказ отступить. Но моторизованный враг преследовал по пятам, и прикрыть отход поручили батальону, в состав которого входило мое отделение.

Закрепились на берегу Западной Двины. Фашисты, подойдя к противоположному берегу реки, тоже остановились. Они, видимо, знали о малочисленности батальона и ходили не прячась, играли на губных гармошках, пели, громко кричали:

— Рус, сдавайся!

— Рус, капут!

Сжимая рукоятку единственного пулемета, оставшегося в батальоне, я с трудом сдерживал себя, чтобы не нажать гашетку. Подполз комсорг, заменивший убитого комиссара.

— Ну что, Сергей, дадим гадам? Не могу больше смотреть, как они хозяйничают. Сейчас начнем.

Скоро по цепочке приглушенно пронеслось: «Приготовиться!» Дружный огонь заглушил музыку и песни на том берегу.

Развеселившиеся было молодчики поспешно бросали свои костры, консервы и недопитые фляги. Фашисты открыли бешеную стрельбу из автоматов, пулеметов и минометов. Затем ударили пушки. В нескольких местах одновременно немцы начали возводить понтонные мосты для переправы.

Три часа длился неравный бой. Один за другим гибли наши товарищи. И только когда кончились патроны, оставшиеся в живых двинулись следом за ушедшим полком. Скоро поняли, что своих не догнать: фашистское кольцо сомкнулось. Решено было пробиваться малыми группами. Одну из них в семь человек доверили мне как командиру отделения.

Несколько недель голодные, некоторые, в том числе и я, раненые блуждали по лесам и топям, обходя дороги и населенные пункты. Окончательно обессилевшие, завернули в село, предварительно разведав, что немцев там нет. Безоружные (не осталось ни одного патрона, ни одной гранаты), мы нарвались на засаду. Единственное, что успели, убить предателя, оказавшегося среди нас.

…Фашистский лагерь в городе Невеле. Вместе с товарищем Михаилом Поповым снежной ночью, прорвав колючую проволоку, бежали. Скрывались в хуторах и маленьких деревушках, разыскивая партизан. Найти не успели. Нас схватили.

Лагерь в Польше. В первую же ночь, голыми руками расправившись с охранником, ушел. Оказался в Белоруссии, в Пинской области, знаменитой своими дубравами и непроходимыми болотами. На этот раз повезло. С помощью местных жителей удалось связаться с небольшой группой Бруева. Встретили меня, однако, настороженно. Да оно и понятно. Партизанское движение там только набирало силу, действовали мелкие разрозненные отряды. Зверствовали фашистские холуи-полицаи. Обирали жителей, помогали гитлеровцам угонять советских людей в Германию на фашистскую каторгу, жестоко расправлялись с семьями командиров Красной Армии, партийных и советских активистов. Зная местные леса и болота, они наводили карателей на партизанские базы.

Разумеется, ничего этого я тогда не знал. И первая встреча с представителем Бруева грузином Терентием Самилия удовольствия не принесла. Не выпуская из рук направленного на меня пистолета, он сказал:

— Я не имею права не верить тебе, но и верить не могу. Поэтому, дорогой, договоримся так. На наших глазах ты убьешь фашиста, завладеешь его оружием и только тогда командир сможет вести с тобой разговор.

Задание я выполнил: уничтожил двух фашистов. Так началась

моя партизанская жизнь. Вскоре наша группа, состоящая сперва из шести человек, выросла в отряд, насчитывающий несколько десятков активных штыков. Он вошел в состав одной из бригад. Мы уже знали, что действует Пинский подпольный обком партии, горком, райкомы, первичные партийные организации. В отрядах повсеместно принимали торжественную клятву:

«…Я клянусь за сожженные города и деревни, за кровь и смерть наших жен и детей, отцов и матерей, за насилие и издевательства над моим народом жестоко отомстить врагу и, не останавливаясь ни перед чем, всегда и везде смело, решительно, дерзко и беспощадно уничтожать немецких оккупантов.

Я клянусь всеми путями и средствами активно помогать Красной Армии повсеместно уничтожать фашистских палачей и тем самым содействовать скорейшему и окончательному разгрому кровавого фашизма.

Я клянусь, что скорее погибну в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и белорусский народ в рабство кровавому фашизму.

Слова моей священной клятвы, сказанные перед моими товарищами партизанами, я скрепляю собственноручной подписью и от этой клятвы не отступлю никогда.

Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу свою присягу и изменю интересам народа, пускай умру я позорной смертью от рук своих товарищей».

Пример стойкости, мужества показывали коммунисты. Это командир В. З. Корж, бывший до войны заведующим отделом обкома партии, участник боев в Испании; секретарь подпольного райкома партии Ф. С. Куньков; наш комсомольский вожак Э. Б. Нордман и многие другие.

Смелую операцию по ликвидации трех полицейских гарнизонов совершили Василий Захарович Корж и Эдуард Нордман. Нордман, одетый в мундир офицера-эсэсовца, «превратился» в господина обер-лейтенанта — представителя военной комендатуры, а Корж — в полицейского, переводчика. Они приезжали в села, собирали полицаев на инструктаж, ловко их разоружали, ну а остальное было, как говорится, делом партизан.

Несколько раз доводилось мне встречаться с секретарем Пинского подпольного обкома партии Алексеем Ефимовичем Клещевым, доставляя ему важные сведения. Впоследствии генерал-майор Клещев стал Героем Советского Союза. Человек большого мужества и отваги, он был удивительно обаятельный и душевный. Нас, связных, не отпускал без чая, подолгу беседовал о жизни и быте партизан, интересовался нашими родными и

близкими. Тогда говорили, что секретарь обкома знает по имени и отчеству всех партизан. Не знаю, насколько это верно. Ведь уже в 1943 году соединение насчитывало 20 тысяч человек. Но вот передо мной пинская газета, присланная юными следопытами. Ее корреспондент Н. Федотов пишет:

«У Алексея Ефимовича была хорошая память. Он помнил мельчайшие детали всех значительных событий, а людей, с которыми встречался, запоминал на всю жизнь. Многих партизан он знал по имени и отчеству. В этом я убедился при встречах с ним в послевоенные годы. В одну из таких встреч, когда Клещев работал Председателем Совета Министров Белорусской ССР, речь зашла о знакомых партизанах, в частности, о командире взвода Сергее Злодееве. «Как же, помню, — сказал тогда А. Е. Клещев, — летом 1943 года Злодеев со своим взводом вышиб из деревни Критышин Ивановского района целый батальон гитлеровцев. Батальон СС ворвался в деревню внезапно, чтобы вывезти население в Германию, а деревню сжечь. Злодеев ловко обманул эсэсовцев. Он повел свой взвод на деревню с трех сторон. Партизаны открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Гитлеровцам показалось, что их окружают большие силы, и они позорно бежали, не успев выполнить свой коварный план».

Это один случай, один эпизод. А их в нашей нелегкой партизанской жизни было предостаточно.

Как-то фашистам удалось окружить наш отряд, прижать к непроходимому болоту. Много часов подряд длился бой. Иссякали силы партизан, кончались патроны, а каратели, видимо, ждали подкрепление. Положение казалось безвыходным. Но вот секретарь подпольного райкома партии Федор Семенович Куньков дал приказ моему взводу — пройти через болото в тыл к немцам и атаковать их.

— Задание тебе, Сергей, незавидное, — сказал он на прощание. — Через эти проклятые топи и птица-то, наверное, не каждая пролетит. Но иного выхода нет. Погибнешь — погубишь всех нас.

Осторожно, вслед друг другу ступали партизаны по зыбкой трясине. То один, то другой по шею проваливались в вязкую, дурно пахнущую жижу, на волосок от страшной гибели была жизнь каждого. Но люди шаг за шагом продолжали идти вперед и вперед.

Какой большой была паника врага, когда неожиданно двадцать два партизана, словно призраки, вышли из болота и открыли огонь. Оказавшись под двусторонним обстрелом, каратели кинулись в паническое бегство.

Немецко-фашистские захватчики пытались широко

использовать для своих военных перевозок судоходные реки Белоруссии, Днепровско-Бугский и Огинский каналы. Через Днепровско-Бугскую водную систему они начали увозить в рабство советских людей, транспортировать хлеб, награбленное добро из временно оккупированных районов Украины и Белоруссии.

В феврале 1943 года командование Пинского соединения отдало приказ партизанскому отряду имени Лазо, в котором я исполнял тогда обязанности командира, а также отрядам имени Кутузова и Суворова прорваться к каналу и взорвать Овзичский, Ляховичский и Радогощский шлюзы. Задание было не из легких. Немало ребят сложили в тех боях головы, но приказ выполнили. К лету 1943 года были выведены из строя еще два шлюза — Дубовой и Переруб. Днепровско-Бугский канал, уровень воды в котором понизился до 30—60 сантиметров, на протяжении 120 километров на участке Пинск — Кобрин оказался непригодным к эксплуатации. И главная заслуга в этом была нашей партизанской бригады под командованием М. И. Герасимова и Ф. С. Кунькова.

Гитлеровцы потеряли важнейший водный путь. 129 судов, переброшенных оккупантами с Днепра, сели в Пинском порту на мель и были захвачены нашей военной флотилией.

В начале августа 1943 года партизанские отряды повсеместно получили указание ЦК КП(б) Белоруссии и Центрального штаба партизанского движения о выводе из строя железнодорожных линий. Началась известная в истории партизанского движения «рельсовая война». Мы называли ее между собой операцией «концерт». Два месяца продолжалась эта «музыка». Только партизаны Пинщины взорвали 142 километра железнодорожного пути.

Официальные немецкие документы, захваченные в тот период партизанами, свидетельствовали:

«Партизанами проведена операция небывалых размеров по срыву наших перевозок путем планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения», — доносил командир немецкого корпуса охранных войск в штаб группы армии «Центр».

Начальник 559-й тыловой комендатуры в приказе от 8 сентября 1943 года писал:

«В последние ночи число взрывов на железных дорогах выросло до такой степени, что при создавшемся положении их повторение может серьезно угрожать операциям на фронте, особенно снабжению войск».

И фашисты пытались изыскивать средства «прекращения взрывов». Неслись грозные приказы и распоряжения. На отдельных участках немцы прекратили движение в ночное время.

Поезда шли только днем, после проверки железнодорожного полотна с помощью миноискателей и собак. Партизаны начали проводить диверсии днем, за две-три минуты до прихода поезда минировали путь.

Наш отряд имени Лазо действовал а те дни в районе Яново — Снитово. Под моим личным руководством было спущено под откос два воинских эшелона с живой силой и техникой, в районе Кротово подорван и сожжен поезд, вывозивший хлеб, лес и другие ценности, многие операции отряда были связаны со снятием патрулей, с выводом из строя железнодорожного полотна.

В составе партизанских отрядов были представители многих национальностей нашей Родины. Были и немцы, и венгры, и югославы, и поляки. Последних было особенно много — солдаты бывшей польской армии, рабочие-антифашисты Варшавы, Лодзи, Кракова, Люблина, граждане, бежавшие из фашистских лагерей смерти.

Недалеко от нашего расположения оказался окруженным польский отряд. Пошли на выручку. И какими же потом крепкими и братскими были наши объятия! Сражаясь бок о бок, нередко вместе гибли и поляк, и белорус, и русский, вместе делили радость побед.

В январе 1944 года стало известно, что фашисты затевают новую серьезную операцию против партизан, стягивая крупные силы, перекрыв все дороги. Необходимо было взять «языка». Сделать это предстояло моему отряду. Первая разведка не вернулась. Вторая пришла ни с чем. С третьей группой отправился сам.

«Языка» добыли важного — офицера. Фашисты долго преследовали нас, старались отрезать пути отхода, расставив засады и мины. На одной из мин, идя впереди отряда, я подорвался.

Позднее узнал, что истекающего кровью, на руках меня принесли на базу, с первым же самолетом, приземлившимся на партизанский аэродром, отправили на Большую землю. И только там, в госпитале, много дней спустя пришел в себя: нога ампутирована, на глазах тугая повязка. До сих пор, несмотря на старания медиков, я вижу только на один глаз.

Не рассказать о всем, что пережито, испытано, о том, через что прошел.

Позволю себе привести выдержки из «Боевой характеристики», подписанной командиром бригады М. И. Герасимовым и секретарем подпольного райкома комсомола Э. Б. Нордманом. Вот этот пожелтевший от времени документ, датированный 1944 годом:

«Злодеев Сергей Андреевич, год рождения 1919, член ВЛКСМ, образование 7 классов. В партизанском отряде имени Лазо с 1942 года июня месяца. До организации партизанских отрядов находился в мелких партизанских группах.

Тов. Злодеев явился одним из организаторов партизанского отряда имени Лазо. Участник многих боев с фашистскими захватчиками. Будучи в должности командира взвода, командовал операциями…

За проявленное в боях умелое командование был назначен заместителем командира отряда… Проводил политическую работу среди молодежи Ивановского района и пользовался большим авторитетом среди партизанской бригады и молодежи района.

В январе 1944 года комсомольская организация отряда имени Лазо и Ивановский подпольный райком комсомола рекомендовали С. А. Злодеева кандидатом в члены ВКП(б)…»

А вот строки из опубликованных воспоминаний секретаря подпольного обкома партии А. Е. Клещева:

«За три года боевых действий во вражеском тылу народные мстители Пинщины истребили тысячи гитлеровцев и их пособников, разгромили 59 гарнизонов, пустили под откос 468 железнодорожных эшелонов, уничтожили 770 автомашин, подбили и сожгли 86 танков, сбили 3 самолета, порезали 519 километров телефонно-телеграфной связи. Они уничтожили тысячи рельсов, взорвали десятки железнодорожных мостов, вывели из строя Днепровско-Бугский канал. Таков далеко не полный перечень боевых дел партизан Пинщины».

…Сорок с лишним лет прошло. Небольшая станция Кропачево на Южно-Уральской железной дороге стала местом моей жизни. А связь с далекой Белоруссией, с Пинским краем не прекращается. Она в моей памяти, в письмах товарищей по оружию, в добрых делах юных следопытов. Память о Великой Отечественной войне нетленна.

Вот передо мной одно из писем юных следопытов: «Благодарим Вас, Сергей Андреевич, что Вы не щадя жизни сражались за нашу Белоруссию, — пишут они. — Мы стремимся быть похожими на таких, как Вы, также любить и беречь свою родную землю. Подвиги наших отцов и дедов в годы Великой Отечественной войны навсегда останутся в сердцах и памяти потомков».

Очень хотелось бы, чтобы только в памяти людей остались те грозные годы, чтобы нынешнему поколению не пришлось познать всех ужасов войны.

А. И. Ляпустин
БРАТСТВО

Линия фронта никогда не проходила близко от Челябинска. Не было в годы войны в нашем городе затемнения. Но линия фронта проходила через сердце каждого челябинца, и Челябинск по праву можно считать фронтовым городом. У него и имя есть фронтовое — Танкоград. И тем, кто сражался на трудовом фронте в Челябинске-Танкограде, вручали боевые ордена. Часто ли встретишь такое, когда люди, не слышавшие грохота канонады, носили на груди орден Отечественной войны? Никогда не бывавшие в Ленинграде, не лежавшие в мокрых окопах Синявинских болот, не испытавшие и дня блокады, получали медаль «За оборону Ленинграда»? Значит, таков был вклад челябинцев в победу, что труд их приравнен к фронтовому подвигу. И как иначе, если тракторный завод — сердце Танкограда — получил в награду полководческий орден Кутузова и солдатский орден Красной Звезды…

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1980 года за успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве и отмечая их большой вклад в индустриализацию страны и обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне, город награжден орденом Ленина.

Много ярких страниц отведено Челябинску в истории войны. Но хочу с помощью воспоминаний и документов, газетных хроник рассказать еще об одной, может быть, не так широко известной. В ней переплелись и подвиг на поле брани, и бескорыстие русской души, проявившееся в те трудные годы, и день нынешний, когда эта страница истории не завершается, нет, но наполняется новым содержанием, высвечивается новыми гранями. Это страница о братской помощи южноуральцев тем краям и областям, которые пострадали от фашистов…

В моих руках третий том «Истории Великой Отечественной войны»:

«Ликвидация окруженных дивизий проходила в сложной обстановке. Попавшие в «котлы» части противника искали выход, пытаясь нащупать слабое место в кольце окружения. Особенно яростные бои завязывались на дорогах, по которым вражеские части отходили на запад. 9 февраля командир 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола генерал-майор В. Г. Лебедев получил от своей разведки донесение, что в сторону

Мантурово по дороге движется большая колонна противника численностью до 13 тысяч человек. Командир бригады приказал атаковать ее на максимальной скорости. Танки с автоматчиками на броне неожиданно врезались в колонну, состоявшую из 140 машин и 30 самоходных орудий, уничтожили 1500 солдат и офицеров, захватили до 2500 пленных. Затем часть танкистов оседлала развилку дороги у деревни Пузачи, отрезав путь отхода немцам на Мантурово.

Ночью противник подошел к окраине деревни. Силы его во много раз превышали силы танкистов. Всю ночь и весь следующий день гитлеровцы упорно старались прорваться, но все их попытки терпели неудачу. Танкисты дрались геройски, и первыми среди героев были коммунисты и комсомольцы. Пулеметный расчет коммуниста И. С. Поскребышева был выведен из строя. Тогда он один выдвинулся вперед и метким кинжальным огнем истребил до 100 гитлеровцев. Через некоторое время враг снова пошел в атаку. Поскребышев, подпустив фашистских солдат на 50 метров, открыл огонь и вновь отбросил их. Раненный в руку, он не покидал поля боя и пал смертью героя, сражаясь до последней минуты.

С группой автоматчиков действовал танк старшего лейтенанта А. Ф. Щеглова. Подобно кочующему орудию, танк появлялся там, где грозила опасность прорыва. Кончились боеприпасы и горючее, танк остановился. Гитлеровцы решили взять танкистов живыми. Со всех сторон приближались к боевой машине вражеские солдаты, но экипаж не прекращал борьбы. Из танка полетели гранаты. Немцы в растерянности отпрянули назад. Экипаж выбрался из танка и с возгласом: «Советские танкисты не сдаются!» — бросился в последнюю атаку.

К вечеру от защитников деревни Пузачи уцелела небольшая группа — 32 человека. Они заняли круговую оборону на окраине деревни в одном из колхозных сараев. Храбрецы решили сражаться до последнего патрона, но путь отхода гитлеровцам не открывать. Маленький гарнизон продолжал упорно драться. Тринадцать бешеных атак врага были отбиты. Гитлеровцы подожгли соседний дом, в котором находилась группа раненых советских бойцов и командиров. Помощник начальника политотдела бригады старший лейтенант И. А. Бабкин под пулями врага бросился к раненым. Он спас многих из них, но вскоре осколками гранаты сам был смертельно ранен. Немцы подожгли сарай, в котором оборонялись герои. Оставшиеся в живых, стреляя из автоматов, бросились в атаку. Им удалось прорвать окружение и соединиться с основными силами бригады. Наутро противник был выбит из деревни. У сарая, где сражалась

горстка храбрецов, было обнаружено 240 убитых солдат и офицеров врага».

Одна страница, всего одна страница внушительного шеститомника, но как много стоит за этими строчками! Инициатива комсомольцев-челябинцев построить в Танкограде колонну танков на средства молодежи. Сбор средств — за несколько недель больше одиннадцати миллионов рублей. Бессонные ночи юных танкоградцев, собиравших сверх плана машины с комсомольскими значками на броне. Отбор добровольцев из тысяч желающих, проводы на фронт, первые бои…

А потом этот бой. Февраль сорок третьего. Несколько сотен челябинских танкистов, стрелков, пулеметчиков, десантников, разведчиков, медсестер против тринадцати тысяч озверевших фашистов, рвущихся на соединение с основными силами гитлеровской армии. Фашисты не прошли. Но после этого боя появились на изрытом снарядами заснеженном поле братские могилы челябинских танкистов. Многие положили головы у этой небольшой деревеньки со странным именем — Пузачи…

Пузачи — Мантуро́вского района Курской области. Но это еще не была Курская дуга. Курская дуга наступит позднее — летом сорок третьего. И тогда в бой вступит другая челябинская танковая бригада из Уральского добровольческого корпуса, которая затем станет 63-й гвардейской. А 96-я будет продолжать сражения до самой Курской дуги и примет участие в Курской битве, первой ворвется в Белгород (тогда Курской области) и в честь нее тоже взовьется в небо Москвы первый артиллерийский салют Великой Отечественной войны.

После Курской битвы наша армия больше не отступала. Она гнала фашистские орды все дальше и дальше на запад, освобождая города и села из-под фашистского ига. Сожженные, разграбленные, исстрадавшиеся города и села России.

В это время и возникла народная инициатива — помочь восстановить освобожденные районы. Она была поддержана партией и правительством. Она получила поистине всенародный размах. Вот справка из сборника документов и материалов «Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне»:

«За период с сентября 1943 года по 10 января 1944 года отправлено в районы Курской области 9 эшелонов в составе 451 вагона с оборудованием, металлом, лесоматериалами, предметами широкого потребления и предметами домашнего обихода».

Начало этому патриотическому движению положили

колющенцы, а потом оно охватило весь город, всю область. Челябинцы помогали Курску и Сталинграду, Донбассу и Ростову, Харькову и Ленинграду. Вот что говорят об этом газетные страницы тех грозных лет…

«Комсомольская правда», 1943 год:

«20 октября. В освобожденный Курск прибыл первый эшелон подарков от трудящихся Челябинской области. Куряне получили от уральцев свыше 20 000 штук различного инструмента, вагон стекла, большое количество товаров ширпотреба.

Вслед за первым эшелоном идет второй со скотом, за ним специальный комсомольский эшелон с подарками от молодежи Южного Урала. В этот эшелон погружено оборудование для детских садов, детских домов, школьные принадлежности, детская обувь и белье».

«Челябинский рабочий», 1943 год:

«…Коллективы предприятий и учреждений Советского района г. Челябинска немало сделали для помощи Курску. Особенно хорошо проявили себя в этом деле коллективы макаронной фабрики, «Водоканалтреста», Трамвайного треста, Управления промкооперации, чугунолитейного завода. Сейчас в районе проводится сбор оборудования и материалов для восстановления Донбасса. В этом благородном деле ведущее место занимают мельзавод № 1, контора «Главвторчермет», Управление промкооперации и многие другие предприятия».

Телеграмма из Курска, 1943 год:

«Челябинск, секретарю горкома партии тов. Панкрушеву.

Выражаем братскую благодарность трудящимся Челябинска за оказание помощи в восстановлении разрушенного немцами хозяйства города. Трудящиеся Курска, воодушевленные заботой челябинцев, приложат все силы и энергию к быстрейшей ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации».

«Челябинский рабочий», 1943 год:

«…В нашем эшелоне было два вагона школьных парт. Проведав об этом, школьники бросились на станцию и перенесли парты в школы. Жители спрашивали: «Откуда несете?» Ребята с гордостью отвечали: «Это нам челябинцы прислали».

И сегодня трудно переоценить значение этой помощи. В ней нуждались города и заводы, машинно-тракторные станции, все население. Как писали в газете челябинцы, побывавшие в Курской области с первым эшелоном: «В селе Разумном, например, мы установили, что здесь на три дома имеется всего одно ведро, на два дома одна кружка, на все село — 6 топоров и одна поперечная пила. В школах на 25 учеников приходится один учебник. В больницах не хватает оборудования, инструментов…»

На газетных страницах — хроника сбора средств, выпуска дополнительной продукции для освобожденных районов, отправки очередных эшелонов со станками и скотом, детскими игрушками и цементом, дефицитным стеклом и не менее дефицитными ложками, чашками и вилками.

Челябинцы, приютившие в годы войны десятки тысяч человек из западных районов страны, разделившие с ними кров и пищу, домашнюю утварь, организовали сбор посуды, одежды и домашних вещей в фонд Курска и других городов. На заводах научились отливать ложки, штамповать кружки и тарелки. Комсомольцы шли в рейды, разыскивая оборудование, станки и инструмент, которые можно отправить в Курскую область.

Вернемся снова к газетам. На этот раз к «Курской правде». Вот ее заголовки: «Помогли установить силовую станцию», «Неоценимая услуга», «Город получит стекло».

«Для возрождения машинно-тракторных мастерских мы получили в порядке братской помощи из Челябинской области 20 тонн цемента, два вагона пиломатериалов, один вагон круглого леса, самый различный инструмент — около сотни названий, 106 станков.

Суджанская, Шигровская, Рыльская, Старо-Оскольская, Льговская и Белгородская МТС установили челябинские станки и приступают к ремонту тракторов. Обоянская и получившие дополнительно от челябинцев оборудование Набережанская и Волоконовская МТМ уже работают.

Трудно переоценить ту колоссальную помощь, которую нам оказали трудящиеся Челябинской области. Одно ясно, что без этой помощи мы бы так быстро не сумели возродить наши машинно-тракторные мастерские. Великое им за это спасибо».

Эшелон за эшелоном шли в Курск из Челябинска. А потом на Урал приехали гости. Из газеты: «Вчера в Челябинск прибыла делегация от трудящихся Курской области… Гости побывают в городах и селах нашей области, расскажут рабочим и колхозникам о ходе восстановления хозяйства, разрушенного немецкими мерзавцами, и о том, как используется в освобожденных районах братская помощь челябинцев…»

Чтобы рассказать всем челябинцам об этом, гости попросили слово на страницах областной газеты. Через некоторое время появилась статья депутата Верховного Совета СССР заместителя секретаря Курского обкома ВКП(б) по промышленности Г. Годовицына и заместителя председателя Курского облисполкома А. Мандрика «Возрождается курская земля».

Но самый волнующий документ — это все-таки письмо жителей Курска челябинцам, принятое на митинге в октябре 1943

года.

«Спасибо за братскую помощь, товарищи челябинцы!

Братья и сестры, родные челябинцы!

Когда в наш Курск, громя врагов, ворвались полки Красной Армии, когда, словно ураган, понеслись крошить немцев краснозвездные «ильюшины» и «петляковы», когда в клубах снежной пыли промчались по улицам тяжелые танки, — не было предела нашей радости. Мы ликовали, что вернулась Красная Армия и навеки освободила нас от гитлеровского рабства. Мы радовались тому, что Красная Армия пришла к нам сильной и могучей, с чудесным оружием. Мы вышли на улицы и, низко кланяясь своим освободителям, спросили у них:

— Кто вам дал эту силу, родные, кто вам дал эти танки, самолеты, «катюши», минометы и пушки?

И бойцы отвечали нам: «Кланяйтесь челябинцам, свердловчанам, сибирякам — это они дали нам такую технику».

И бойцы рассказали нам, как в лихую годину войны вы на пустырях при сильнейших морозах возводили новые заводы, расширяли цехи, устанавливали станки, привезенные с запада. Они рассказали нам, как пришлось вам трудиться, недосыпать ночей, не зная отдыха. И сердца наши наполнялись великой благодарностью ко всем, кто своим геройским трудом помог Красной Армии вернуть нам свободу.

Вы поймете, товарищи, как глубока наша благодарность, если узнаете, от какого страшного рабства, от какого кошмара спасла нас Красная Армия с вашей помощью. Ваши делегаты расскажут, что они видели в нашей области. Они расскажут об истерзанном Курске, о разрушенных заводах и институтах, о взорванных вокзалах и сожженных селах…

…Вот от какой тяжелой доли спасла нас Красная Армия. Вот почему каждый из нас, жителей Курска и области, от всего сердца шлет спасибо всему народу, Красной Армии, вам — творцам оружия — за спасение от гитлеровского рабства.

…И сегодня, встречая ваших делегатов, мы снова и снова думаем о замечательной дружбе советских людей… Вы выручили нас тем, что выковали оружие для Красной Армии. Нынче вы снова протягиваете нам руку помощи, помогаете возрождать область.

И оттого, что мы не одиноки, что вся страна заботится о нас, что нам помогают такие замечательные гвардейцы тыла, как челябинцы, от этого у нас прибавляется сил и энергии, хочется много, много работать, чтобы отблагодарить вас…

…Вы прислали нам 200 станков. Трудно передать, как кстати пришлись эти станки. У нас в области было 178 МТС, почти ни в

одной из них не осталось оборудования. Ваши станки уже в самые ближайшие дни окажут нам помощь в ремонте тракторов. Вы прислали нам вагон стекла, что сегодня поможет нам застеклить школы, больницы и новые детские дома, уже готовые к открытию. Присланные вами ботиночки уже завтра будут одеты детьми, обездоленными немцами. Любовно изготовленные игрушки доставят немало радости малышам, которые пятнадцать месяцев видели только горе. Каждый ключ, каждый напильник, присланный вами, поможет возрождению области.

Примите от нас, товарищи, сердечный привет и великую благодарность за помощь. Примите нашу клятву, что все, что вы прислали нам, будет немедленно пущено в дело для возрождения области.

Пусть же с каждым днем крепнет дружба курян с южноуральцами. Пусть крепнет великая дружба советских народов, сплотившихся воедино для изгнания врага из пределов нашей Родины.

Слава южноуральцам, кузнецам могучего оружия, гвардейцам советского тыла!»

После таких проникновенных слов любой факт, любая цифра меркнет, но все-таки стоит привести одну, как масштаб проделанного: всего в Курскую область в кратчайшие сроки было отправлено около 800 вагонов с различными материалами, станками, инструментами, оборудованием. 800 вагонов, 16 эшелонов! А в это же время уже отправлялись эшелоны в Донбасс и Сталинград (в Донбасс отправлено более 100 вагонов и 1100 человек — остродефицитнейших специалистов). А в это же время Челябинск и область неуклонно наращивали выпуск продукции для фронта, для Победы!

В освобождении Харькова тоже принимали участие челябинские танкисты. Отличились добровольцы из 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола. По заданию командования они оседлали пути отступления фашистских войск. Это был тяжелый бой, и много челябинских парней остались навечно на харьковской земле, в братской могиле на Холодной горе. Они выполнили наказ харьковчан, провожавших бригаду на фронт. Харьковчан? Да. Ведь в Челябинск был эвакуирован Харьковский завод дизельных моторов и несколько тысяч специалистов, которых челябинцы приютили на своих квартирах. Вместе они строили танки, собирали средства на комсомольскую танковую колонну. Волею военной судьбы так и должно было случиться — челябинское соединение, само символ дружбы и братства, участвовало в изгнании фашистов из города-побратима.

Много таких примеров. В Волгограде старожилы помнят, как

прибыл на восстановление Сталинграда первый эшелон. Из Челябинска. И сейчас в документальных фильмах многократно повторен этот кадр — к разрушенному вокзалу приближается облепленный людьми паровоз с вагонами и лозунгом: «Мы возродим тебя, Сталинград!»

А в хронике блокады Ленинграда есть такой день — 7 февраля 1943 года. По коридору в частично прорванном кольце блокады за полмесяца была проложена тридцатитрехкилометровая железнодорожная ветка. В тот день на Финляндском вокзале ленинградцы встречали первый после долгого перерыва поезд с Большой земли. С продовольствием! Из Челябинска.

Как собирали челябинцы продукты для ленинградцев! Отдавали не просто лучшее, готовы были отдать все… Они не видели лиц ленинградцев, не слышали криков «ура!» и оркестрового марша, когда в 10 часов 9 минут утра к перрону подошел их поезд. На нем красная лента: «Привет героическим защитникам Ленинграда!» Ленинградцам от Танкограда, где в одних цехах плечом к плечу мастеровые Ленинградского Кировского, Челябинского тракторного, Харьковского дизельных моторов, Сталинградского тракторного ковали оружие… От Танкограда, откуда на защиту города Ленина ушли лыжные бригады и батальоны, 377-я стрелковая дивизия. От Танкограда, где было сформировано военно-эксплуатационное отделение железнодорожников, под огнем и бомбежками строившее временные ветки и станции, доставлявшее под Ленинградом фронту пополнение и оружие, боезапас и продовольствие…

Много таких примеров проявления подлинного братства, самоотверженной, бескорыстной помощи. Оно помогло нам не только выстоять, победить. Оно помогло возродиться из пепла и руин разрушенным городам и селам.

…Мне повезло — я не знаю, не помню войну, я уже старше войны. Мне не повезло — на войне погиб мой отец, погибли все мужчины из нашей большой семьи. Я не помню войну, но она оставила в моем сердце след неизгладимый. И всегда, когда приходится идти местами давних боев, невольно замедляется шаг. Так было на Лысой горе и Мамаевом кургане в Сталинграде, сжималось сердце под Яхромой и на Волоколамском шоссе, с волнением я всматривался в улочки Львова и следы «линии Арпада» на Карпатах, в глубокой скорби шел по Пискаревскому кладбищу в Ленинграде и вслушивался в звучание его метронома в мемориале на площади Победы. С теми же чувствами побывал в годовщину Курской битвы на курской земле…

Спустя десятилетия июльскими днями собрались в Курске

немногие из оставшихся в живых ветеранов 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола.

Из Курска отправились целой колонной. С нами — военный оркестр и воины, комсомолки с трикотажного комбината, представители обкома комсомола. Неунывающий врач бригады Гоша Решетов — Георгий Дмитриевич Решетов — сразу же подстроил к голосистым девчатам свою мандолину, и пели все вместе — ветераны и молодежь. Пели первые десять, пятнадцать, пятьдесят километров. Но потом как-то по одному ветераны стали выключаться из хора, смолкла и мандолина. Они стали пристально всматриваться в окна автобуса — приближались места их боевой юности.

Где-то вдали, на высоком горизонте обозначилась черная точка, и Володя Басов, заведующий отделом Курского обкома комсомола, негромко сказал: «Это он…» А танк все надвигался и надвигался, вырастая на наших глазах, безмолвный и строгий на фоне голубого неба. Знаменитая «тридцатьчетверка», добросовестно отвоевавшая, а после этого еще отслужившая сверхсрочную, замерла на постаменте.

Был митинг, было все как положено на открытии мемориалов. Были речи, торжественные и скорбные, рвал небо на части салют и, отдавая почести павшим, проходили воины. Звучали родные до боли слова: «имени Челябинского комсомола…», «челябинские добровольцы…», «танкисты-челябинцы»… Но было еще нечто такое, что по-особому сжимало сердце. Соединилось то, что знали, с тем, что увидели. Огромное, как море, пшеничное поле — это оно было полем той битвы. Танк на постаменте — такие шли в бой по снежной целине. Холмик у обочины и скромный щит с именами павших на нем. Строгие слова, высеченные в мраморе: «Здесь стояли насмерть бойцы 96-й Шуменской танковой бригады имени Челябинского комсомола». Имена на мраморных досках на стеле Памяти.

Мы передали труженикам Мантуровского района шкатулку земли с братских могил Лесного кладбища в Челябинске. Ее горсть рассыпали у основания памятника — сроднились навеки челябинская и курская земля…

И с этого памятного дня прошло немало уже времени. Но перед глазами это событие. Отчетливо, как на кинокадрах. Колонна комбайнов, застывшая у танка в своеобразном почетном карауле. Вереницы людей, стекающихся к памятнику по полевым тропам. Неистовая гроза, омывшая поле после митинга. Танк на пшеничном поле. Поле, которое само по себе, — памятник героям.

Радушно принимали ветеранов на курской земле. И в

Мантуровском районе, где на самой высокой точке Средне-Русской возвышенности стоит теперь уральский танк. И в самом Курске, где ветераны стали участниками праздника. Увезли комсомольцы Челябинского тракторного завода в Курскую область модель танка — она стала переходящим призом для земледельческих комсомольско-молодежных бригад…

Все это Память. И хотя каждый день все дальше уходит в прошлое война, приходят в Челябинск все новые и новые сообщения.

…Из Харькова прислали городскую газету. Отчет о митинге: в школе № 60 открыта памятная стела с именами 69 танкистов из бригады имени Челябинского комсомола, погибших за освобождение города. В школе — музей бригады, ей присвоено имя бригады.

Идут боевым путем бригады и ребята из харьковского технического училища № 13. Ребята сообщают, что были на воронежской земле, где начали боевой путь челябинцы-танкисты.

А вот и письмо из Подгорного Воронежской области. Подведены итоги сельскохозяйственного года. Приз челябинских ветеранов вручен колхозу «Подгорненский», победившему в соревновании. Приз вручил сын 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола Сережа Батищев — ветеран войны Сергей Антонович Батищев…

Пример за примером. И каждый эпизод, каждый факт — в память о нашем братстве, в продолжение его. Братства, прошедшего такое суровое испытание в годы войны, братства, скрепленного кровью.

«Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне со всей полнотой раскрыла преимущества социализма, его огромные экономические, социально-политические и духовные возможности, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». — Это была Победа созданного великим Лениным Советского государства, самого передового общественного строя, социалистической экономической системы. Великая Отечественная война убедительно продемонстрировала монолитное единство партии и народа, нерушимость союза рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, дружбы и братства народов СССР».

Страницы истории, вошедшие в эту книгу, — тому подтверждение.

Из документов военной поры, 1945 год

В честь Победы!

Новым трудовым подъемом, выпуском сверхплановой продукции салютуют южноуральцы наступающим войскам Советской Армии. Труд их высоко оценен.

За успешное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны орденом Ленина награждены Челябинский ферросплавный завод, строительно-монтажный трест «Магнитострой», Челябинская ГРЭС, конструкторское бюро по дизелям Кировского завода и трест № 8 Наркомстроя.

Орденом Кутузова 1-й степени — Кировский завод.

Орденом Трудового Красного Знамени — Магнитогорский металлургический комбинат, Юрюзанский механический завод имени С. М. Кирова, Усть-Катавский вагоностроительный завод, Челябинский завод транспортного машиностроения.

Орденами и медалями награждены 3278 тысяч работников промышленности.

Впервые за годы войны область выполнила план хлебозаготовок и государственное задание по развитию животноводства; колхозы и совхозы сдали сверх плана 1,2 миллиона пудов хлеба. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования Челябинская область была признана победительницей и получила переходящее Красное знамя СНК. СССР и денежную премию.

Челябинские трубопрокатчики, воодушевленные блестящими победами Красной Армии, усиливают наступление в труде. Трубный цех, руководимый Колмогоровым, ежедневно выполняет задание на 110—120 процентов.

Златоустовский машиностроительный завод на три дня раньше срока завершил январскую программу. Развернулась борьба за сверхплановую выдачу продукции в фонд Верховного Главнокомандования. 29 января коллектив цеха (начальник Крайзман), встав на стахановскую вахту в честь исторических побед советского оружия, выдал деталей вдвое больше задания.

Знатные горняки Бакала Кривоносов и Ануфриенко выполнили норму за январь, соответственно, на 457 и 400 процентов. Комсомольско-молодежные бригады Е. Агаркова, И. Швыркова, И. Пахомова, Е. Подорвановой, являющиеся

победителями во Всесоюзном и областном социалистическом соревновании, обратились к комсомольцам и молодежи области с призывом: «Поможем Красной Армии добить врага, организуем массовые социалистические соревнования по достойной встрече международного праздника — 1 Мая».

В области 8 тысяч молодежных бригад (более 75 тысяч человек). Только на Кировском заводе 1700 молодежных бригад, на Магнитогорском комбинате — 459, 48 молодежных агрегатов, 39 смен, на Златоустовском машиностроительном заводе — 286 бригад.

На предприятиях проводится большая работа по внедрению опыта бригадира Егора Агаркова. На строительстве Уральского автозавода в результате укрепления производственных единиц скомплектовано 38 бригад, вместо прежних 57. Высвобождено 19 бригадиров, 7 инженерно-технических работников. На стройучастке № 1 из четырех плотничных и одной бригады землекопов скомплектованы две комплексных бригады, что резко увеличило выработку.

На Кировском заводе высвобождено 12 процентов низового командного состава, в том числе 29 — начальников отделений, 15 — старших мастеров, 9,7 процента сменных мастеров.

В области в соревновании в честь героического фронта участвует более 84 процентов рабочих промышленности, транспорта и строительства.

Мастер мартеновского цеха № 1 ММК С. Сазонов писал в газету «Челябинский рабочий»:

«Я не остался в долгу перед Родиной. Мой блок, состоящий из четырех мартеновских печей, раньше других выполнил план 1944 года выплавки стали. Начиная с 22 ноября, мы плавили сталь сверх годового плана и выдали 15 тысяч тонн металла. За год сварили 120 скоростных плавок.

1945 год будет годом окончательной победы над врагом. Мы обещаем своей Родине, Красной Армии, что будем работать с еще большим напряжением сил, сварим 150 скоростных плавок, выдадим сверх годового плана 17 тысяч тонн стали». Трудящиеся брали повышенные обязательства: «Победами в труде — ускорить окончательную победу на фронте».

С огромным подъемом встречено сообщение о том, что советские войска прорвали сильно укрепленную оборону немцев и ворвались в столицу фашистской Германии — Берлин. Повсеместно проходили массовые митинги.

На митинге танкостроителей директор завода Герой Социалистического Труда И. М. Зальцман сказал:

«Свершилось важное историческое событие. Берлин, где

разрабатывались планы разбойничьего нападения на нашу Родину, занят советскими войсками… Кировцы могут сказать, что мы сделали со своей стороны все, чтобы воины Красной Армии вступили в Берлин. Подобно тому, как солдаты на поле брани не щадя жизни сражались с врагом, они на своем любимом заводе героически трудились, не покладая рук, ковали победу. Завод, по сравнению с 1941 годом, увеличил производство танков в 10 раз. Вместе со всеми танкостроителями нашей страны кировцы ликвидировали превосходство немцев в танках и помогли Красной Армии обеспечить победу».

В резолюции митинга записано:

«…С чувством величайшей радости мы слушали приказы Верховного Главнокомандующего, возвещавшие о новых замечательных победах советского оружия.

Дни фашистской Германии сочтены. На беспримерные подвиги воинов Красной Армии ответим новым напряжением в труде, рекордной выработкой, стахановской вахтой в честь героических наших войск, ворвавшихся в Берлин».

9 мая. Настал долгожданный счастливый День Победы. На предприятиях, в организациях, колхозах, совхозах состоялись многолюдные митинги; проходили массовые гуляния.

«За время войны я дал Родине не менее семи тысяч плавок. Выплавленная мной сталь насмерть разила немецко-фашистских мерзавцев. Я счастлив, что сегодня даю первую плавку Родине, победоносно закончившей войну». (Сталевар Гусев, Кировский завод).

«Мы все время думали, мечтали об этом дне. И вот он настал. Восторжествовало наше правое дело. Я счастлива, что я и мои подруги по бригаде не остались в долгу перед Родиной. Вот уже скоро год как моя бригада из месяца в месяц перевыполняет план угледобычи и выдает на-гора тонны сверхпланового угля. В ознаменование блестящих побед Красной Армии мы с радостью говорим: «Принимай, Родина, наш скромный вклад в дело победы — 900 тонн угля, добытого сверх плана». (Бригадир женской молодежной бригады забойщиц А. Солдатова, шахта № 4—6. «Копейскуголь»).

За годы войны Челябинская область превратилась в грозный арсенал оружия. Являясь металлической опорой фронта, она непрерывным потоком отправляла на фронт лучшие в мире танки, знаменитые «катюши», большое количество другой боевой техники, вооружения, боеприпасов.

Цехам Магнитогорского металлургического комбината 79 раз присуждалось первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании и переходящие Красные знамена Государственного

Комитета Обороны. Коллективам — руднику, второму мартеновскому и сортопрокатному цехам, ремесленному училищу № 13 знамена ГКО переданы на вечное хранение.

За доблестный труд более двух тысяч магнитогорцев награждены орденами и медалями Советского Союза, 12 — стали лауреатами Государственной премии СССР.

Все комсомольско-молодежные бригады шахт Копейска выдали за годы войны сверх плана 75 тысяч тонн, Коркино — 560 тысяч тонн угля.

Бригада знатного златоустовского металлурга В. М. Амосова дала фронту более 35 тысяч тонн высоколегированной стали сверх плана.

Учебными заведениями трудовых резервов подготовлено для народного хозяйства 100,6 тысячи молодых рабочих, а вузы области выпустили более трех тысяч специалистов.

На территории области построено свыше 200 больших и малых предприятий. Введено в эксплуатацию 6 доменных, 28 мартеновских и электроплавильных печей, 5 коксовых батарей, 5 прокатных и 3 трубопрокатных стана, 28 новых шахт и 4 угольных разреза.

Колхоз имени Красных партизан Верхне-Уральского района сдал государству более 5 тысяч тонн хлеба, 200 тонн мяса, 750 тонн картофеля и овощей, отправил в армию 300 лошадей, внес в фонд Победы 400 тонн зерна, 33 тонны мяса. Колхозники получили три благодарности Верховного Главнокомандующего за заботу о Красной Армии. Это хозяйство не исключение.

Челябинцы радостно встретили первый поезд, прибывший из Берлина с демобилизованными воинами. Героев фронта приветствовали герои тыла. Лауреат Государственной премии СССР Егор Агарков заявил:

«С вашим возвращением домой наша промышленность получила дополнительные руки, а это даст возможность быстрее залечить раны, нанесенные войной и добиться нового подъема всего народного хозяйства».

Бойцы, сержанты, старшины, офицеры 10-го гвардейского танкового Уральско-Львовского добровольческого Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова корпуса, рапортуя трудящимся Урала, писали:

«Великое знамя Победы, поднятое могучей многонациональной рукой советского народа и его славной Красной Армией, величественно развивается над освобожденной Европой…

…В эти дни всенародного ликования мы рапортуем своей Родине, своему народу и, прежде всего вам, создателям нашего

корпуса, славные богатыри седого Урала… о выполнении вашего отцовского и материнского наказа, своей священной добровольческой клятвы.

…Мы шли в бой за нашу советскую Родину с глубокой уверенностью в правоте нашего дела, в нашей, победе. С каждым шагом на Запад мы все больше ощущали радостную помощь советского тыла, и, в первую очередь, мы ощущали помощь могучего Урала.

Вашими первоклассными танками и орудиями, боеприпасами и снаряжением громили мы врага. Мы гордились вашими трудовыми подвигами и радовались каждой вашей производственной победе…

…Наступил период мирного развития. Часть наших гвардейцев возвращается на родные фабрики и заводы, в свои колхозы. Мы уверены, что они будут достойны своих подвигов на фронте и вместе с вами по-гвардейски будут восстанавливать разрушенное врагом хозяйство, крепить мощь нашей социалистической державы».

ФОТОГРАФИИ

Вот снимки войны.

Танк «КВ», где механиком был челябинец Василий Иванович Похлебаев, в засаде во время битвы за Москву.

Челябинец командир батальона Иван Федорович Морозов получает свой первый орден Красного Знамени — за мужество и

бесстрашие, умелое ведение боевых операций под Москвой.

Делегация Монголии во главе с Маршалом Чойбалсаном в гостях у танкистов в январе 1943 года. Она передала бригаде колонну танков «Революционная Монголия». Бригада вошла в состав 1-й гвардейской танковой армии и прошла славный боевой путь, приняв участие в победоносной битве за Берлин…

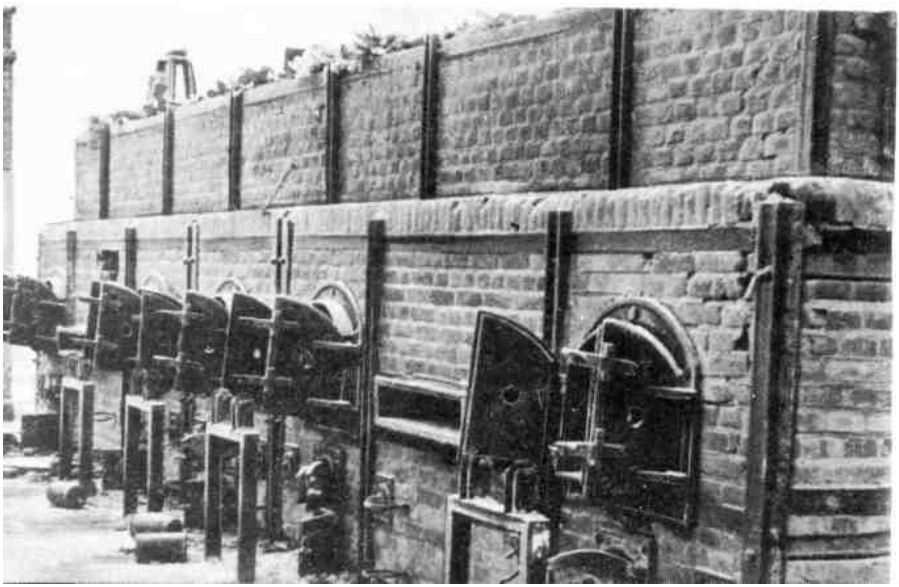
Мотострелки в бою на Курской дуге.

Командующий армией М. Е. Катуков и член Военного совета Н. К. Попель вручают гвардейский знак молодому солдату…

Эти и последующие снимки, которые публикуются в подборке, сделал челябинский фотожурналист Аркадий Георгиевич Ходов.

Он снимал танковый десант после боев за Бердичев, направляющийся в сторону Винницы, и форсирование Днестра. Аркадий Ходов не был фронтовым корреспондентом. Гвардии старшина Ходов прошел тысячи километров Великой Отечественной, он воевал на танке, был башнером…

Но всю войну не расставался с фотокамерой. Улучив минуту, доставал ее из вещевого мешка, и тогда на пленке навечно оставались мгновения истории: встреча с ветераном русской армии георгиевским кавалером в городе Черновцы, форсирование реки Прут на подручных средствах с помощью местных жителей.



Сквозь слезы смотрел Аркадий Ходов в объектив в лагере смерти Майданек: печи, где сжигали узников, горы обуви уничтоженных людей, детские пинеточки в руках все видевших, мужественных и плачущих солдат. Никогда не забудется, никогда не простится такое! Сердце наполнялось горечью и гневом…

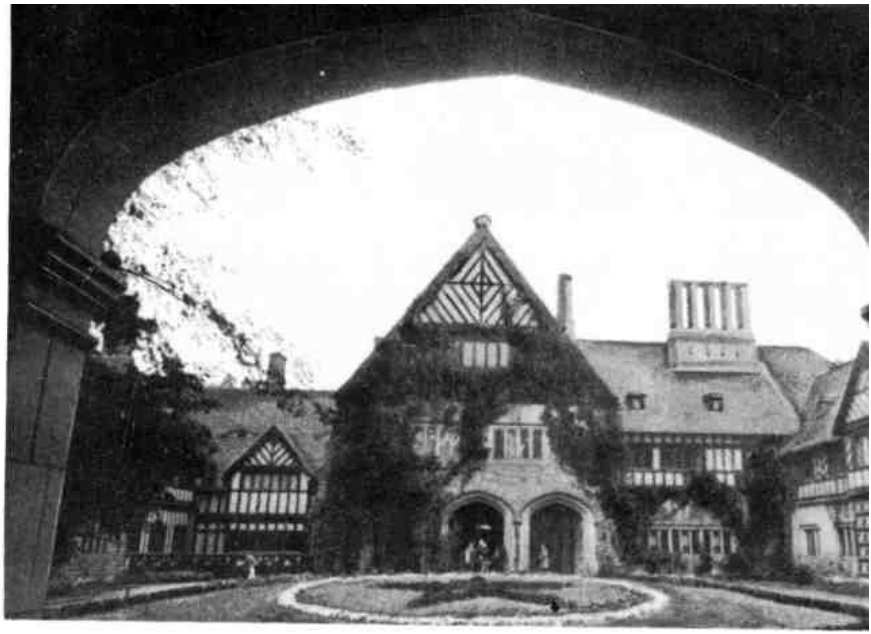
Успокоение приходило в боях. Предместье Берлина Уленхорст. Совсем близка победа, во имя которой пошел воевать Аркадий Ходов. Начальник политотдела бригады В. Т. Помазнев водружает Красное знамя над зданием фольксштурма.

Вот советские танки на улицах Кольберга!

Победа близка! На снимке Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пожимает руку генералу П. А. Гаркуше, в центре — генерал А. Х. Бабаджанян.

А вот и майский Берлин сорок пятого года!

С того момента до нынешних дней Аркадий Георгиевич Ходов, ветеран войны, заслуженный работник культуры РСФСР, снимает мирную жизнь.

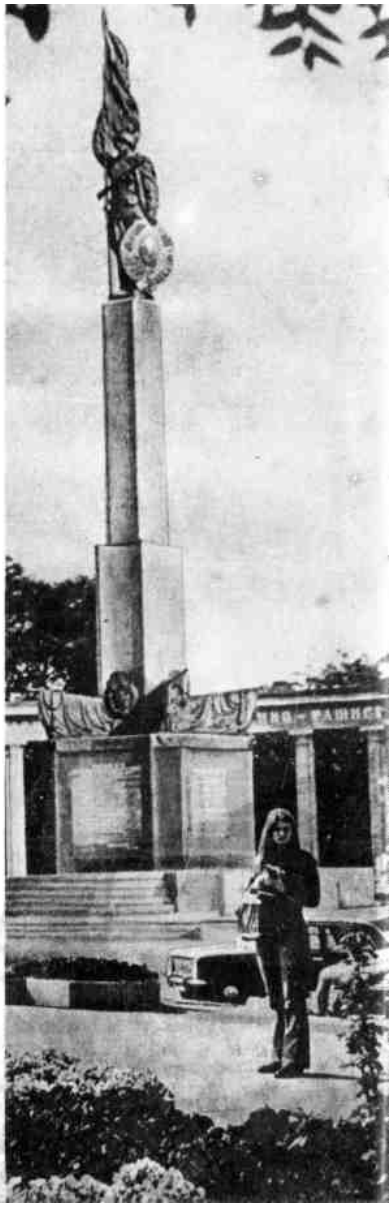


«Помнит мир спасенный», — такими словами из песни можно назвать снимки челябинского фотокорреспондента Сергея Григорьевича Васильева.

На них — Память. Дворец Карлхорст в Потсдаме, где подписана капитуляция, и стол, сохраненный навечно, — за этим столом была поставлена точка на самой страшной в истории войне.

«Добре дошли, братушки!» — цветами и фруктами встречали в 1944 году воинов 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола в Болгарии. Свой боевой путь она закончила в болгарской столице. Памятник Советской Армии в Софии — это и в их честь. «Алеша» над Пловдивом стал символом братской любви к советскому солдату…

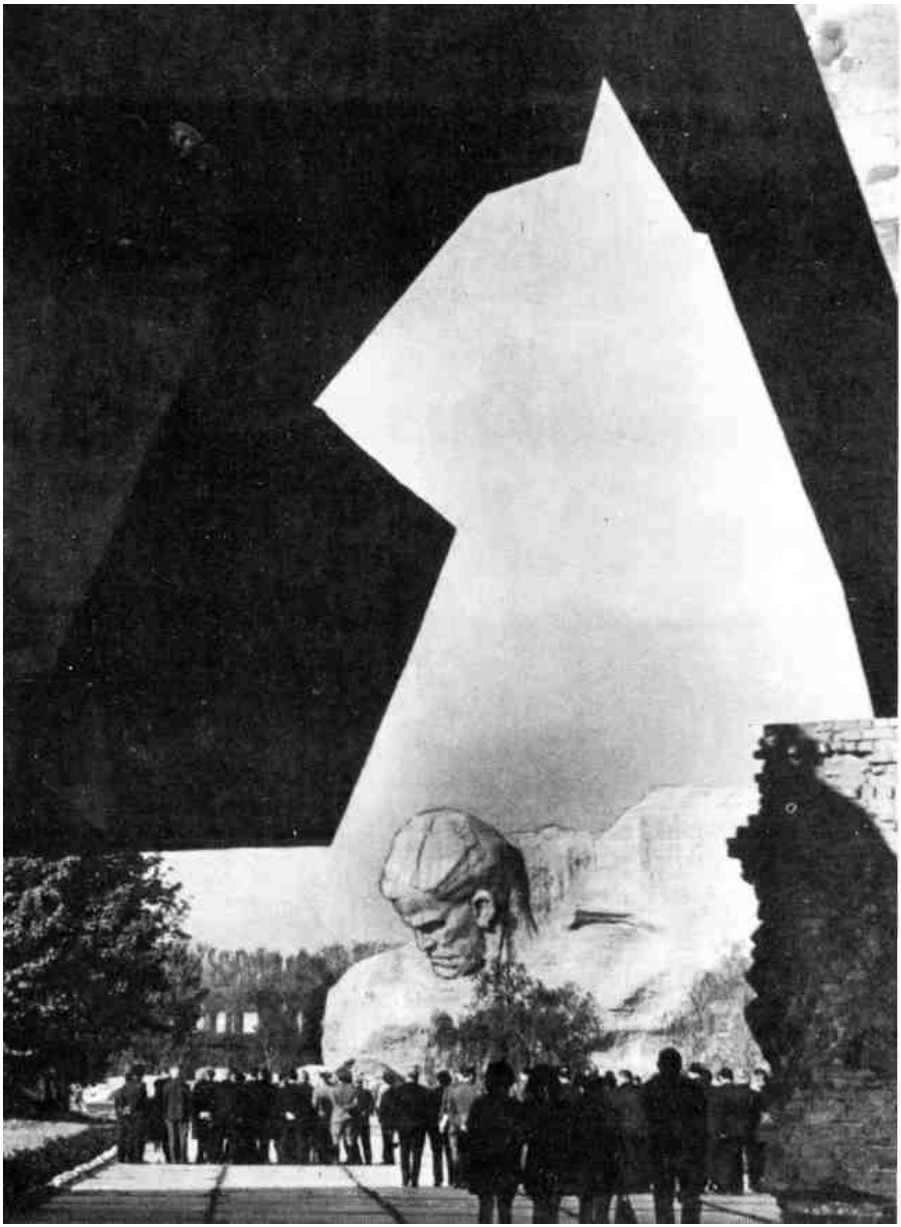
А добровольцы 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады бились в это время за свободу Польши. Многие челябинцы освобождали Варшаву, сражались вместе с бойцами Войска Польского. Не случайно в Челябинске существует совет ветеранов Войска Польского. Благодарные варшавяне помнят о мужестве советского воина.



По горным кручам австрийских Альп бесстрашно вел своих бойцов челябинец Герой Советского Союза Николай Иванович Ященко. До того была Венгрия, взятие Будапешта. Нелегкие бои, тяжелые потери. Стоит на горе Геллерт в Будапеште памятник советским воинам, его видно днем и ночью. Помнят о подвиге советского солдата и в Вене…

А памятник в Белграде — не просто дань уважения советскому солдату, но и символ боевого братства: и бесстрашные рейды советских летчиков к югославским партизанам, среди которых было немало советских людей, бежавших из плена, и боевые операции, когда в атаку на фашистов шли плечом к плечу югославы и советские бойцы.

Челябинские танкисты спасали восставшую Прагу. Памятник в Остраве — свидетельство помощи челябинцев из 2-й воздушно-десантной дивизии в Словацком восстании, их участия в освобождении Словакии. «Родина не забудет своих героев» — слова на плите в Трептов-парке в Берлине.



«Родина помнит своих героев!» — величественный мемориал в крепости — городе-Герое Бресте увековечил беспримерный подвиг советских патриотов, показавших символ стойкости и героизма. Среди погибших защитников крепости немало наших земляков. Нескончаем людской поток со всех концов мира, люди чтят память героев, порой безвестных.

«Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». Вечна наша память, как вечен огонь у Кремлевской стены на могиле Неизвестного солдата, как будет вечно гореть он в челябинском Сквере добровольцев. Родина помнит своих героев! Помнит мир спасенный подвиг советского народа!

65 к.

ЧЕЛЯБИНСК

ЮЖНО-

УРАЛЬСКОЕ

КНИЖНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1985